

М. И. БЕЛОВ

АНГАЗЕЯ

**ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД
1969**

Вновь назначенный воеводой в Сибирь московский дворянин Данила Наумов на морском судне (коче) добирается до места службы — «златокипящей Мангазеи», о которой, по рассказам и документам, он составил представление, как о величественном красивом городе-крепости за полярным кругом. Он тешил себя надеждой умелым управлением восстановить упавшие там пушные промыслы и торги. В действительности он застаёт Мангазею в развалинах, заброшенной и оставленной населением. Тогда с войсками он перебирается с реки Таз на реку Енисей и на ее левом притоке — реке Турухан — строит Новую Мангазею. Свободное от службы время он посвящает изучению мангазейского архива и постепенно восстанавливает по документам историю Мангазеи, выяснив причины расцвета и падения ее.

Это исторические рассказы о первом русском заполярном городе, о Мангазейском морском ходе, изложенные автором как бы от лица последнего мангазейского воеводы Даниила Наумова.

В главе «По запретному пути» автор, используя новые архивные документы, полемизирует с традиционным освещением вопроса об археологических находках на острове Фаддея и в заливе Силка. В заключительной главе рассказано о посещениях учеными древнего мангазейского городища и начале археологического изучения его Мангазейской историко-географической экспедицией, которой руководил автор книги — д-р ист. наук, проф. М. И. Белов.

ОТ АВТОРА

На рубеже XVI и XVII вв. отряды русских землепроходцев и полярных мореходов при своем движении «встречь солнцу» создали за полярным кругом в нижнем течении реки Таз мощный форпост — город и крепость Мангазею, известную по историческим документам как «златокипящая Мангазея», «украсно украшенная», «благословенная» царская вотчина. В народной памяти и легендах Мангазея едва ли уступает сказочному граду Китежу, а по своему влиянию на судьбу освоения Сибири, на географическое ее открытие и на развитие арктического мореплавания несравнима ни с одним другим сибирским городом XVII в. Именно Мангазея стала отправным пунктом для тех, кто шел на самый северный полуостров Азии — Таймырский, к «великой и славной» реке Лене. Могуча и великолепно была Мангазея. В ней в той или иной мере отразились и эпическая удаль, и самоотверженность русского народа — народа-строителя, народа-воина, морехода и путешественника. В ней счастливо сочеталось все истинно русское: и пятибашенный кремль, построенный в народных градостроительных традициях, и церкви под шатровой кровлей, и терема, и незатейливые стенные росписи, и ажурная вязь деревянных украшений. В то же время Мангазея — это не только достижение архитектурного градостроительного искусства в условиях вечной мерзлоты. Это еще и определенный, довольно высокий уровень мореплавательной культуры, выразившейся в полярном судостроении. Это и достижения в области крепостного строительства, торговли и промыслов. Одним словом, Мангазея — это плоть от плоти русского народа, от плоти тех безымянных русских ремесленников и даровитых крестьян, которые украсили страну, весь Русский Север, от Карелии до Урала, удивительными творениями своих рук: построили деревянный храм в Кижях и Коломенский дворец; отлили на удивление всей Европы первую пушку с винтовым нарезом; подняли с помощью архипростого устройства на высоту колокольни Ивана Грозного

колокола в 8 тысяч пудов; поставили на Спасской башне Московского Кремля «боевые часы»; пытались прорубить туннель под Москвой-рекой, от Каменного моста к Кремлю; сконструировать «летающий журавель» — прообраз современного самолета. Это им, смелым и настойчивым, принадлежит заслуга в открытии всей Сибири, в ее описании и картировании. И они же научились искусству солеварения, научились находить и обрабатывать руду, чернить по металлу и вырезать из моржового клыка ларчики и рукоятки сабель. Проявили они себя и в науках, и в искусстве, и в литературе, из их среды вышел Андрей Рублев, и Симон Ушаков, и протопоп Аввакум. Поэтому трудно и ответственно писать о Мангазее. Трудно прежде всего потому, что в руках современного историка мало документов о первом русском городе за полярным кругом, уничтоженном грандиозным пожаром. Однако в старых изданиях и в архивах удалось найти материалы, которые на этом этапе изучения могут пролить свет на недолгую, но бурную историю Мангазеи.

Отдельные главы книги написаны как исторические рассказы о Мангазее, причем автор ведет повествование от лица последнего мангазейского воеводы — Данилы Наумова, который много знал об этом чудесном городе и был свидетелем его необычного конца. Был ли такой воевода на самом деле или он живет только в авторской фантазии? Данила Наумов не выдуман. Он существовал, как существовали и жили все люди, которые упоминаются в книге, — дьяки и подьячие, крестьяне Русского Севера, мореходы, торговцы и промышленники. В тексте нет ни одного вымышленного лица, ни одной придуманной исторической ситуации и факта. Это историческое исследование.

В заключительной главе изложен сугубо научный спор об археологических находках на Таймыре, связанный с Мангазеей, но не с основным замыслом книги. В послесловии выдвинуто и обосновано предложение о необходимости археологического изучения Мангазеи.

МЕЧТА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Ранней весной 1670 г. из Москвы в Тобольск по зимней сибирской дороге через Чердынь и Верхотурье спешил к месту службы вновь назначенный воеводой в Мангазею стряпчий¹ Данила Тимофеев Наумов. Миновав Урал, его трудные горные дороги, и оказавшись на равнине, раскинувшейся за Тюменью, воеводский возок полетел быстрее. Только на раскатах и высоких подъемах его все еще заносило в сугробы, и, пока сани ставили в колею, змейкой вытянувшуюся по безбрежной снежной пустыне, Данила наслаждался первозданной природой, тишиной и покоем.

Такое назначение он получил неожиданно. Для него, мелкопоместного дворянина, это было большой удачей, и он уже мечтал, как будет управлять знаменитым сибирским городом, как наладит там упавшие торги и промыслы.

¹ Стряпчий — придворный чин, чиновник по судебным делам при царском дворе.

Перед отъездом его познакомили в Сибирском приказе¹ с текущими делами, из которых явствовало, что доходы царского двора в Сибири резко упали. Сановитые и знатные воеводы, ясачные сборщики и жадные до наживы купцы разорили хозяйство богатой страны. Сибирский приказ подал царю Алексею Михайловичу доклад о состоянии воеводств, о начавшихся там выступлениях местного населения и просил рассмотреть его неотложно. Но царю и боярской думе, занятым борьбой с отрядами Степана Разина, было не до этого. Тогда начальник Приказа — окольничий² Родион Стрешнев принял меры самостоятельно. Он решил, что в Сибирь должны назначаться инициативные, способные люди, лучше всего неродовитые дворяне, заинтересованные в личных доходах и считавшие это назначение почетным. Заботясь о своих интересах, они будут «изыскивать государеву пользу». В число особенно бедственных уездов попала и некогда сказочно богатая Мангазея, раскинувшая свои владения в бассейнах рек Таза и Енисея.

Несколько дней Наумов изучал мангазейские дела, пытался понять, почему разорился уезд, но вскоре заметил бесполезность своих усилий. Его поразило то, что никто из приказных, ведавших Тобольским столом, не смог ответить на его, казалось бы, простые вопросы: что собой представляет Мангазея, где она расположена, каков туда путь? Однажды, очевидно, чтобы умирить его пыл, ему принесли и показали под большим секретом раскрашенный «Чертеж Сибири»³, присланный из Тобольска воеводой Петром Годуновым. Считался этот чертеж единственным, и поэтому иностранные дипломаты и торговцы проявляли к нему особый, повышенный интерес. Поглядел Данила на эту карту и расстроился, найдя Мангазейский

---

¹ Сибирский приказ — центральное правительственное учреждение по управлению Сибирью. Образован в 1637 г. До него сибирскими делами управлял Приказ Казанского дворца, или Казанский приказ. Делопроизводством в приказе ведали отделения — «столы». Тобольский стол заведовал делами уездов, подчиненных Тобольску, главному городу Сибири, в число которых входил и Мангазейский.

² Окольничий — один из высших боярских чинов.

³ Речь идет о чертеже Сибири 1667 г. (так называемом Годуновском). Шведским разведчикам К. Прютцу в 1669 г. и Э. Пальмквисту в 1673 г. с помощью подкупов чиновников Сибирского приказа удалось снять с чертежа копии и переправить их за границу. Позднее чертеж 1667 г. был найден в шведском архиве.

Землепроходец. Скульптура Е. А. Вешневской. Экспозиция Музея Арктики и Антарктики,

город далеко в полярной пустыне, в близком соседстве с берегом неизвестного моря, за рекой Обью, и невольно подумал: «Далеко же забрались русские люди, почти под самый Полярный круг».

Начальник Тобольского стола, которого он расспрашивал о дороге в Мангазею, ответил сердито: «Приедешь в Тобольск, воевода князь Петр тебе обо всем расскажет». И добавил: «Говорили мне приказные, что теперь попадают в Мангазею через Маковский и Енисейский остроги». А подлинного пути в Мангазею, видать, и он не знал.

Зато заметил воевода, как бойко работал Якутский стол Сибирского приказа. Здесь всегда бурлил приезжий народ — атаманы, сотники, казаки, посланные в Москву с богатой ленской собориной казной. А события в тех землях впрямь разворачивались сказочные.

Восемь лет назад явился к царю Алексею Михайловичу большой бородатый казак Семен Дежнев. Привез он необычную «государеву казну»: моржовые клыки — «рыбью кость моржевого зуба». Высоко ценились моржовые клыки на Руси, а особенно «заморный зуб», пролежавший в песке и гальке несколько десятков лет и отливавший самыми различными красивыми оттенками. Из него делали затейливые ларчики, женские украшения, застежки, рукоятки сабель и кинжалов. Залежки «кости моржевого зуба» и «коргу» открыл Семен Дежнев на взморье, за «Большим Каменным Носом» в устье реки Анадырь. Туда в 1648 г. во главе отряда казаков, торговых и промышленных людей он совершил плавание, пройдя впервые из Ледовитого океана в Тихий проливом, отделяющим Азию от Америки. Тяжелым оказался этот путь. У самого выдающегося в море Каменного Носа, восточного мыса Чукотки, погибло три его судна, а до Анадыря, до «корги» дошло 24 морехода, остальных «рознесло море». Долго искали подьячие¹ на чертеже эту «коргу» и реку Анадырь, но найти не могли, а решили верно: сделал казак нужное, полезное дело. Уехал Семен Дежнев в Якутск в чине казачьего атамана, как и за три года до него другой якутский казак Михаил Стадухин, побывавший на реке Пенжине и проплывший вдоль побережья Тихого океана, «Теплого моря», до Охотского острога.

---

¹ Подьячий — помощник дьяка, канцелярист.

Каждый приезжавший из Якутска в русскую столицу рассказывал что-нибудь интересное о «новых землях» и в подтверждение своих рассказов клал на стол связки серебристых соболей. Расспрашивал Данила и у них, не знают ли что-нибудь о Мангазее. Ответ всегда следовал один: слышали об этом городе, но в нем не бывали. Так и отправился в Сибирь воевода, не собрав нужных сведений. В Тобольске ему предстояло передать царский указ о постройке «мангазейского судна», так как намеревался он дойти до Мангазеи «морем».

В конце апреля, оставив позади последний ям, возок воеводы в полночь прибыл в Тобольск. Утром Наумов был уже на воеводском дворе, где его радушно встретил благообразный мужчина с черной окладистой бородой. Это Петр Годунов, о котором в Сибирском приказе говорили как о талантливом, рачительном сибирском правителе. «Любит он науки, а пуще всего географию, часто совершает путешествия по своему необъятному краю», — сказал о нем один из приказных подьячих. За обильным завтраком и расспросами о Москве пытался Наумов повернуть разговор на Мангазею, но обходительный хозяин уклонился от этого и, как бы уступая настойчивости собеседника, лишь согласился поговорить о Мангазее в другой раз. Разговор о ней так и не состоялся: то князь Петр снаряжал стрелецкое войско против вторгшегося в южные пределы противника из степей, то выезжал в пригородные слободы. Однажды, при очередной встрече, Годунов, между прочим, сообщил, что год назад запретил Мангазейский морской ход, приказав ездить не по Обской губе, как раньше, а на Енисей. «Но для мангазейского воеводы придется сделать исключение», — добавил он, лукаво подмигнув.

В середине мая прибыла задержавшаяся в Москве семья — жена и два сына, а из Верхотурья к пристани подвели судно. Теперь все было готово к отъезду, и через несколько дней напутствуемый добрыми пожеланиями Петра Годунова Наумов отправился в далекий путь.

Против ожидания судно по Обской губе прошло без приключений, а в конце июля прибыло в реку Таз. Не порадовала природа москвитян. Кругом, насколько хватал глаз, лежала болотистая, кочковатая тундра. Все это мало напоминало березовые и сосновые рощи Подмосковья. Невысокие, сливающиеся с рекой берега, многочис-

ленные мелкие протоки, замедляющие ход судна, стаи диких гусей и уток, кружащихся над болотами, — и так многие дни. Иногда на берегу виднелись покинутые промысловые избушки, зимовья и редко — проходившие на север кочевники. Но дальше природа постепенно менялась: появлялись рощицы карликовых берез, правый берег реки становился выше.

Чем ближе судно подходило к Мангазее, тем большее волнение охватывало Наумова. Ведь ему так и не удалось выяснить до конца, станет ли он хозяином богатого, но разоренного прежними воеводами города, построенного каких-нибудь шестьдесят лет тому назад, или... О второй возможности он не думал. Здесь, вдали от Москвы, облеченный полной властью, он продолжал надеяться на самое лучшее. В его мечтах Мангазея все еще оставалась красивым, златоглавым городом, своего рода маленькой Москвой, затерянной в далеких суровых краях Заполярья. В воображении он видел ее шумные улицы, небольшой, но величественный кремль, наполненные товарами амбары, пристань, окруженную купеческими судами.

После недельного плавания по реке Таз вдали, на горизонте, неожиданно показалось редколесье. Наумов так залюбовался этим родным для него пейзажем, что вздрогнул от неожиданности, услышав рядом с собой голос кормщика: «Прибыли, воевода!». И все еще не понимая в чем дело, он переспросил: «Куда прибыли?». «Мангазея это», — повторил кормщик и показал рукой на высокий берег, поросший кустарником. Наумов наконец понял, что момент, которого он с таким нетерпением ждал, наступил. Он увидел пустынную местность, лес, что стоял неподалеку, и грустные предчувствия охватили его. В спущенном на воду карбасе Наумов подошел к старой пристани и с удивлением огляделся. Недалеко от прогнившего причала чернели полуобвалившиеся пустые амбары. От них уходила в гору поросшая травой дорога. Было пустынно и безлюдно. Не пригласив никого следовать за собой, воевода быстрым шагом направился в город. И уже поднявшись на крутой берег, заметил очертания полуразрушенной крепости — ее покрытые мхом башни.

Представшая за городскими воротами картина также не порадовала его. Правда, соборная церковь Троицы сверкала своими куполами, но вокруг все выглядело мрачно и заброшенно... Попавшиеся навстречу люди указали,

где воеводский двор, заметив, кстати, что самого воеводы в городе нет. Едва устроился Данила и поспешил осмотреть свои «владения». С мечтой о красивом и богатом городе он уже расстался. Понял он также и то, почему Петр Годунов не захотел говорить с ним о Мангазее — не желал преждевременно разочаровывать его.

Тем временем весть о прибытии воеводы быстро распространилась, и люди шли к нему: кто с челобитием, кто просто так — посмотреть на нового столичного чиновника. Вначале он направился в службы — съезжую избу, таможенную, помещение для охраны. В стрелецкой избе он застал всего лишь трех служилых, объяснивших, что остальные уехали ловить рыбу на реку, что сами они несут караул на городских стенах и пришли перекусить. На «государевом амбаре» висел большой ржавый замок, который ему открыл сторож. Подьячий, сопровождавший Данилу при обходе, сказал, что хлебных запасов в этом году из Енисейска не завезли, а прошлогодних едва ли хватит на зиму. О состоянии крепостных стен и башен говорить не приходилось. Они уже не являлись боевыми укреплениями: пушек на них не было, лестницы в башнях поросли травой и обвалились. Все, что осталось от посада, воевода обошел за полчаса. Здесь чернели пустые перекошенные амбары и сараи, рядом с ними ютились низкие избы, которые, судя по курившемуся из труб дыму, еще не были покинуты жителями. Всюду валялся мусор и разный хлам.

Зашел воевода и в церкви. В красивой, расписанной фресками соборной церкви услужливый дьячок грустно поведал ему о том, что из двух мангазейских храмов службы отправлялись только в церкви Троицы, да и то когда из Туруханского зимовья приезжал священник. «Лет за десять до этого, — пояснил дьячок, — по приказу воевод на Енисей в Троицкий монастырь вывезли знаменитые пелымские колокола, доставленные в Мангазею еще при Борисе Годунове.»

С огорчением узнал Наумов, что в Мангазее давно не собирались ярмарки, что не восстанавливался гостиный двор и что сюда больше не приходят торговые и промышленные люди. Осмотр убедил его в том, что Мангазея пережила свой расцвет и восстановить город уже нельзя. Оставалось одно — забрать из него все, что имело ценность, а также большую часть гарнизона и оставшихся на посаде «жилецких» людей и перевести в Туруханское

зимовье и уже на новом месте строить новую Мангазею. Поэтому отрядив для охраны опустевшего города два десятка стрельцов, он вместе с семьей продолжал свое ненадолго прерванное путешествие. Через несколько дней старый воевода из Туруханского зимовья выехал в Енисейск и оттуда в Тобольск.

Для Наумова началась трудная служба, окончившаяся через долгие шесть лет. За это время он построил новый город — Новую Мангазею. А все свое свободное время посвящал изучению большого архива Туруханского зимовья, надеясь найти ответ на мучивший его вопрос: что же все-таки это был за город — Мангазея, что такое Мангазейский морской ход? Между прочим, рассчитывал закончить непривычное для него дело в короткий срок, а вышло все не так: чем больше углублялся последний мангазейский воевода в изучение пожелтевших свитков и книг, тем труднее было оторваться от них. Перед ним развернулась удивительная история Мангазеи.

ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ

Еще в Москве он слышал, что морские пути в Сибирь открыли крестьяне северных областей Руси — поморы. Жили они с незапамятных времен у ледовитого моря. Опытнее их на всей земле не отыскать полярных мореходов. Поэтому и знакомство свое с севером Наумов решил начать с поморских книг и летописей. Принесли их ему монахи Троицкого монастыря, что стоял против Туруханского зимовья. В библиотеке преподобного Тихона, настоятеля монастыря, этих книг оказалось немало. Считался Тихон тайным приверженцем пламенного и неистового протопопа Аввакума, недруга патриарха Никона. Удалили его из Москвы и сослали в Сибирь. Тихон основал Троицкий Туруханский монастырь и поставил его хозяйство широко. Видел его Наумов всего один раз, когда приезжал в монастырь на богослужение, там и договорился пользоваться библиотекой Тихона. Ревнитель старой веры был патриотом Поморья, считал северные области Руси, куда отступили раскольники, центрами культуры и письменности. «Таких рукописей и стародавних книг, — говорил Тихон, — не отыщешь и в Соловецкой обители.»

И вот сейчас они лежали перед Данилой в массивных кожаных переплетах с серебряными или медными застешками, с причудливыми киноварными буквами и заставками. Читая их, восхищался он русским письменным искусством, дивился долготерпению тех, кто строчка за строчкой пером рисовал по тонкому блестящему пергаменту буквы полууставного и уставного письма. Здесь были новгородские и киевские летописи, жития святых, сборники рассказов и повестей, царские грамоты на Двину, неразвернутые столбцы с первыми отписками¹ мангазейских воевод, расспросами о морских путях.

Наумов узнал уже многое. Главные события, непосредственно предшествовавшие постройке Мангазейского города, развернулись одновременно в Поморье и в Москве в 1598—1601 гг.

В Поморье, в Холмогорах, весной 1601 г. собрался в мангазейский поход торговый и промышленный люд: кто из Усть-Пинеги, кто из Устюга Великого, а кто из Вологды, народ бывалый — мореходы. Шумная, веселая ватага заняла небольшие деревеньки под городом, но задерживаться они не собирались — спешили. Еще года два тому назад послали они своих земляков — Угрюма Иванова и Федула Наумова в Москву с челобитной к самому царю Борису Годунову. А просили они позволить им торговать и промыслять «повольно» на реках Оби и Енисее, согласившись — без этого было не обойтись — платить за упромышленных соболей и бобров, песцов и горностаев десятинную пошлину старосте и целовальнику² Окладниковой слободы. Дело казалось неотложным и важным.

---

¹ В Московском государстве XVI—XVII вв. существовала такая система письменных сношений: все, кто состоял на царской службе, по частным, личным, делам обращались к царю с челобитными, по государственным вопросам — с отписками. Воевода посылал царю отписку о своей службе, ясачный сборщик — отписку воеводе. Торговые и промышленные люди не имели права составлять отписок, в любых случаях они обращались к царю с челобитными. Царь сносился с воеводами с помощью наказных памятей или просто памятей. Воеводы выдавали ясачным сборщикам и другим подчиненным им лицам наказные памяти, старательно выписывая задачи службы и средства для их решения. Нередко в наказной памяти описывалась дорога к месту службы, что представляет большой историко-географический интерес.

² Целовальник — сборщик таможенных пошлин. При вступлении в эту выборную или назначенную должность нужно было целовать крест. Отсюда и произошло название самой должности.

Незадолго до этого по поморским селам и городам, стоявшим в устьях медленных северных рек, прошла тревожная весть: неожиданно-негаданно объявился в далекой, богатой серебристым соболем и серебристым бобром земле за Обской губой, на реках Таз и Енисей, отряд тобольских стрельцов во главе с думным дьяком¹ Федором Дьяковым. Царский посланец привез с собой двух целовальников, сборщиков таможенной «десятинной» пошлины, и под пыткой «расспрашивал» кочевой народ — самоедов и остяков² — о промыслах и торгах поморских крестьян, домогаясь, не собирали ли они ясак от имени русского царя. Почувствовали поморы в приезде Дьякова большую для себя опасность, узнали, что навет на них подстроили сольвычегодские купцы Яков и Григорий Строгановы, после похода казака Ермака Тимофеевича захватившие все торговые дороги в Сибирь и вершившие там свой суд и расправу. Мангазейский морской ход, основанный поморами, был неподвластен им, мешал им обогащаться на сибирском промысле и торге. В 1598 г. по указу слабовольного царя Федора Ивановича, по настоянию Строгановых, и была направлена на Обь и Таз экспедиция Дьякова, которую по проторенной дороге через Тобольск на Березов вел вымич Василий Тарабукин. Верхотурский воевода Василий Петрович Головин на своих обширных плотбищах³ должен был строить «для мангазейского ходу... судно с четыре или с пять, распрося тамошних людей, на каких судах можно в Мунгазею и в Енисею ходить». С Перми и Вологды, Сольвычегодска и Вятки согнали в Верхотурье 110 плотников-корабельщиков. С Казани везли железные гвозди и скобы, а в ближайших «пашенных местах» собирали парусину и пеньку.

Дьяков отправился из Тобольска рано, вслед за отступающими льдами, но продвигался медленно по опасной Обской губе — месяцами стоял, ожидая «пособного» ветра. В Мангазею дошел осенью. Там и допросы чинил и

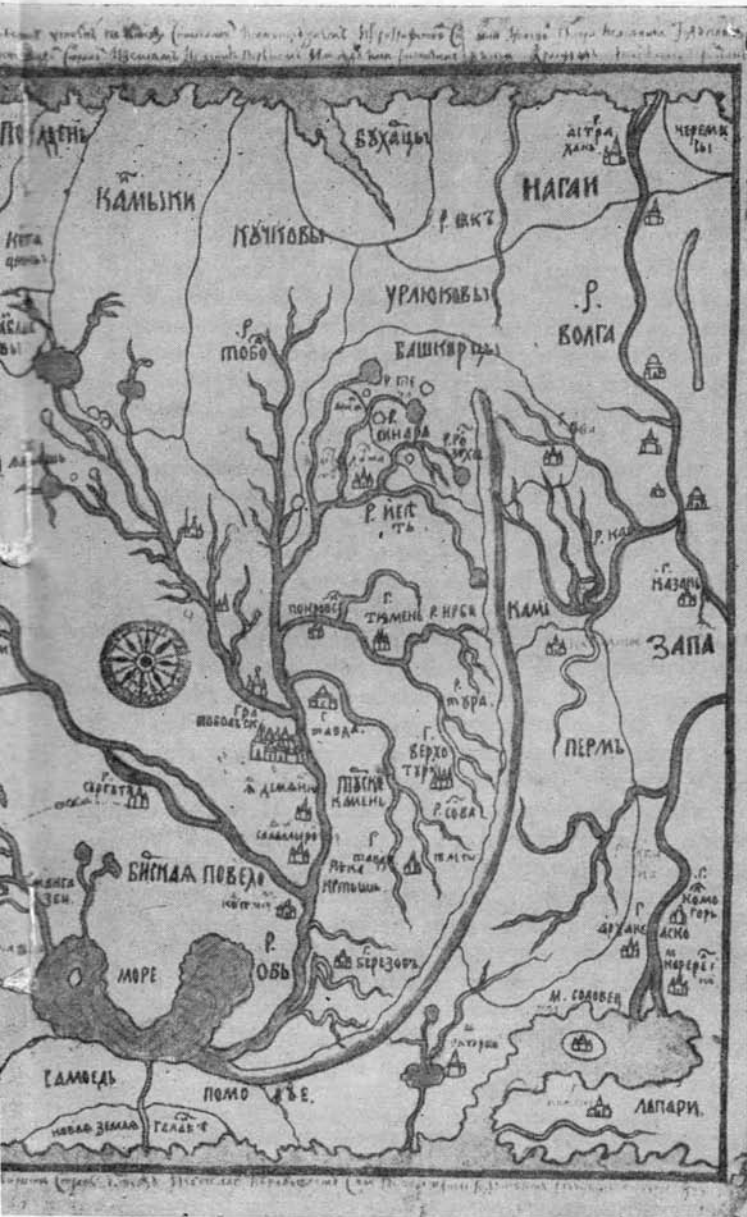
¹ Дьяк — должностное лицо, ведавшее делами какого-нибудь учреждения. Думный дьяк — сословный дворянский чин.

² Самоеды — так назывались ненцы. В XV—XVII вв. кочевали по Северу, от Мезени на западе до Таймырского полуострова на востоке. Остяки — современные наводности ханты, кеты и селькупы. Кочевали на реках Обь, Иртыш, Таз и Енисей.

³ Плотбища в древней Руси назывались судовые верфи.

Чертеж Сибири Петра

Петра Годунова (1667 г.).

собирал с промышленников первую десятинную пошлину, а с самоедов и остяков — первых ясачных соболей. Запечатав сургучной печатью «распросные речи» о «воровских делах»¹ поморских крестьян, двинулся он обратно в Тобольск, понимая, какая крупная рыбка попалась ему в сети, за нее он ждал наград от «царских прибыльщиков» Строгановых.

Но сибирские дороги длинные и трудные. Шли месяцы и годы. В Москву Дьяков прибыл только весной 1600 г. По-новому жила столица. Волновались крестьяне, бежали на южные границы, где кругом ходила казачья вольница. Царь Борис заигрывал с «чернью и крестьянами», пытался умиротворить их, не ущемляя интересов дворян.

Свой доклад о поездке Дьяков представил Казанскому приказу, ведавшему тогда всеми казанскими, приуральскими и сибирскими землями. Здесь и узнал, что незадолго до его приезда царь «пожаловал» поморов вольным торгом и промыслом в Мангазее. Показали ему и жалованную грамоту на Двину. Огорчился служилый, но, поддержанный Строгановыми, решил не сдаваться.

А Угрюму Иванову и Федулу Наумову эта жалованная грамота стоила дорого. Приказной дьяк Федор Нечаев целый год кормил обещаниями поморских ходатаев, вывернул все их карманы наизнанку, соболя, что дали им земляки, все до единого лежали на нечаевом дворе. Пообносились и поиздержались пинежане, живя в Москве, но своего добились. В январские морозы позвал Нечаев Угрюма и Федула в приказную избу и торжественно вручил долгожданный документ. Читали они грамоту и не верили своим глазам: согласились царь и боярская дума со всеми их просьбами, рассчитывая на богатый сбор «государевой казны». А когда вернулись в Холмогоры и на Усть-Пинегу, объявили жалованную грамоту народу. «Божьей милостью мы великий государь и великий князь Борис Федорович всеа Руси..., — вещали бирючи², — есьмя

---

¹ Под «воровскими делами» подразумевалась государственная измена. Вор — это человек, изменивший царю. В данном случае, с точки зрения Дьякова, поморы являлись «ворами», так как собирали государев налог — ясак, выражавший подданство племен царскому двору, т. е. высшей власти феодального государства.

² Бирюч — всенародный вестник — глашатай, читавший на площадях важные документы: царские грамоты, воеводские приказы.

Двинского уезда пинежан и мезенцев... и всех промышленных людей пожаловали в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити и с самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее, им торговати велели повольно; а нашу десятую пошлину, от девяти десятая, из соболей лутчей соболь, а из куниц лучшая куница, а из лисиц лучшая лисица, а из бобров лутчей бобр, а из песцов лучшей песец, и изо всякие мяккие рухляди и изо всякого товару десятое, тем торговым людям пинежаном и мезенцом... велели есьмя давати на Мезени, в Окладниковы слободке, приказным людям и старостам и целовальником, а опричь Окладниковой слободки, что на Мезени, нигде десятого не давати есьмя им не велели;... а возити им с собою там наших государств русские товары незаповедные да съестные всякие запасы; а про свою нужу имати им с собою по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку да по саадаку¹ да по рогатине² человеку для того, что они там для своих промыслов живут года по два и по три и им без того быти нельзе, а больши того им с собою оружия и топоров и ножей не имати и того им ничего не продавати, а заповедных им товаров, пищалей³ и зелья⁴ пищального, и саадаков, и сабель, и луков и стрел, и железец стрельных, и доспехов, и копей и рогатин... всяких заповедных товаров не возити.»

Царская грамота давала возможность поморам открыто «водить» в Мангазею походы, которые раньше хотя и совершались, но тайно. Поэтому и в документах не было сведений об этих походах, хотя известно, что начались они давно и что особенно участились в середине XVI в., когда иностранцы стали торговать на архангельском рынке. Крестьяне доставляли иностранным купцам из Сибири бобров и куниц, соболей и песцов, обходя таможенные заставы и царских сыщиков.

Славились пушные поморские промыслы издавна. Пока в среде крестьян-промышленников остро не обнаружилось разделение на богатых и бедных, не появились крупные посредники — купцы, промышленные артели обычно

¹ Саадак — лук с налучником.

² Рогатина — ручное оружие, род копья, долгого бердыша, широкий двулезный нож на древке.

³ Пищаль — пушка или тяжелое ружье.

⁴ Зелье — порох.

снаряжались на общие средства. Каждый участник вносил в артельную казну пай, получал одинаковые права со всеми, а при разделе добычи — свою долю. Такие крестьяне назывались своеужинниками, от понятия «ужина» — доля капитала в промысле. В большинстве случаев под ужиной подразумевался и промышленник и его снаряжение. Когда говорили: «Пошла на промысел артель о восьми ужинах», — это означало, что артель состояла из восьми промышленников. Или: «Имярек отправил на промысел 12 ужин», — значит, имярек нанял и снарядил 12 промышленников. Потом богачи и сами стали снаряжать артели, а бедные попали к ним в кабалу. Если в поход уходил снаряженный кем-то крестьянин-промышленник, то его считали ужинником, покрученником. Условия найма покрученников были различны, но чаще всего хозяин брал на себя обязательства за работу на промысле одевать и обувать покрученника. На время промысла покрученникам выдавались топоры, ножи, лук со стрелами, иногда огнестрельное оружие, лосиные и соболиные обметы¹. Их одежда состояла из полушубка и кафтана, шапки-ушанки и меховых рукавиц, обувь — из кожаных сапог и чарокамывос лосиных. Питался промышленник-своеужинник хлебом, рыбой, медом. Иногда перепадало и вино. Хозяин обязывался защищать его в суде и перед властями. Зато при дележе добычи покрученник получал лишь третью часть.

В начальный период мангазейских морских походов и промыслов распространенными являлись артели и ватаги промышленников-своеужинников.

Вот такая артель и составила под Холмогорами. Верховодили в ней Молчан Ростовец, Агей Распопов из Матигор, Иван Мелентьев Прозвигов и Меншик Панфилов Вондокурец. Всего собралось 40 человек. За плечами этих людей был немалый опыт тяжелых ледовых походов на Новую Землю и Грумант, где били они моржей, чтобы добыть драгоценные клыки. Их прадеды и деды истари промыслили морского зверя в Белом море, в Варзуге ловили заборами семгу, в Неноксе вываривали из морского рассола соль; в XV в. они строили на островах Онежского залива златоглавый Соловецкий монастырь, рубили на высоких берегах рек деревянные чудо-

---

¹ Обметы — сети для ловли зверя.

церкви, разукрашенные ажурной резьбой и затейливыми куполами. Не уступали они никому и в грамоте. По поморским городам и селам ходили переписанные от руки списки древних церковных книг, народных легенд, сказаний. Их трудами были сохранены старательно переписанные киевские, новгородские и двинские летописи, рассказы и упоминания о самых древних походах на Северный Урал, в Сибирь, по морю-океану.

Под 1032 г. в Новгородской летописи говорилось о походе двинского посадника Улеба на Железные Ворота (так назывался тогда пролив Карские Ворота). Ходил этот Улеб с Северной Двины на дальнюю окраину Новгородской земли — к Югре. В летописном перечне посадников, т. е. хозяев Новгорода Великого, стоял Улеб десятым за первым посадником — легендарным Гостомыслом, нанешим поражение варяжскому войску до прихода на Русь Рюрика, Синеуса и Трувора, и седьмым от Остромира, оставившего после себя первую русскую рукописную книгу «Остромирово евангелие». Отрок Гюрята, по рассказам новгородских дружинников, ходивших собирать дань с югорских племен, написал «Сказание об Югре». «Есть же и подаль на полунощ (на север) иные страны — суть горы зайдучи Лукоморья (очевидно, имелась в виду Обская губа). Им же высота до небеси... Есть же путь до гор тех, и непроходим пропастьми, снегом, лесом», — утверждал Гюрята. А чтобы привлечь к далеким северным странам людей, нарисовал он такую картину. В стране у Лукоморья несметные пушные богатства: едва родившись, белки и олени падают из туч и разбегаются по земле.

Переписывалось и ходило из селения в селение новгородское «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране», составленное в XV в. «В той же стране, за теми же людьми, — говорилось в «Сказании», — над морем есть иная самаядь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как и прочие человецы...» И дальше: «В той же стране, за теми же людьми, над тем же морем иная самаядь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину человецы; а коли едят и они крашат мясо и рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут ести, и они плечимо движуть вверх и вниз...». Знал новгородский книжник и о более отдаленных странах. «На восточной стороне, за Югорьскою землею, —

писал он, — над морем, живут люди самоедь завомыи Малгонзеи. Ядь их мясо оленье, да рыба... В той же стране, за теми же людьми над морем, живут иная самоедь такова: Линная словет; лети месяц живут в море, а на суше не живут того деля: того месяца понеже тело в них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти.»

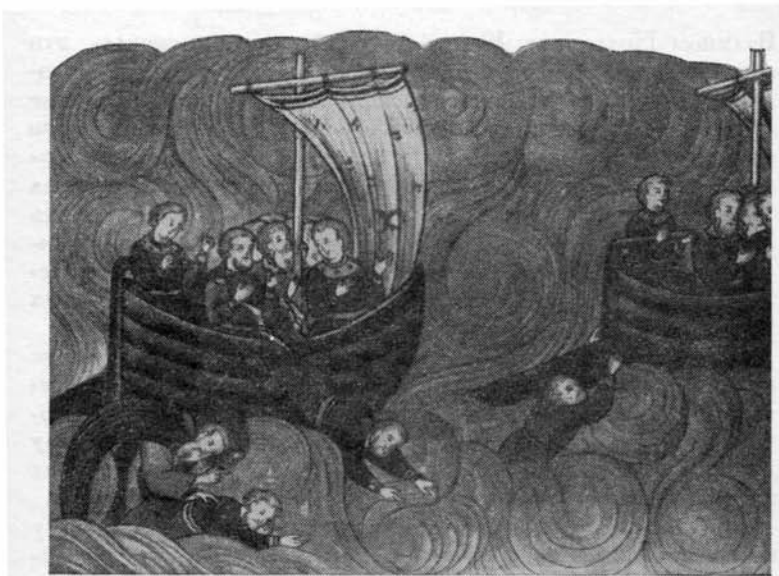
«Сказание о человецех незнаемых...» обошло тогда весь свет. Знали его не только в Поморье и Новгороде, но и за рубежами Русской Земли. Это было единственное сочинение о самоедах, разделенных безымянным автором на два рода: «югорскую самоедь», что кочевала по северу Печорского края, Северному Уралу до Обской губы, и «мангазейскую самоедь», жившую к востоку от Обской губы до реки Енисея. Само слово «малконзеи», впервые появившееся в этом сочинении, обозначало племя малканзеи, позднее — мангазен, что значит по-зырянски: «народ на краю земли», «у моря». Выяснилось позднее, в XVII в., когда русские отряды побывали на Лене, что под «Линной самоедью» разумел новгородец ленский, линский народ.

В XIV—XV вв. из Новгорода были совершены и первые походы в Сибирь. В 1363—1364 гг. новгородский воевода Александр Абакумович с немалым войском продвинулся до реки Оби и «воеваша по Оби реки и до моря». Под «морем» летописец, очевидно, разумел Обскую губу. В 1499—1500 гг. туда же прибыло большое московское войско во главе с князем Семеном Курбским. Воинами князя были крестьяне Поморья — холмогорцы, кеврольцы, мезенцы. В устье реки Печоры построили они новый город «на месте пустом для опочиву Московского государства торговых людей» — Пустозерск. «Щелью»¹ князь Курбский прошел через Уральские горы, побывал в Березове.

И еще минуло сто лет. В Поморье произошли большие перемены. Если раньше на Юргу и далее в восточные владения новгородцы отправлялись на небольших долбленых лодках, называвшихся ушкуями, то в XVI в. они стали ходить по морю-океану на новых судах. В народных

---

¹ Щель, щелья — это высокий каменистый берег реки или моря. По всей вероятности, Семен Курбский перешел Урал, держась речных каменистых долин.

Плавание поморов на лодьях по Белому морю. Миниатюра из Соловецкого патерика XVI в.

сказаниях, в житиях святых, в древних рукописных книгах рассказывалось о далеких походах «в море-окияне» на кочах и «кочневых лодьях».

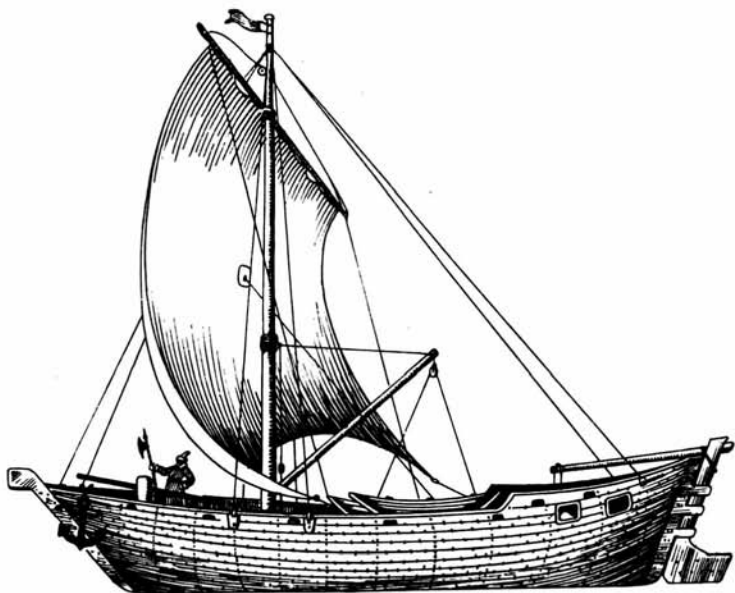
Народная молва приписывает начало этого нового и важного дела крестьянам Соловецкого монастыря. В Онежском заливе, в устье реки Кемь, построили они плотбище и срубили небольшую лодьцу. А чтобы не разбилась о лед, нашили на ее борта «коцу», так по-новгородски называлась всякая ледовая защита, в том числе и ледовый пояс из крепкого дубового дерева. Лодьцу «с коцей» называли кочевой. Разрослось судостроительное дело широко. При царе Иване Грозном лодейные плотбища были на Онеге, под Холмогорами, в Мезени и Пустозере. На Грумант и Новую Землю, по Белому и Баренцеву морям, а затем и в Сибирь промышленники плавали на этих новых морских судах, постепенно совершенствуя их. В конце концов в Поморье появился новый тип быстроходного судна, имевшего уже мало общего со старорусской лодьей, известной в Киевской Руси и в

Великом Новгороде. Кроме ледовой защиты, «коцы», эти оригинальной конструкции корабли имели ледовые обводы, круглую, яйцеобразную форму. Иностранцы, которые сами видели кочи, называли их круглыми судами. При сжатии льдов коч, в отличие от западноевропейских судов, выжимало на поверхность. По длине коч не превышал 19 метров, а по ширине 5—6 метров. Он мог поднимать до 2000—2500 пудов. При хорошем ветре промышленники проходили на коче 200—250 верст в сутки. Первые ледовые корабли создавались руками лодейных и кочевых мастеров.

Но поморы умели строить не только большие морские суда. Для прибрежных, недалежных походов, для пересечения губ и перехода через волоки строились «малые кочи», поднимавшие от 700 до 800 пудов. По удобству преодоления волоков и плавания в мелких морских губах таким судам не было равных.

О походах на кочах и кочевых лодьях по ледовитому морю складывались легенды. Церковные книжники вплели их в ткань самых распространенных на Руси богословских сочинений — житий святых. В житии основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия рассказывалось о плавании в «пучине моря» некоего Митрофана и его товарищей. Митрофан ходил на зверобойный промысел («имел у себя добытки морские многие») «в край» моря, откуда не видно «превысоких гор», очевидно, далеко от Терского берега Кольского полуострова. Этим «краем» моря могла быть и Новая Земля, и Шпицберген. В этом же житии есть рассказ о необычной и почти трагической зимовке двух промышленников на одном из островов Онежского залива — острове Жужмие, куда попали они поздней осенью после гибели судна, разбившегося в бурю о камни. Зимой питались робинзоны чем попало, так как все их продовольствие утонуло. Только весной к острову подошла соловецкая лодья. Все, что увидели там монахи, потрясло их. «В некоем месте, — писали они, — при Камени [нашли] храмину малу, а в ней же два человека нага и гладна и ногам их гниющим зело токмо еле живы.»

В «чуде о брате Протасии и о страждущих человецех в семи судех» говорилось, как семь поморских судов, будучи на весеннем промысле в Белом море, попали в несколько необычный ледовый плен. В первый день пасхи (рассказывал зверобой Протасий) «прииде на нас бу-

Древнерусское ледовое судно коч. Реконструкция автора.

ря ветреная велия и трус велик в море, и подвижеса море от зельного дыхания ветренаго». Случилось это во время стоянки судов у кромки льда, «и нача быти подо льдом зыбь велика, яко не мощно нам на леду стояти от нужда волн морских». Затем суда отнесло ото льдов и бросило в открытое море. Промышленникам угрожала смерть. Даже старые и опытные поморы, выдавшие всякие виды, по словам Протасия, «не упомнят такова и толика труса морского». Спустя несколько дней кочи прибило к Соловецкому острову. Здесь обстановка неожиданно осложнилась. С моря на суда двинулись ледяные лавины. Промышленники приготовились к самому худшему. Семь дней продолжался ледовый плен. На восьмые сутки льды расступились под действием южных ветров, промышленники смогли продолжать свой путь.

В «чудесах» Жития Антония Сийского рассказывалось об осеннем ледовом дрейфе монастырской кочевой лодьи, на которой находилось двадцать работников под командой сына боярского Гаврилы Григорьева. От устья Двины лодью вынесло в море, что произошло 8 ноября. «А на

мори уже льды густые, исполнено великих льдов осенняя ради студени и многих ветров.» В дрейфе лодья претерпела ряд бед: льдами и ветром отломило «кормило правильное, им же окормляешься лодья» и порвало снасти, утонули якоря. Промышленники решили бросить судно и на лодейном карбасе выйти на берег. После опасных приключений они едва добрались до «высоких гор», очевидно, к Зимнему берегу Белого моря. Сюда вскоре придрейфовала и их лодья. Она осталась, несмотря на сильное сжатие льдов, целой и невредимой.

Однако не всегда поморы оказывались бессильными. Научились они использовать стихию. В «чудесах» Елизабра Анзерского сохранился рассказ о зимних плаваниях монахов Соловецкого монастыря по капризному Белому морю. Плавали на таких же кочевых лодьях от одного острова к другому, используя сильные приливо-отливные течения, когда «обретоша лед расточен. Та же возьмше лодийцу и начасты плыти». Такие плавания требовали от мореходов знания законов моря.

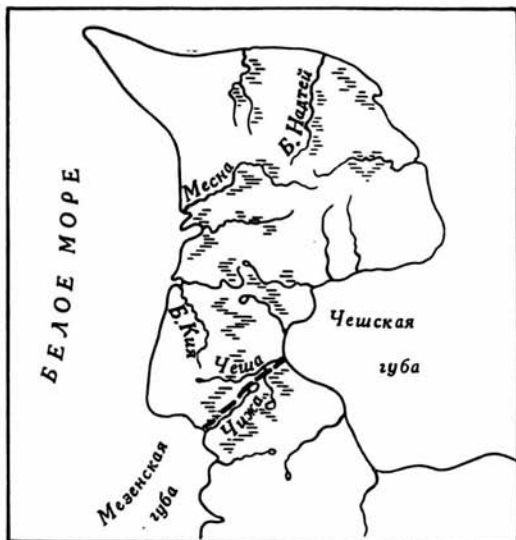
В холмогорской артели Молчана Ростовца и Агея Распопова, собравшейся плыть в Мангазею, конечно, было немало опытных мореходов. Среди них — Леонтий Иванов Шубин, по прозвищу Плехан. Шел он в караване на свои средства, считался своеужинником. Один из четырех малых кочей, заказанных для этого похода, принадлежал ему. В начале июня он побывал на плотбище, где строился его коч, и просил мастера приделать к бортам судна два дополнительных киля, чтобы корабль при «переволкивании» не терял устойчивость, а при морском волнении — не раскачивался. Леонтий лучше, чем другие поморы, знал льды и поморские обычаи, считался человеком работающим и дельным. Высокий и широкий в плечах, с окладистой русой бородой, веселого нрава, любитель попеть и поплясать в хороводах, он обращал на себя внимание. В первые июньские дни, когда кочи с плотбищ пригнали к Холмогорской пристани, Леонтий, чтобы ускорить загрузку судна, нанял рабочих людей. На коче подняли новый холщовый парус, что сшили на Усть-Пинеге, укрепили мачту варовыми веревками, подняли катки для волока, погрузили мешки с ржаной мукой и вяленой рыбой. Взял с собой Леонтий и две бочки ставки — топленого кислого молока, смешанного с моршшкой. Говорили, что зимой от цинги лучше этого питья ничего не может

быть. Пока у помора есть ставка, ему не страшны никакие болезни. В тундре и на берегах Студеного моря всегда в изобилии гуси и утки, свежая оленина и свежие яйца. Летом запасались салатом — травой, парили и варили его в печке или на костре, в квасу или на воде. Настой из травы пили горячим. Квасили салатную траву, запасали ее наподобие капусты и варили из нее щи с мясом или с рыбой. Кроме этого, Леонтий брал с собой песцовые и соболиные ловушки — пасти, обметы на соболя, рыболовные сети, топоры, ножи, пилы и другие «промышленные заводы».

Торговый товар Леонтий погрузил сам. Хранился он в кованых сундуках, а состоял из безделушек (голубые бусы — одекуй, колокольчики с бахромчатыми кистями, бисер), из английского, голландского и русского сермяжного сукна. У самоедов менял он этот товар на «мягкую рухлядь» — шкурки соболей и песцов. Самоедские князцы, старейшины родов, скупали товар фунтами и одаривали своих жен. Да и сами не прочь были украсить себя звонкими побрякушками. Не пожалеет самоед за такую покупку ничего, отвалит сторицей соболя, ценившегося на холмогорской ярмарке по 3—4 и по 5 рублей за шкурку. А бухарцы и хивинцы, приезжавшие в Сибирь, платили за них еще дороже.

Последними погрузили медные котлы. Варили в них пищу, но шли они и в продажу. За котлы зеленой меди сибирский кочевой житель платил щедро; мена проходила необычно: клали в «продажный» котел соболей и куниц, и пока он не наполнялся доверху, сделка не заключалась.

К петрову дню, 24 июня, погрузка закончилась, и утром караван от Холмогорской пристани отправился вниз по Двине. Первым, в голове каравана, летел коч Агея Распопова Матигорца, самого опытного морехода. Знал он мели и пути в губах и заливах, умел ориентироваться по звездам и крестам, что стояли на возвышенных мысах и в проливах вместо навигационных знаков. А для всех их руководством служила старинная рукописная «книга путей в море-океяне» — поморская лоция. Существовала целая система путей. Один путь шел по левому берегу Белого моря в Варзугу, другой — из Двины по Зимнему берегу, третий — на Соловки. Лоция собрала в себе все лучшее в мореплавательном деле, отмечала все приметные естественные признаки, и мореход мог, зная их,

Волок между реками Чижь и Чыша.

безошибочно прийти к цели. Два пути шли из Северной Двины в Мезенский залив. Один — им пользовались пинежане и мезенцы — проходил по реке Кулою, а другой — для холмогорцев и устюжан — вдоль Зимнего берега.

Летом 1601 г., по предположению старших в походе, на Белом море больших льдов не ожидалось, но это предсказание не оправдалось. Вышло все не так. Едва кочи достигли поселка Куя, что в Двинской губе, подул сильный северный ветер, которым суда загнало в бухту, и плавание прекратилось. Десять дней ждали мореходы южных ветров. Не обрадовали и встретившиеся у Верхней Золотицы «весновальщики»¹. В Горле Белого моря, по их словам, стоит крепкий лед, плотно прижатый к берегу, так что заберегом, полоской чистой воды между стоящими на мели льдами и берегом, пройти будет трудно. И еще две недели прошло в безделье. Только в середине июля с большим трудом, отталкиваясь шестами ото льда, провёл Агей кочи к реке Чыши, впадающей в Белое море, а

¹ Веснование — весенний промысел на морского зверя и треску. Весновальщик — промышленник, артельщик на весновальном промысле (поморское).

начало бравшей в глубине полуострова Канин, в небольшом озере. Плавание по этой реке зависело от подъема воды, и поэтому снова пришлось ожидать несколько дней. Как только начался прилив, кочи втянулись в Чешу и по ней дошли до озера. А здесь снова пришлось задержаться — лед еще не вскрылся, но посинел, раскололся, доживал последние дни. Леонтий Плехан на коче отправился вперед, прорубая пешнями проход. За ним гуськом шли остальные. Волок на реку Чешу, впадающую в Чешскую губу, преодолели с трудом, перетащив суда на катках. В Чешскую губу пришли только к началу августа.

В дни остановок ходил Плехан по каменистой тундре, по мелкому ёрнику, стрелял гусей и уток. Однажды повстречался ему род «каменной самоеды» — большая лопотливая и голодная семья. Из разговоров узнал, что шла она к морю, где в июле и августе буйным цветом расцветает ягельник, лучшая и любимая пища оленей. Глава рода поведал ему о диковинных вещах, о находках в северной части полуострова, на реке Москвиной, блестящего камня, похожего на серебро. Увлеченно говорил он и о своей религии, о богах, которые якобы кочуют по небу. Хотел Леонтий проверить рассказ самоедского старейшины о «блестящем камне», но долог оказался путь к реке Москвиной. Не мог подумать он, что через двадцать пять лет туда придут царские рудознатцы Григорий Алексеев Загряжский и подьячий Беликов, найдут этот камень и скажут, что нет на Канином никакой серебряной руды, а есть свинцовая обманка да глина. На этом дело о «блестящем камне» и кончится.

По Чешской губе кочи бежали целую неделю до устья реки Индиги, а оттуда пошел Тиунский (Тиманский) берег Печорского моря. И опять из-за льдов и ветров подолгу останавливались в бухтах. Коч Плехана сильно пообтерся об лед, снасти порвались. В середине августа артель добралась до устья Печоры, но уже было поздно. О дальнейшем походе к Югорскому Шару думать не приходилось: опоздала артель к Мангазейскому ходу.

В Пустозерский острог они пришли на зимовку. Там кочи вытащили на берег, укрыли от снега и ветров тесом и разошлись по избам. Зазимовал Леонтий у пустоозерского промышленника Архипа Баженика.

УКАЗ БОРИСА ГОДУНОВА

3 а год до плавания Леонтия Плехана, сразу по возвращении домой мезенских челобитчиков Угрюма Иванова и Федула Наумова с жалованной грамотой о «повольном торге и промысле в Мунгазеи», весной 1600 г. по указу Бориса Годунова на реку Таз отправилась из Москвы царская экспедиция. Данила Наумов почувствовал в этих двух событиях, казалось бы не связанных и отдаленных друг от друга, неясную связь. Поэтому он приказал подьячему выписать для него выдержки из сохранившихся в Туруханске царских наказных памятей мангазейским, верхотурским, тобольским и березовским воеводам, желая найти ответ и на это. Документы подтвердили его предположение. Да, поморский поход в Мангазею и посылка воевод — события родственные, которые в дальнейшем в самой Мангазее сольются и окажут влияние на весь последующий ход освоения «золоткипей» царской вотчины.

Весна первого года XVI в. выдалась ранняя: на восточных склонах Уральского хребта в начале апреля сошел снег, лед на реках вздулся, готовый выпустить на простор

бешеный поток внешней воды. На дорогах началась распутица, приостановившая караванное движение по верхотурской дороге, которую года за три до этого прорубил в дремучей тайге «вож» Ортюшка Бабинов с пермскими крестьянами. Через речки и по топким низинам на расстоянии 263 верст положил Бабинов семь пятидесятишести и сто тридцатипятисаженных мостов. Но прошлым половодьем некоторые мосты снесло, а в болотистых местах они рухнули. Не думал Бабинов, что так скоро перейдут на эту дорогу торговые и промышленные люди, оставят навсегда старый сибирский тракт через Чердынью и Лозвинский городок. Но дело было срочное — по воеводскому указу ему теперь предстояло починить верхотурскую дорогу. Однако скакавший в Тобольск царский гонец Афанасий Елтышов, прибыв в Соликамск, не стал дожидаться начала строительных работ. Он незамедлительно пустился в путь, пробиваясь вперед по буеракам, объезжая топкие гати и переходя вброд студёные реки. Утром в десятый день апреля он въехал в Верхотурье и, едва преодолев крутой подъем на гористый правый берег реки, где размещались воеводские службы, погнал коня еще быстрее. К воеводе Ивану Вяземскому он вошел, едва поздоровавшись с приказными. Царскую наказную грамоту Вяземский распечатал при нем, но не стал задерживать гонца, пожелав ему скорого пути в Тобольск.

Новым царским указом воеводе предписывалось построить на верхотурских плотбищах кочи и коломенки «для Мангазейского морского ходу», подобно тем, что рубили для думного дьяка Федора Дьякова. Этот указ спутал все карты воеводы, только что перед этим получившего распоряжение Казанского приказа о постройке 15 дощаников «для перевозки государевой хлебной казны» и 25 паузков «для сибирских посылок». На плотбища уже прибыли чердынские и пермские крестьяне. А теперь приходилось требовать новых плотников, обложить судебной повинностью соседних хлеборобов — заставить их таскать лес, рубить коры, готовить парусину и варовые веревки. Из поморских городов в Верхотурье везли якоря и гвозди. Но не выполнить царского указа воевода не мог, не рискуя попасть в немилость. Знал он, что в Москве задумали большое дело, о котором по секрету рассказал воеводе князь Федор Шереметьев, проезжая в Тобольск. По указу Бориса Годунова на Мангазео

двигалось большое стрелецкое войско. Хотел царь подчинить живущие там народы, образовать на тех богатых землях новое воеводство и оттуда начать продвижение в глубь Сибири, где, как говорят, есть соболиные реки, познатнее Оби и Иртыша. Настаивал на этом думный дьяк Федор Дьяков. Говорил он царю, что «воруют» в Мангазее промышленники — таят государеву десятинную пошлину и собирают ясак в свою пользу, ведут себя, как хозяева, в царской вотчине. Чтобы «смирить» и наказать ослушников, предложил он послать на Таз стрелецкое войско с пушками и зельем, построить в тех краях острог, а может быть и два, привести «под царскую великую руку» тамошние племена, заставить всех торговых и промышленных людей платить в таможенную десятую соболя. «И будет тебе, великий государь, в Мангазее великий добыток», — уверял Годунова думный дьяк. Говорят, снял с руки Борис Федорович золотой перстень и подарил его дьяку за умные и прибыльные речи, пожалев, что опрометчиво позволил поморам вести в Мангазее «повольной торг и промысл». Рассказал Шереметьев Вяземскому и о боярской думе, и о том, что приказал-де царь выбрать между боярами человека толкового и бывалого для посылки в Сибирь. И, вероятно, не закончилось бы «боярское сидение» решением, если бы не подал голос князь Мирон Шаховской. Встал он из-за стола и сказал: «Если государь честь окажет, готов идти в Мангазейскую землю и острог поставить». Только просил у думы к себе в товарищи письменного голову Данилу Хрипунова, человека в городском строении опытного.

Поэтому на следующий день, как усакал царский гонец в Тобольск, поехал верхотурский воевода на плотбище, что в 40 верстах от города вниз по течению Туры, и приказал заложить мангазейские суда.

А уже в конце мая 1600 г. в Верхотурье нагрянули мангазейские воеводы. Шли они налегке, рассчитывая набрать работных людей в Тюмени. Вскоре и кочи были готовы, и люди прибыли. До Туринска суда гнали верхотурские плотники, а до Тюмени — туринские кормщики. В Тобольск Мирон Шаховской и Данила Хрипунов пришли к петрову дню. Тобольские воеводы князь Федор Шереметьев и окольный Остафий Пушкин, извещенные гонцом, передали в их распоряжение 50 служилых людей: стрельцов, ссыльных литовцев и сибирских казаков. По-

грузили на кочи якоря, пищали и зелье. Пришлось торопиться — время было позднее. На прощание Шереметьев предостерег мангазейских воевод о возможном выступлении против них остяков и самоедов, часто делавших набеги на Обдор и Березов. «Слухи ходят, — сказал князь, — что подстрекают их мангазейщики, поморские торговые и промышленные люди — поморская вольница. Это они, отправляясь из Мангазеи на Русь, — добавил он, — часто обходят кругом и Березов и Обдор.»

От Тобольска кочи и коломенки, подгоняемые южным ветром, шли быстро.

Тюменские кормщики хорошо знали фарватеры извиистой Оби. Но недалеко от Березова на плёсе караван попал в сильную бурю. Сорвало кочи с якорей и бросило на крутой берег. Едва удалось спасти государев хлебный запас. В Березове воевод встречали князь Иван Барятинский и голова Григорий Викентьев, еще весной получившие царскую наказную грамоту о помощи мангазейским воеводам. Надлежало им построить морские кочи и коломенки, но по непонятным причинам ни одно из судов к приезду Шаховского и Хрипунова готово не было. Мангазейским воеводам пришлось поднять весь Березов, привлечь к строительству кочей даже торговых людей. Во главе дела поставили атамана Якова Чермного, казака Максима Казанца и их пятьдесят товарищей. Плотбище выбрали на Сосьве. Рядом курили смолу, в соседнем лесу выкорчевывали коренья на крюки. Бревна волочили на катках. К плотбищу свозили якоря, канаты, бечеву, паруса. Работа кипела. Но как она ни спорилась, время уходило быстрее. Только к середине августа кочи подвели под Березов. Шаховскому и Хрипунову березовские воеводы дали еще 50 стрельцов, литовцев и казаков, а командовал ими атаман Чермный.

За Обдорском, последним на пути русским острогом, коломенки и кочи вошли в Обскую губу. Кормщики, которых наняли в Березове, вели суда вдоль левого болотистого берега. До Пантуева — остяцкого городка добрались благополучно, но дальше дела пошли хуже: задули господствующие здесь в августе сильные северные ветры. Северным ветром прижало кочи к берегу так, что идти дальше было нельзя. А чтобы удержаться на месте, бросили якоря, льдины отгоняли баграми. Сгрузили на берег товары и вооружение. Тем временем погода совсем испортилась.

В губу пришли большие льды и со всех сторон окружили суда. Три из них захватило льдами и погнало в море. Оставшиеся суда ждала та же участь. Положение создалось трудное и опасное. Немедленно выслал Мирон Шаховской казака в Березов и просил тамошних воевод прислать ему на помощь оленьи упряжки остяков и самоедов. Но пока казак пробирался по тундре, грянули морозы. В ожидании помощи стали лагерем. В октябре прибыли остяки и самоеды. Было их много — раза в три больше воеводского отряда. Поначалу князцы вели себя мирно и согласились везти русских в Мангазею.

До реки Пур шли они хорошо, и олени их не устали. А вот дальше стали своими юртами и не двигались. Послал Шаховской сына боярского «с разговором» к главному остяцкому князю, но тот сказал парламентарю, коверкая русскую речь: «Не гоже князю в Мангазею итти, плохо будет да и дороги они туда не ведут». Тогда князь приказал схватить нескольких зачинщиков и привести к себе, но этим только ухудшил отношения. Собрались остяки и решили идти на русских и силой освободить задержанных. В тундре разгорелся бой. Вооруженные луками восставшие окружили лагерь стрельцов и казаков. Раздались выстрелы, и полетели стрелы. Многие служилые были ранены, а некоторые убиты. Самого воеводу ранили в плечо. С большим трудом удалось оторваться от наступающих и отбить несколько нарт, груженных огнестрельным оружием, но этим дело не поправили. Восставшие угнали ездовых оленей, оставив мангазейских воевод без транспорта. Время было холодное, надвигалась осень. Шаховской приказал продолжать поход. В январе, терпя голод и холод, войско достигло реки Таз. Начались лютые морозы. Снег толстым слоем покрыл тундру и лед. Продвигались вдоль реки медленно. Вначале шла небольшая группа в дозор, и уж потом шли остальные.

По пути встретили несколько заброшенных землянок и избышек и даже один небольшой «самоедский городок», но все пустые. За два месяца воеводы преодолели 300 верст — дошли до мест, где тундра покрыта редколесьем, да и низкий правый берег реки стал выше. В лесу росли лиственница, береза и ель. Место по всему было хорошее. И не сразу заметили, что совсем рядом засыпан снегом городок поморов-звероловов — несколько избышек, землянок и амбаров. На соседней речке стояли их суда.

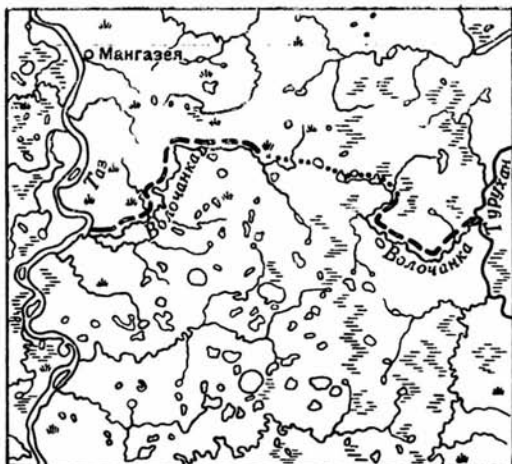

Схема Енисейского волока.

Но в городке никто не жил, знать, все его жители ушли на промысел. Здесь и решили стать лагерем. Стрельцы и казаки заняли землянки и полуземлянки, а воеводы, тобольский сын боярский и атаманы поместились в большой просторной избе, что стояла на самом возвышенном месте. Осмотревшись, они увидели, что промышленные люди выбрали для своего городка удобное место: с севера и юга его окружали речки Ратиловка и Осетровка (Мангазейка), а с запада обрывистый берег вплотную подходил к реке Таз.

Весной выяснились и другие важные особенности городка. К востоку от него лежали озера и болотистая тундра, откуда ни пройти, ни проехать нельзя. Таким образом, со стороны реки и тундры острог был бы защищен от опасности. Придумать лучшее место для «государева острога», казалось, было невозможно. К тому же отыскался и близкий переход с реки Таз на Енисей. Верстах в 200 от лагеря впадала в Таз речка Волочанка (Худосея). По ней добирались до другой реки Волочанки, впадающей в реку Турухан, несущую свои воды в Енисей.

В марте соболиные промыслы закончились. Соболь полинял, порыжел, шкурка его уже не годилась. В апреле к городку из тундры и лесов стали стекаться промышленные люди. Шаховской приказал выбрать среди них доверен-

ного человека в целовальники — таможенные чиновники, чтобы собрать государю десятый соболю. Каждому, уплатившему десятый соболю, целовальники выдавали проезжую грамоту — разрешение на поездку на Русь. К маю пришли к своим кочам и остальные торговые и промышленные люди. Скопилось их довольно много, и все родом из Поморья: пустозерцы, мезенцы, пинежане, кеврольцы, холмогорцы.

Расспросили их мангазейские воеводы о городке и о промыслах и решили рубить тут острог. Всех торговых и промышленных людей направили в лес возить бревна. Более опытные из них строили воеводский двор и съезжую избу. Но самое главное: следовало со всех сторон укрепить «государевы службы». В конце июня, когда оттаяла земля, копали ямы вокруг острога и ставили в них торцом крепкие и толстые еловые и лиственничные бревна. Получилась сплошная стена, только с правой проезжей стороны стрельцы срубили башню и ворота, установили караул.

Еще только закладывался Мангазейский острог; стук топоров и жужжание пил привлекли к нему самоедов и остяков — коренных жителей края. Многие из них никогда не видели бородатых мужиков, дивились их одежде. Воеводы приказали взять среди них старших и привести в съезжую избу, где толмач объяснил им, что надлежит платить ежегодно ясак великому государю.

Летом послал Мирон Шаховской из нового острога в Березов гонца. Но тот запоздал. Весной, не получив вестей от мангазейских воевод и ничего не зная об их судьбе, Федор Шереметьев, по царскому указу, подготовил на Иртыше новую большую экспедицию в Мангазею. Во главе ее стали его родственник князь Василий Мосальский и письменный голова Савлук Пушкин. Для плавания по Оби, Обским и Тазовским губам на верхотурских плотбищах снова строили кочи, морские лодки и дощаники. Из Перми и Вологды привезли якоря, канаты, холсты на паруса. Мосальский и Пушкин получили вдвое больше стрельцов и казаков. В Тобольске им дали 100 да в Березове и Сургуте еще 100 служилых людей. На Мангазею поднималось большое царское войско, чтобы, по мысли тобольского воеводы, разом покончить с «шатостью» остяков и самоедов и привести их в «вечное холопство» московскому царю. Новым мангазейским воеводам на служилых тобольских людей выдали скорострельную пищаль и

к ней 200 ядер. Для управления «огненным боем» на воеводском коче ехал пушкарь. В Мангазею пошли три затинные пищали и 200 ядер, 20 пудов зелья-пороха и 10 пудов свинца. Кроме того, на каждого тобольского служилого человека полагалось по фунту свинца. В Березове, куда воеводы пришли на 13 судах, получили они еще скорострельную пищаль и 3 затинных. В наказе говорилось, что воеводы, прибыв в Березов, должны выбрать из зырян и жителей реки Выми тех, кто знает Мангазейский и Енисейский морской ход. А самим им запрещалось без опытных мореходов пускаться в далекое плавание. В наказной памяти упоминалось, что идти надобно «наспех днем и ночью с великим бережением», опасаясь задержки на море. Рекомендовалось по морю идти бережно и в «крепких местах» ставиться «осторожливо на якоря».

Путешествие князя Мосальского и Савлука Пушкина прошло без приключений. В августе они прибыли в Мангазейский острог и отпустили Шаховского и Хрипунова на Русь, приняв от них острожные ключи и «государеву казну».

МАНГАЗЕЙСКИЙ МОРЕКОЙ ХОД

В опросах поморов-мангазейщиков нашел Данила Наумов сведения о дальнейшей судьбе Леонтия Плехана и его товарищей, об их походе. Рассказал воеводе Ивану Биркину все это сам Плехан.

Поздней весной 1602 г. ездил он с Антипом Бажеником на Печорское устье. Бежали их нарты три дня вдоль низкого, слившегося со льдом берега, а затем — по морскому льду. Всюду стоял нетронутый и неломанный лед, крепкий, двухлетний. Огромные ледяные поля тянулись до самого Югорского Шара, что подтвердили встретившиеся на побережье самоеды, пришедшие из Карской губы. Вернулись мореходы к судам невеселые — боялись снова из-за льдов не попасть в Мангазею. Однако москвитин Первый Тарутин и пустозерец Семен Серебряник, собиравшиеся в Сибирь и хорошо знавшие повадки моря-океана, успокоили мореходов: изменится-де погода, подует южак и ото льдов этих следа не останется. Поэтому работы на плотбищах не прекращали. Плотники готовили к походу четыре коча. По примеру Леонтия Плехана на них набили ледовые пояса и бортовые кили — колоды.

В конце июня наступили в Пустозере по-настоящему летние дни. Правда, в последние недели установилось безветрие, и совсем приуныли мореходы. Но вот на петров день погода резко изменилась, задул с юга ветер, поплыли на море черные тучи, брызнул дождь. Напилась влажная земля окрестных болот свежей дождевой водой. Зацвел багульник. Поднялись и другие травы. Заспешили мангазейщики. Кочи загружали ржаной и овсяной мукой, ушивали паруса, крепили веревки на щеглах¹. Все кипело вокруг. В петров день суда вышли в устье Печоры. Спешили мореходы, хотели как можно скорей попасть в Югорский Шар и в Карское море. Льды уже везде отступили, их белые края едва виднелись вдали.

Караван по Мангазейскому морскому пути повел опытный Михаил Дурасов. Знал он опасные мели и фарватеры и вел кочи так, что на предельной воде не садились на мель.

Леонтию все было в диковинку. Дивился он, проходя Югорским Шаром, на голую безлесную тундру, на гористый каменный берег острова Вайгач. Узнал он от старожилов, промышлявших на море моржа, что никто не ходил вокруг этого острова, потому что «отошел остров далеко в море», да и обычно здесь «льды великие стоят».

По Югорскому Шару из опасения сесть на мель двигались осторожно, на веслах. Гребли, пока не настала ночь. А утром оказались в Карском, или Нярозомском, море². Льды и здесь отошли от берегов и освободили проход судам.

По Карской губе кочи ходили двумя путями. Когда встречался лед, то двигались вдоль берега на реку Кару и оттуда шли в виду Ямала. Если льда не было, то отправлялись напрямик, срезая кут. Этот путь был короче, но здесь от кормщиков требовалась отличная ориентировка в море. Без матки-компаса и чертежа-карты ходить к Ямалу не решались. На этот раз все были за то, чтобы идти напрямик. И Плехан, и Баженик согласились с Серебряником. Действительно, следовало спешить к устью Мутной реки, откуда предстоял тяжелый путь через ямальский волок. Река Мутная славилась своим на редкость извили-

---

¹ Щегла — мачта на судах.

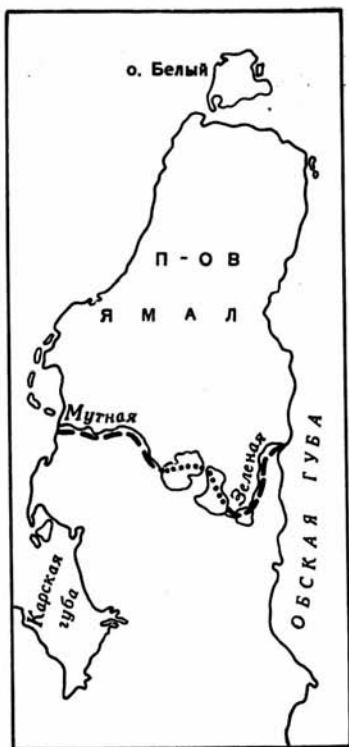
² Нярозомское море, очевидно, получило свое название от реки Нярозы. Позднее море стало называться Карским.

стым руслом. В сухое лето она так мелела, что мореходы застревали в ней надолго. Да и в обычное лето она капризничала и зависела от моря: в приливные часы и дни в реку нагоняло воду и только тогда можно было передвигаться по ней.

Два дня вел Серебряник кочи к Мутной и ни разу не ошибся, точно угадал ее устье. Но прилив еще не настал, и пришлось ожидать... Высыпали мужики на берег поразмяться, пострелять дичь, половить рыбу, запастись дровами, которых в ямальской тундре не сыщешь и днем с огнем. Плехан и Баженик ходили далеко в тундру. Бродили они по ёрнику, мелкому лесу, который и от земли-то поднимался на пол-аршина. Там встретили «карачаевскую самоедь». Шли самоеды с северной части полуострова к реке Мутной, чтобы возить на оленях через волок и по рекам товары торговых и промышленных людей. Платили им побрякушками, одекуем, колокольцами, кормили хлебом, угощали вином.

К возвращению Плехана и Баженика начался долгожданный прилив. Кочи только вошли в Мутную, а дальше их пришлось тянуть бечевой. С одной стороны реки на оленях тянули самоеды, с другой — мангазейщики. В день делали не более 5—6 верст.

Река Мутная впадала в озеро. Рядом с ним находилось другое, а за тем и третье. Из-за мелкого дна тянуть груженные кочи считалось опасным. Поэтому товары перекладывали на небольшие паузки и перевозили через озера. А кочи перетаскивали через небольшой волок. Делали это

Волок между реками Мутной и Зеленой.

обычно так: надевали на укрепленный шест пустую бочку, проделывали в ней отверстие, просовывали рычаги и, вращая бочку, наматывали на нее конец каната, прикрепленного к судну. Трудились до седьмого пота. Особенно доставалось на крутом волокне. На волоковую работу обычно уходило дней пять.

Третье озеро называлось Зеленым. Из него вытекала река Зеленая, еще более извилистая и капризная. Впадала она в Обскую губу.

Леонтий Плехан работал вместе со всеми. Сгружал товары на паузки, тянул бечеву. Особенно досталось ему, когда коч тащили по Зеленой. Уставал он. К вечеру, как сноп, валился на землю и беспробудно спал, а с утра снова брался за дело. И уж не рад он был, что пошел в Мангазею, да манили его рассказы о «златокипящей сибирской земле», обещавшие добрый промысел и привольную жизнь среди неведомых народов. Многие так поступали и так жили до него. После того, как царь Борис выдал поморам грамоту на свободные промыслы в Мангазее, сотни крестьян собирались в Сибирь.

В конце августа караван пустозерских кочей, преодолев ямальские волокна, вышел в устье реки Зеленой. А впереди лежало море — Обская губа. Опытные промышленники считали, что если до конца августа не попасть в Обскую губу, то переплыть ее позднее будет невозможно. Дуют в сентябре и октябре сильные северные ветры, хоть и попутные, но опасные, так как нагоняют из океана большие льды, пройти через которые кочи не могут. В июле и августе северные ветры — помощники поморов. Они всегда попутные для тех, кто идет в реку Таз. В августе в Обской и Тазовской губах льда почти не бывает.

Два дня пробыли кочи в устье реки Зеленой: сгружали с паузков товары, поднимали их на палубу. И затем снова в дорогу. От устья Зеленой реки до заворота из Обской в Тазовскую губу шли напрямик. При попутном ветре на это требовался всего один день. Остановка делалась на мысе — завороте, где стояло несколько поморских летних изб, клетей и амбаров. Сюда приходили из тундры целые роды «кровоной» и «пуровской самоеди», торговали соболями и песцами. Считался поворот из Обской в Тазовскую губу одним из самых опасных участков на всем Мангазейском морском пути. Часто здесь било кочи о камни, попадали они в ледовый плен. Не любили мо-

реходы этого, как они называли, заворота, но обойти его не могли.

Пустозерские кочи прошли его благополучно и через два дня, подгоняемые попутным ветром, прибыли в устье реки Таз. Здесь также сошли на берег. На этот раз встретили юрты кочевых самоедов и от них услышали тревожную весть о том, что далеко отсюда, «на солнце итти», поставлен царский острог и в нем — воеводы со стрельцами. Не поверили пустозерцы этому рассказу — не могли понять, как и каким путем попало в Мангазею царское войско. Но на третий день своего похода, а на тридцатый день выхода из Пустозерска, в канун осеннего праздника покрова (1 октября), смогли и сами убедиться в его правдивости. Когда кочи пристали к старому поморскому городку, построенному лет за тридцать до этого, бывалые люди не узнали его. Вместо полуземлянок и сараев стоял, возвышаясь над Тазом-рекой, уже не городок, а целый острог — укрепление, обнесенное тыном. Внутри острога находилась съезжая изба и воеводский двор, а по углам — башни с бойницами. И едва втянули они свои суда в соседние речки, как явился к ним стрелец и потребовал быть в съезжей избе непременно. Переглянулись между собой мореходы, но виду не показали, что и без этого расстроились. Ведь от воевод и стрельцов милости не жди. В течение двух лет шли они в Мангазею, рисковали жизнью, работали день и ночь, живя одной надеждой на свободный и удачный промысел, гарантированный им царской жалованной грамотой. Но, видать, все переменялось. Это и подтвердили воеводы Мосальский и Пушкин в съезжей избе. Заявили они первым поморам, прибывшим в Мангазейский острог, что царская грамота 1600 г. на Двину в новом Мангазейском уезде силы не имеет и что десятинную пошлину надлежит платить здесь, а не в Окладнической слободке. Зачитали им и наказную память Мосальскому и Пушкину. А в грамоте той велено всем промышленным и торговым людям Московского государства, приезжающим на Таз и Енисей, торговать с местным населением только после сбора ясака. Нарушителям этого нового правила грозила суровая кара. Новое правило, по существу, лишало промышленников и торговцев преимущества вести торговлю в любое время и приобретать лучших соболей до сбора ясака. Теперь им предстояло потесниться, уйти из тех районов, куда приходили стрелецкие отряды, так как после

стрелецких поборов «продажных» соболей обычно не оставалось. Это правило вынуждало промышленников отыскивать «новые землицы», а вслед за ними прокладывали путь туда стрельцы и казаки. И выходило, что крестьяне снова попадали под власть царских воевод и государя. Поняли мангазейщики, что пришел конец их вольнице — обошел их царь Борис Федорович, выдал им жалованную грамоту, потерявшую силу уже в год ее обнародования. Поняли, но про себя подумали, что не все потеряно — известны им пути в новые земли, на новые реки, куда и «топор с косой» никогда не ходили, надеялись, что найдут в «новых земляцах» богатые соболиные угодья, вернутся к себе на родину не с пустыми руками. Да и в старых у мангазейских самоедов и остяков есть еще что менять. Со многими самоедскими и остяцкими князьями и старейшинами вели они долгие годы прибыльную торговлю — дружили. Нравились им их дочери — хорошие охотницы и смелые женщины.

Некоторые молодые русские парни подолгу жили в юртах, вели совместный промысел и нередко женились, и детей имели — таких же, как матери, широкоскулых мальчишек и девчонок, с глазами цвета спелой вишни. Тобольские стрельцы и казаки не знали языка самоедов и остяков, поэтому и в остроге, и при сборе ясака выбирали толмачей из числа знающих русский язык самоедских женщин. А те толмачили всегда в пользу своих русских мужей — скрывали их соболиные промыслы, упрямую пушнину. Надеялись пустозерцы и на то, что среди целовальников найдутся свои люди — выручат. С такой мыслью отправились они на промысел в тайгу.

А Данила Наумов подумал, как он был прав, когда предполагал, что Леонтий Плехан встретится с мангазейскими воеводами и что это первое плавание поморов в Мангазейский острог скажется на всей судьбе Мангазеи.

И СРУБИША ГРАД МАНГАЗЕЮ

Д

ела надолго оторвали Данилу Наумова от любимого вечернего занятия, а вместе с тем ему удалось выяснить далеко не все о Мангазее. Он уже знал о помо-рах-мангазейщиках, о тех путях, которые они освоили, и которыми ходили из своих слобод и городов на реку Таз, о Мангазейском морском ходе. Знал даже некоторых из мангазейщиков по имени и отчеству, выяснил и то, поче-му Борис Годунов послал на реку Таз первых воевод и по-строил Мангазейский острог. Но когда и кем был построен город Мангазея, ответа не нашел. Только вернувшись из трехнедельной поездки по Нижней Тунгуске, где пришлось заниматься сбором ясака, Данила возобновил свое чтение. На глаза попался интересный документ — «Список манга-зейскому городу, и наряду, и зелью, и свинцу и всяким пушечным запасам, и что в Мангазейском городе всяких служилых людей, и что кому им мангазейским служилым людям государева царева и великого князя Михаила Фе-доровича всеа Руси оклад, денежное и хлебное жалованье». Составили этот список при воеводах Ефиме Мышецком и Андрее Волохове в 1626 г. Однако в «Расписном списке»

не говорилось, зачем понадобилось строить на реке Таз город вместо острога, кто его строил и когда. Поэтому, как всегда в таких случаях, Наумов обратился к русским и сибирским летописям.

В 1601—1603 гг. Россию поразила страшная голод, особенно северные и центральные уезды. Тысячи крестьян бежали от помещиков, спасаясь от крепостной неволи и голода, в Северскую Украину. В 1603 г. на юге вспыхнуло первое крупное открытое восстание крестьян против феодалов. Борису Годунову пришлось отбиваться от полчищ, подступивших к Москве. В 1604 г. русскую границу перешел самозванец, объявивший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного, якобы спасшимся от убийц в Угличе. В апреле 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов. Центральная власть была ослаблена. В стране наступила «смута». Ослаблена была царская власть и в Сибири. В малодоступные районы Сибири хлынул поток беглых крестьян. По Мангазейскому морскому ходу через Ямал и по «Черезкаменному пути» шли обездоленные люди. В Сибири они искали спасения от своих поработителей, польско-литовских и шведских войск. Многие из них заводили здесь «бунты» в ответ на притиснения воевод, подбивали на такие выступления местное население, недовольное царскими поборами. Росло с каждым годом сопротивление самоедов и остяков. При первых же попытках покорить их организовывались они в значительные группы и нападали на стрелецкие отряды. По рассказу березовского казака Нестерка Иванова, в 1604 г. «сидел он, Нестерка, на Енисее от самоеды в осаде восемнадцать недель». Подступили самоеды и к Мангазейскому острогу, и стрельцы с трудом их отбили.

Правда, к 1607 г. воеводам удалось подчинить своей власти значительную территорию на реке Таз и на Оби. В ясачной книге Мангазеи под 1607 г. отмечено, что платили ясак самоеды рода Мангазеянин непосредственно в острог, а самоеды под именем инбаки, жившие в верховьях реки Таз,— в Инбацкое зимовье. Казаки и стрельцы дошли и до верховьев Енисея, где обязали остяцкий род Ектесей платить ясак. Продвижение их отмечено и в сторону реки Турухан, где была объясчена «туруханская самоедь». А березовский казак Микула Кашлымов проник даже на Нижнюю Тунгуску и собрал дань с кочевавшего там лесного племени тунгусов.

Берег реки Таз в районе раскопок городища Мангазеи. 1968 г.

Тобольские воеводы — единственные в те «смутные годы» правители Сибири — всемерно стремились укрепить и расширить Мангазейский острог. Вот почему, отпуская на реку Таз воевод Булдакова и Елчанинова, они приказали укрепить острог, поставить гостиный двор для торговых людей, выдали им 10 пудов пороха и свинца. Не рассчитывая, очевидно, на крепость острожных стен, просили их быть поласковее с ясачным населением, пригласить лучших людей в съезжую избу — «из волостей и из юртов, по сколько человек пригож, а самим в съезжей избе быти в цветном платье, и сказать им потомуж государево цареву и великого князя Бориса Федоровича... жалованное слово, что царское величество их пожаловали, велели их во всем беречи, чтоб им насильство и убытка и продажи ни которые ни от кого не было, а ясаков лишних имать с них и вновь прибавливать не велел... А с бедных людей, кому платить ясаков не мочно, по сыску, имать ясаков не велел, чтоб им мангазейским и енисейским всяким людям ни в чем нужи не было; и они б, мангазейская и енисейская самадь, всякие люди жили в царском жалованье в покое и

в тишине...». Воеводам надлежало накормить и напоить старейшин родов и отпустить их домой. А что касается служилых людей, стрельцов и казаков, то тобольские воеводы записали особым пунктом: «смотри и береги накрепко, чтоб оне не воровали и не грабили, и мангазейской самояди и торговым людям насильства и продажи и убытков не чинили». Мангазейских воевод предупреждали о том, чтобы следили за теми, кто подстрекает самоедов и остяков на восстание против царя. В наказной памяти не забыты были и меры, так сказать, духовного свойства. С воеводами направлялся в Мангазею «на житье» поп Яков с женою и с детьми. Вез он туда «церковное строение, образа, книги и колокола»,

Однако все эти меры не гарантировали безопасность небольшого Мангазейского острога, и поэтому в 1606 г., направляя на реку Таз — уже от имени самозванца Лжедмитрия I — воевод Давыда Васильевича Жеребцова и письменного голову Курдюка Петровича Давыдова, Тобольск распорядился построить на месте острога Мангазейский город. То, что этот город был срублен при Жеребцове и Давыдове, Данила Наумов нашел точные документальные доказательства. В древней летописи Мангазеи, которая велась в соборной церкви Троицы, он отыскал такую запись: «Во 115 (1607) году зарублен город Мангазея на Тазу реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов». Сопоставляя наказные памяти первых воевод, он увидел, что именно после Давыда Жеребцова в них стали писать отсутствующую в прежних документах фразу, а именно: принять дела у Жеребцова и Давыдова «от города и острога и на городе и на остроге наряд и казну зелья...». В наказах до Жеребцова она читалась так: принять «...острог и на остроге наряд, и казну зелья». Наказ, в котором впервые упоминалось слово «город», выдан в 1608 г. мангазейским воеводам Ивану Нелединскому и письменному голове Степану Забелину от имени царя Василия Ивановича Шуйского. Итак, выходило, что город Мангазея был построен при воеводах Жеребцове и Давыдове.

Что же представлял собой этот легендарный город? Вот здесь и пригодился «Расписной список» 1626 г. Судя по нему, Мангазея не отличалась ничем особенным от других рубленых русских средневековых городов Севера. В ней имелась крепость — кремль, крепостная стена, посад,

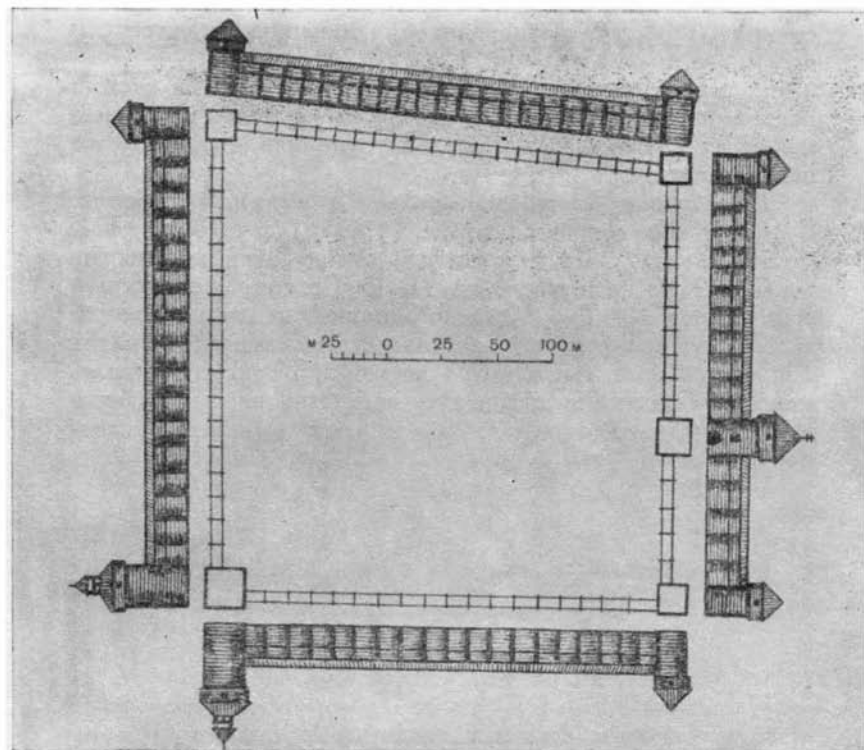
кладбище, три церкви, гостинный двор, «государевы житницы». Но было в нем и такое, что не повторилось ни в одном русском городе. Здесь находилась аманатская изба — явление чисто сибирское. Городские постройки стояли на вечной мерзлоте, поэтому их фундаменты укреплялись на слое замороженной строительной щепы. Под фундамент подкладывались листы бересты, чтобы грунтовая вода не проходила в подвалы здания и не разрушала смороженного слоя. Строительство такого города, насчитывавшего, по некоторым данным, до 500 домов, в которых могли разместиться до 1000—1500 человек, не считая сотни казаков и стрельцов, требовало особого умения и немалого искусства.

В городе было пять башен: одна — проезжая, остальные — глухие угловые. Не удалось выяснить только, какое место в плане строительства города занял старый Мангазейский острог. Правда, в наказных памятях мангазейским воеводам, выданных после Жеребцова и Давыдова, как видно, есть упоминания об остроге: «...принять от города и острога и на городе и остроге наряд...». Но что собой он представлял, неясно. Судя по устройству других русских рубленых городов, в особенности северных, острог защищал городские стены и башни и служил как бы первой линией укреплений. Но в Сибири были и такие остроги, как Илимский, где наряду с городом-крепостью существовал еще и острог, внутри которого находился посад. По всей вероятности, в Мангазейском городе имелась еще и вторая стена. Во всяком случае так полагал Наумов, когда, копируя старую Мангазею, возводил Новую Мангазею: около городской стены осталась старая острожная.

К строительству города Жеребцов и Давыдов не могли приступить раньше 1607 г., так как приехали в Мангазею осенью предыдущего года, а зимой какие-либо работы на вечной мерзлоте исключались. Отбыли они назад в 1608 г. летом. Отсюда видно, что город Мангазея «зарублен» в 1607 г. Строили его не только стрельцы и казаки. Гарнизон нес дальние службы в ясачных зимовьях. Город рубили торговые и промышленные люди — крестьяне Поморья, конечно, с участием тобольских и березовских стрельцов и казаков. Очевидно, вначале ставили проезжую башню, чтобы обеспечить свободный проезд и доступ к угловым глухим башням с внутренней стороны. Проезжую башню заложили в спасов день, поэтому и башня, и

ворота под ней получили название Спасских. В башне 4 сажени высотой было 3 бойницы, 45 венцов. На высоте 32-го венца был положен «обламок», откуда последние 13 венцов, более широких, шли вплоть до самой кровли. Облам — это выступ на городской стене, срубленный для удобства защиты крепости. Осажденные с облама, нависающего над нижней частью стены, могли бросать через щель на головы осаждающих камни, лить кипящую смолу и т. д. От Спасской башни на юго-запад и северо-восток шла городская стена. В конце стены стояла угловая Успенская башня, законченная к 13 августа, в успеньев день. В этой башне, более скромной по высоте и ширине, насчитывалось 40 венцов, обломок и одна бойница. Городская стена между Спасской и Успенской башнями держалась на 11 городских — толстых бревнах с пазами, между которыми укладывались бревна, составляющие стену. Стена поднялась на 20 венцов, или 1,5 сажени. Та стена, которая шла от Спасской башни к реке Таз, завершалась Зубцовской башней «о 38 венцах и мерою 3 сажени». Она, как и все остальные, была четырехугольной, с двумя бойницами, в которых установлены были две затинные железные пищали. Эта стена в длину равнялась 7 сажням, в высоту 1,5 сажени. Когда восточная стена крепости, выходящая на реку Осетровку, была закончена, воеводы приказали рубить западную и северную напольную стены. К реке Ратилровке стена протянулась на 30 сажень и 2 аршина, опиралась она на 22 городни. Оканчивалась четырехугольной Ратилвской башней высотой 2 сажени и 2 аршина с одной бойницей, в которой стояла затинная железная пищаля и лежало железное ядро весом 8 золотников. Западная стена имела 17 городен высотой 4,5 сажени. Последней строилась южная стена, что выходила на реку Таз. Руководил строительством этой стены и угловой башни воевода Давыдов, поэтому пятая башня, угловая, была названа его именем. Здесь поставили 18 городен длиной 27 сажень и высотой 3 сажени. Давыдовская башня поднялась вверх до обламки на 36 венцов, на высоту 3 сажени с аршином. В башне имелись две бойницы, две затинные железные пищали и два железных ядра.

К осени город был построен. Он получился небольшим, если сравнивать его с другими северными городами. По измерению мангазейских землемеров, «вкруг всего города» было «мерею 131 сажень печатный», т. е. 281 метр.

План-макет крепости Мангазеи (реконструкция М. И. Белова, выполненная по материалам раскопок 1968 г.).

Внушительными по северным условиям являлись его крытые листами и тесом башни и стены, по которым расхаживали одетые в красивые кафтаны тобольские и березовские стрельцы. Стоял город на высоком месте «над Тазом рекою». С любой башни открывался вид на окрестности и на две окружавшие город речки — Ратиловку и Осетровку, куда на осень заводили свои суда торговые и промышленные люди. Взять такой город приступом было почти невозможно. Объехать его кругом по овражкам и ложкам в летнее время нельзя. С двух выходивших на Таз башен, Зубцовской и Давыдовской, просматривалась река Таз. Мангазея действительно стала форпостом в Северной Сибири, из нее началось позднее продвижение «встречь

солнцу», она стала руководить подчинением и освоением огромного края.

Очевидно, красив был город, бросался в глаза своими островерхими башнями, золочеными куполами церквей, коньками кровель. Сотни людей трудились, создавая это великолепие.

Жеребцов и Давыдов не только Мангазею построили. В 1607 г. они создали на реке Турухан ясачное зимовье, с которого начались казачьи и промышленные походы на далекий Таймыр и реку Лену. В 1608 г. по распоряжению этих воевод из Туруханского зимовья на восток отправился отряд крещеного пустозерского самоеда Игнатия Ханептека. Ханептек прошел до кочевий тунгусского племени буляши, что на среднем течении Нижней Тунгуски, и объяснял его. А это было уже на пути в бассейн «славной и великой реки Лены».

МНРСКАА ОБЦІННА

Первые два десятилетия жизни города, как понял из документов Данила Наумов, являлись временем его расцвета. Весть о новом городе широко распространилась по всей северной России и позвала сотни и тысячи людей. Во всех документах, в воспоминаниях об этом времени неизменно говорилось, что ходили тогда в Мангазею «на кочах с товары и с запасы большим морем многие люди». Или: «В прошлых, государь, годех в Мангазею приходило торговых и промышленных людей с Руси и из Сибири (из Тобольска и Березова) человек по 600 и по 700 и больше». Вся эта огромная масса людей стекалась в город, заполняла его площади, улицы, шумела в ярмарочные дни и праздники. Среди тех, кто приезжал в Мангазею, было немало поморов — крестьян из северных областей Руси. Это были пустозерцы и мезенцы, кеврольцы и пермяки, пинежане и холмогорцы. Постройка острога и города Мангазеи, новые торговые порядки не отпугнули людей от прибыльных промыслов. По-прежнему они уходили в тайгу и всю зиму ловили соболя кулемами и обметами — специальными ловушками для этих хитрых и

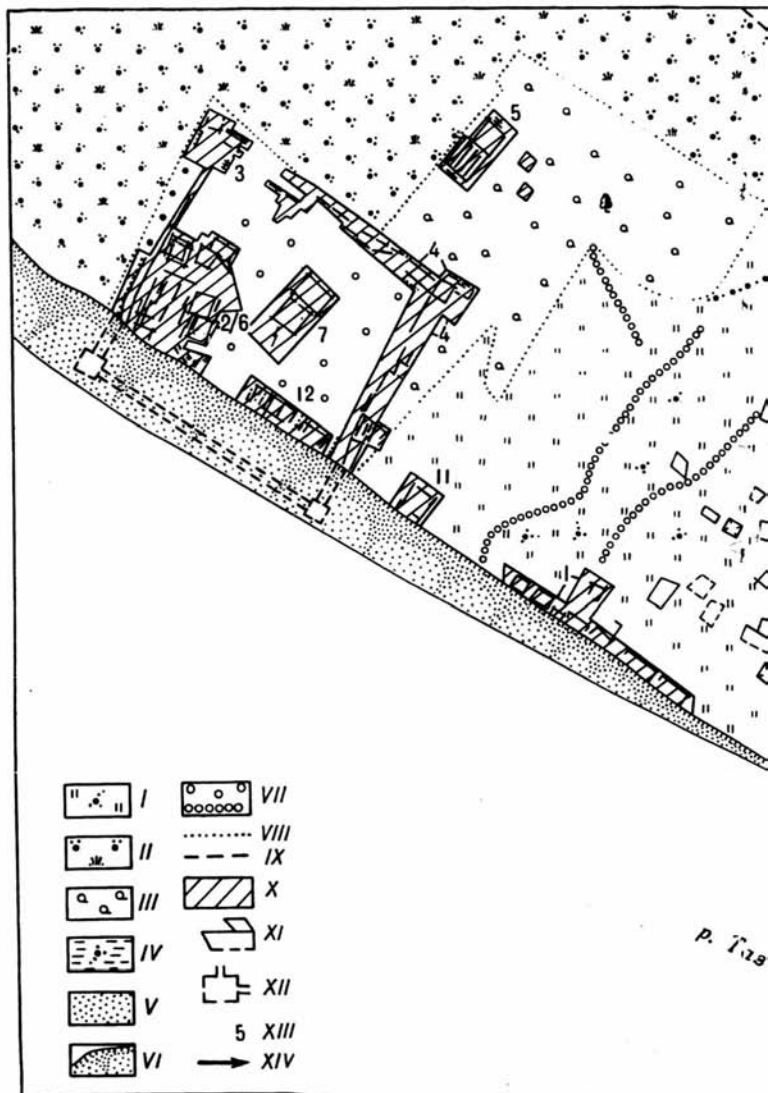
увертливых пушных зверьков. Весной возвращались в Мангазею или оставались в ясачных зимовьях, где вели торг и обмен «русских товаров» на соболей. В наказной памяти мангазейским воеводам Ивану Пушкину и Федору Уварову от 1623 г. отмечалось, что промышленные люди весьма своеобразно обошли установленные первыми воеводами порядки. Они нарушали их в той части, где говорилось о пушной торговле после ясачного сбора. Система нарушений складывалась постепенно. «Приезжают,— писали в одной наказной памяти со слов воеводы,— в Мангазею с Руси из розных изо многих городов торговые и промышленные люди для торговых своих и соболиных промыслов и выбирают промеж себя в Мангазейском уезде в зимовья в толмачи и в целовальники своих городов друзей и дают (в рост) им свои товары и рухлядь на сто и на два и на три и на пять сот и на шесть сот рублей, а от них воевод таятся. И тем толмачом и целовальникам заказывают накрепко, чтоб им про то было не ведаемо.» На эти «товары» толмачи и целовальники, оказывается, покупали лучшие соболи и бобры «прежде государева ясаку». Более того, до своих торгов и промыслов они не пускали стрельцов в остяцкие и самоедские городки, так что, жаловались воеводы, достается стрельцам в ясак худшая «мягкая рухлядь» и то «невеликие соболи». «Да те же толмачи и целовальники,— говорилось в наказе,— задалживают (отдают в займы) невеликими долги — дают рубли по два и по три и за тот де они свой долг емлют на ясачных людях лучшие соболи и бобры и всякую мягкую рухлядь годов по пяти и по шти, а долг де на тех же ясачных людях остается. И от тово государевы ясачные люди стали без оленей и без промыслов и от тово ясачные люди в Мангазейском уезде во всех зимовьях многие померли, а иные разбрелися розно.» Говорилось в наказе и о том, что поморы «живут в Мангазейском уезде с самоедью и с остяки лет по десяти и по пятнадцати и... пережились на самоедских и остяцких жонках и от них де научилися самоедским и остяцким языком, а иные и до того умели теми языку говорити и те де люди также государевых ясачных людей задалживают... и емлют на них за те свои долги лучшие соболи и бобры». Такие торги и промыслы, по словам воевод из Мангазеи, раньше были неизвестны. Так, оказывается, ответили поморы-промышленники на новые царские порядки в Мангазейской земле.

Из наказа становилось понятно, почему Мангазея собирала в казну несравненно меньше соболей, чем другие сибирские воеводства. Ясачный сбор Мангазеи колебался от 800 до 2500 соболей в год, тогда как, например, на Лене он составлял несколько десятков тысяч соболей. Мангазейские воеводы Пушкин и Уваров обязаны были навести порядок — избрать новых «честных» целовальников и увеличить сбор казны. Но сделать это оказалось не так-то просто. И все осталось по-прежнему.

Мангазея создавалась не только как город-крепость, в которой несли службу стрельцы и казаки. Не была она только и перевалочным пунктом. В городе имелся свой посад. Из Тобольска и более южных областей сюда прибыли ремесленники, кузнецы, кочевых и карбасных дел мастера, сапожники, пекари, пивовары, гончары и т. д. Мангазейский посад располагался между южной стеной и рекой Осетровкой. В северо-западной части посада стояла церковь Успенья, считавшаяся общинной, так как строилась на посадские деньги. Жизнь посада ничем не отличалась от жизни северных городов. Все обитатели посада, а также приезжие торговые и промышленные люди объединялись в общину, имевшую определенные права и обязанности. Во главе общинного управления стоял «заказной целовальник», избранный на определенный срок сходом.

Тяжелой повинностью посада считался «воеводский посул» — денежные подарки воеводе. Пришел в Сибирь этот обычай из старой удельной Руси, где известен был под названием «воеводского кормления». Боярин-воевода на «законном основании» требовал от населения средств на прокормление его двора. Известны случаи, когда воевода отказывался явиться в город и волость, если они не могли обеспечить ему кормление. «Воеводский посул» — это тоже своего рода кормление, только в иной, более тонкой форме. По приезду воеводы в Мангазею выбранный целовальник и старшие торговые люди делали ему денежное подношение. Иногда это выражалось в солидной сумме — 2000—3000 рублей.

Но «посулом» не исчерпывались претензии воевод к общине. Посад снаряжал служилые экспедиции в ясачные зимовья. Посылка стрельцов в зимовья оплачивалась общиной. Ясачным сборщикам покупали карбасы и паузки, паруса и якоря, пшени, мерёжи, поставляли провизию — муку, рыбу, оленину и, наконец, нанимали опытных

План городища Мангазеи по раскопкам

I — луг с кустами, II — кусты с лишайниковой растительностью, III — редкий лес, IV — лесная осыпь, VII — лес, полоса леса, VIII — граница контуров растительного покрова, IX — разрушенные контуры построек, XII — местоположение разрушенных стен и башен, XIII — торгово-промышленный комплекс зданий (на посаде), XIV — комплекс воеводской башни и городища, XV — Успенская церковь, XVI — Троицкая церковь, XVII — медовая мастерская с комплексом жилых построек, XVIII — жилая постройка на посаде, XIX — ремесленная постройка и др.

копкам, 1968 г. (выполнен Р. И. Юнак).

ес, IV — заболоченный кустарник, V — песчаная коса, VI — обрывистый берег с зем-
покрова, IX — тропа (оленья), X — площадь и контур раскопов, XI — задерно-
XIII — номер раскопа, XIV — направление течения. Название раскопов: 1 — жи-
с воеводского двора, 3 — угловая Ратиловская башня, 4 — угловая Успенская, Спас-
медеплавильная мастерская с комплексом жилых построек, 9 — медеплавильная
11 — часовня Василия Мангазейского, 12 — съезжая изба и караульное помещение,
ны окраине посада Мангазеи.

«вожей». На обязанности мира-общины ложилось также содержание атаманов — заложников. Эти несчастные люди, обычно старейшины рода, сидели в кандалах, которые, кстати говоря, тоже приобретала община. Пищу для аманатов в аманатскую избу — полутемное помещение — представляла также община. На ее обязанности, кроме того, лежали немалые тягловые повинности — перевоз мангазейской ясачной казны в Тобольск, оплата всякого рода служебных поездок. Она же производила ремонт съезжей избы, содержала денщиков, охраняла гостиный двор и таможенно. Большие расходы несла община на обслуживание воеводского двора. Расходы шли на содержание воеводских теремов, на всякие дворовые поделки, а иногда и на новые постройки. Приказывал воевода возить ему дрова, топить баню и даже содержать банщика. Обеспечивала община прокормление воевод. Покупала им хлеб, соль, рыбу, варила пиво.

Мангазейская община собиралась ежегодно, обычно осенью, когда с Руси прибывали новые партии промышленников, или поздней весной, когда они возвращались с соболиного промысла. Всякого рода пошленные сборы в общинную казну достигали большой суммы. В документах часто упоминается, что мирская казна Мангазеи в некоторые годы исчислялась в 3 и 5 тысяч рублей. «Заказные целовальники» брали с торговых и промышленных людей «поголовные» — деньги с каждого приезжающего, «посороковое» — с каждого, привезшего в город соболей, «порублевое» — с проданных русских товаров.

Общинная казна хранилась в трапезной церкви Успенья. Дела ее вел специальный секретарь. Формально выборный целовальник не зависел от воеводы, а воевода не имел права вмешиваться в мирские дела. На практике же все выглядело иначе. Например, по окончании срока для проверки работы заказного целовальника «под смотрением воеводы» создавалась ревизионная комиссия, которая могла утаить часть расходов или приписать несуществующие. Зависел от воеводы и выбор целовальника. Выходило, что мангазейская община являлась весьма удобной для воеводы организацией. Цель ее — выколачивание денег с посада и торгово-промышленного люда. Ее разрешили с тем, чтобы еще сильнее подчинить феодальному государству торгово-промышленный и ремесленный люд.

Пока Мангазейская земля обеспечивала богатые промыслы, состоять членом такой общины не представляло труда. Но по мере того, как убывал соболь, Мангазея становилась нежеланной на торговом пути. Ее стали избегать. С открытием же южной дороги от Тобольска по реке Кеть на Маковский и Енисейский остроги людской поток, катившийся через Мангазею все дальше и дальше на восток, заметно поредел, зато уеился на новых сибирских дорогах.

В годы расцвета город Мангазея не имел соперников. Звенели и гремели на ее тесных улицах кузнецы, готовили обувь в далекие походы сапожники, чинили попорченное оружие оружейники, пекари пекли вкусные бублики и калачи, в пивоварнях ходило хмельное пиво. В почете были всякие квасы — московские, малиновые, хлебные, медовые и др. У амбаров на гостином дворе важно расхаживали торговые приказчики. Таможенный голова и подьячие едва успевали выписывать проезжие грамоты идущему через Обскую губу на Русь торгово-промышленному люду. Подвыпившие мужики с вечера до петухов гуляли в харчевнях и питейных домах. И никто не чувствовал, что над северной сибирской столицей собралась гроза.

КОНЕЦ ПОМОРСКОЙ ВОЛЫНЦЫ

Гроза эта надвигалась из Тобольска, где завистливый и тщеславный воевода князь Иван Куракин точил нож на Мангазею и ее порядки, которые ему явно не нравились. Опытного помещика и царедворца раздражало уже одно то, что крестьяне имеют свободный доступ в «златокипящую царскую вотчину». Понимал он, что, пока существует Мангазейский морской ход, хозяевами положения останутся поморы — крестьяне, промышленники.

По всей вероятности, не без корысти выступил он против Мангазейского морского хода. Ведь в случае запрещения этого пути основной поток торгово-промыслового люда неизбежно переместится на юг, в уезды Тобольского разряда, где всегда можно с помощью вооруженных застав принудить силой платить таможенные пошлины. Тогда, надеялся он, увеличится денежная и соболиная казна, пожирнеют воеводские посулы.

Данила Наумов еще в Москве познакомился с делом о запрещении Мангазейского морского хода. В Туруханском архиве нашел он дополнительный материал. И столбцы Сибирского приказа, и вновь найденные документы надле-

жало прочесть, чтобы понять влияние акта запрещения на судьбу Мангазеи. Ему не составило труда разгадать нехитрый расчет тобольского воеводы. Куракин действовал на чувства молодого и неопытного царя Михаила Федоровича и на его окружение, стараясь доказать, что поморский путь в Мангазею, никем и ничем не контролируемый и не охраняемый, мог вызвать нежелательные последствия для всей Сибири. Пользуясь им, иностранные торговые компании, по его словам, пройдут на Обь и Енисей и могут захватить всю русскую торговлю и промыслы в свои руки.

Рассчитывал он на обильный сбор данных о попытках иностранцев пройти в сибирские земли и не сомневался, что в Москве, только пережившей иностранное вторжение, его поймут и оценят.

План Куракина стал осуществляться с осени 1615 г., когда в Тобольск прибыли из Мангазеи торговые и промышленные люди. В съезжей избе под присягой воевода и помогавшие ему дьяки и подьячие расспрашивали мангазейщиков о том, видели ли они, плавая по морю, иноземные суда, направлявшиеся в Мангазею. Второй вопрос касался более тонкой материи: каково мнение русских мореходов о возможностях прохода иностранных кораблей в устье рек Оби и Енисея. Не многие решились пойти против своей совести. Иван Забелин показал, что, будучи в Мангазее, слышал он от поморов: «наймовали в вожи» иностранные купцы русских «знатцев», «чтобы провезть их в Мангазею». Савва Француженин заявил, что «ходили галанские немцы кораблями морем к Мангазеи, а хотели пройти в Енисею, пришли де того же лета к себе назад».

«Роспросные речи» с гонцом полетели в Москву, а там, не долго размышляя, согласились с Куракиным и вынесли решение: закрыть морской путь из Поморья в Мангазею.

Но не сдавались мангазейщики. Их поддержал и мангазейский воевода письменный голова Иван Биркин, не пожелавший нарушать торговые интересы города. Знали Ивана Биркина многие на Севере. Когда Мирон Шаховской и Данила Хрипунов проезжали через Березов, служил он тогда там младшим воеводой. Это он срубил новый Березовский острог вместо прогнившего старого, покрыл крыши башен и стены железом, проделал бойницы, одним словом, показал себя дельным строителем и хозяином.

Понимал воевода, какой удар готовит ему Иван Куракин, и поэтому собрал в съезжую мангазейскую избу всех, кто был в то время в городе. Допрошено было 170 торговых и промышленных людей, главным образом поморов-мореходов. А вопрос был тот же, что и в Тобольске: что знают они об Обском и Енисейском устьях и о поездках иностранцев в Мангазею.

Незадолго перед этим прибыл на Таз посланный еще раньше на Енисейское устье «проведывать морского ходу» тобольский стрелец Мишка Иванов с товарищами. Стрельца посылал сам Иван Куракин, но служилый, видимо, не оправдал его надежд. Рассказал он Биркину, что ехал он с товарищами по Енисею «до льдов, до самого моря». На море, куда хватал глаз, видели они большие ледяные заторы. А затем, рассказал Иванов, «потянул с моря ветер и на них пришла стужа и обмороки великие, свету не видели». Сообщение стрельца пришлось как нельзя кстати, так как совпадало с тем, что заявили под присягой 170 поморских промышленников: «Ходят де они торговые и промышленные люди с Пинеги и с Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Монгазею для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати и больше, на Пустоозеро и на Карскую губу, на волок, а в Енисейское устье морем не хаживали, и то де подлинно они русские люди и самаядь знают, что из Енисейского устья и из Обской губы в море проходу нет, никто никакими судами не бывали, и немецких людей и кораблей на море и на Енисейском устье не видали, и немецкие люди в Монгазею не бывали, и впредь де все они, торговые и промышленные люди, и самаядь немецких людей в Монгазею кораблями и иными никакими судами приходу не чают же, потому, что от Карские губы в Обское устье и в Енисею и в Пясиду с моря от великих и непроходимых льдов проходу нет». Подтвердили они также, что «до Карские губы из Монгазейского же города в русской конец Тазовскою губою и через Обь и на Зеленую реку и через волок на Мутную реку и до Карские губы в легких судах, только ветры не задержат, ходу недель пять и шесть; а иных твоих государевых Сибирских городов к тем местом ближе нет Монгазейского города».

Сведения, собранные в Тобольске, о проходе из устья Северной Двины в Енисейское устье больших морских кочей также оказались неверными: «Сами там не быва-

ли,— сказали мореходы,— из начала про ходоков русских и никаких иных людей не слыхивали».

Вспоминался всего лишь один случай, когда в царствование Федора Ивановича ходил на трех кочах искать проход из Обской губы в море московский гость Лука, но эта попытка закончилась несчастьем. Мореходы умерли в дороге. Осталось из них в живых всего лишь четыре человека. Экспедиция Луки запомнилась хорошо. О ней говорили в Поморье и в Москве. О ней рассказывали иностранцы, приезжавшие на Русь. Голландский купец Исаак Масса разузнал, что экспедицию снарядил тобольский воевода с тем, чтобы найти проход из Оби на реку Енисей. Кроме кочей, которые следовали на север вдоль Обских берегов, был послан сухопутный отряд казаков. По сведениям Массы, плавание по Оби завершилось благополучно и Лука прошел в устье Енисея, но по дороге умер. Экспедиция исследовала весь маршрут, посетила редкие острова, видела диковинных птиц и зверей. Но сам по себе поход Луки ничего не доказывал и не опровергал в споре тобольского и мангазейского воевод. Опрошенные Биркиным поморы утверждали, что невозможен проход из Обской губы к Енисейскому заливу, потому что «лежат непроходимые злые места от великих льдов и всякой нужи». Опросил Биркин и тех торговых людей, которые знали морской ход до Новой Земли, и они подтвердили, что никаких кораблей на Новой Земле не видели и что «та де Новая Земля не ведомо остров, не ведомо матерая земля. А с монгазейскую сторону от Енисейского устья ходоков с моря изначалу не бывало, от великих льдов проходу нет».

Вслед за «распросом» познакомился Данила Наумов с обстоятельной челобитной торговых и промышленных людей на имя царя, в которой просили они разрешить «из Монгазеи к Руси и в Монгазею с Руси ходити поволить большим морем и через Камень по-прежнему, чтобы им вперед без промыслов не быть, а нашей бы соболиной казне в их безторжеце и без промыслу в десятой пошлине убытку не было».

Доказательства, собранные Иваном Биркиным, Казанский приказ признал основательными. «И мы,— писал царь Михаил Федорович,— торговых и промышленных людей всех городов, которые ходят для торгов своих и промыслов в Монгазею, пожаловали, велели им ходити с Руси в Монгазею, а с Монгазеи на Русь большим морем

и через Камень по-прежнему.» Но вместе с тем в жалованной грамоте говорилось, чтобы поморы «с немецкими людьми в Монгазею не ходили и их не пропускали и с ними, опричь Архангельского города, не торговали, и дорог им не на которые места в Монгазею не указывали, и жили бы в Монгазее с великим бережением неоплошно». Тем же, кто нарушит такой приказ, царь грозил великой опалой и смертной казнью.

Подобное суровое напоминание русским мореходам оказалось не лишним. Царский двор знал о попытках европейских торговых компаний добиться в Москве разрешения на свободное плавание у берегов Сибири и в сибирских реках. С тех пор как в 1552 г. в устье Северной Двины прибыло первое английское судно «Эдуард — Благое Предприятие» и его кормчий Ричард Ченслер приехал в Москву ко двору Ивана Грозного, иностранные торговцы не переставали искать морские пути в Сибирь. Но знали в Москве и о том, что ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Западные корабли давило льдами, бросало на камни. Из-за большой осадки они не могли ходить у отмелей берегов, как это делали поморы на кочах. А в открытом море их останавливали льды, и они вынуждены были прекращать плавание на полпути. Трагические примеры гибели судов западноевропейского парусного флота в Арктике потрясали людей. Но моряки и купцы не останавливались ни перед чем, влекомые жадной наживы, рассказами географов и космографов, писателей и государственных деятелей. Каждый из авторов измышлял по мере способностей и обязательно что-нибудь особенное, что волновало легко возбудимое воображение западных купцов-мореплавателей. Среди них оказался и английский предприниматель Стефен Барроу, первым попытавшийся в 1556 г. пройти в Сибирь на корабле под довольноно откровенным названием «Ищи наживы». Но так как без помощи русских поморов он не мог бы дойти даже до устья Печоры, то решил подкупить этих добродушных людей всякими безделушками и подарками. От Колы на восток его корабль вел помор Федор. Стоило Федору уйти на своей лодке в сторону, как Барроу заблудился и вместо Оби ошибочно зашел на Новую Землю. Встретившийся здесь помор Лошаков показал дорогу в Югорский Шар, где корабль «Ищи наживы» попал во льды, а затем, от-

ступив к устью Печоры, оказался на песчаных банках. Отсюда Барроу ни с чем вернулся на Северную Двину.

Безуспешно пытались пройти на реку Обь и служащие «Московской компании» (как стало называть себя общество английских купцов, торговавших с Россией через Архангельск) Пэт и Джекмен. Их плавание летом 1580 г. было неудачным. Попытку пройти на Обь сделали также и голландские купцы. Один из них, Оливер Брюннель, в 1584 г. на небольшом судне, очевидно, рассчитанном на мелководное море, прибыл к южному берегу Новой Земли, к Костину Шару. Голландец хотел через один из новоземельских проливов добраться до Оби, но не смог отыскать прохода. Пришлось отступить на юг, к печорскому берегу, где у опасного для мореплавателей Русского Заворота судно Брюннеля потерпело крушение. В описании этого путешествия, составленном самим Брюннелем, есть сведения о том, что предприимчивый купец, находясь на службе у сольвычегодских купцов Строгановых, по сусе перешел на реку Обь. Правда, эти сведения внушают большие сомнения. Ловкий голландский купец, очевидно, слышал от русских, как пройти к Оби, а затем выдал это за свое собственное путешествие туда. В 1594 г., когда поморы уже освоили путь в Мангазею, голландская экспедиция капитана Ная, преодолев Карские Ворота, приблизилась к реке Каре. Это был самый крупный успех западноевропейских морских экспедиций в XVI в. Дальше Ная на восток никто не плавал. Но и такая удача оказалась неполной. Встретившись у Кары с тяжелыми льдами, голландские корабли не прошли их и повернули обратно. В следующем году Най повторил свое плавание. Пройдя Югорский Шар, он достиг острова Местного, но на дальнейшем пути опять встретились льды. В третьей попытке пройти в Сибирь, это случилось уже в 1596 г., погиб выдающийся голландский мореплаватель Виллем Баренц, принимавший участие и в предыдущих голландских экспедициях. Баренц решил достичь Обской губы, обогнув Новую Землю с запада. Зима застала корабль у восточного берега северного острова Новой Земли. Тревожной и тяжелой оказалась зима для голландцев в Ледяной гавани, где от цинги умер Баренц и несколько его матросов. Остальных голландцев спасли русские поморы, промышлявшие моржей неподалеку от голландского лагеря. После неудачи Баренца голландские экспедиции в Арктику

почти прекратились. Известны экспедиции 1609—1610 гг., которые возглавлял Гудзон. Успех не сопутствовал и этому мореплавателю. Непреодолимые ледяные препятствия встали на пути иностранных предпринимателей, отправлявшихся в Сибирь.

В «смутное время» и позднее в Москве в Казанском приказе и в Тобольске знали о том, что иностранные корабли не могут пройти в Сибирь по морю. И все же опасность появления их там была одним из предлогов для запрещения Мангазейского морского хода. Понять это Данила Наумов никак не мог.

В 1618 и 1619 гг. о проходе иностранцев в Сибирь заговорили в Казанском приказе вновь в связи с настойчивыми просьбами тобольского воеводы Ивана Куракина, причем Куракину обещали полную свободу действий. Об этом свидетельствовала грамота 1618 г., снимающая запрет на плавание из Поморья в Мангазею. Царь писал в Тобольск: «А во всем мы в том морском Мангазейском ходу положили то дело на тебя, боярина нашего, на князя Ивана Семеновича: и ты бы всякое наше дело делал в Сибири, смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу было прибыльнее и поруки некоторые в нашем деле не было». Этим и воспользовался Куракин. Написал он в Москву новую челобитную царю, где снова настаивал на запрещении Мангазейского морского хода и переводе сибирской северной торговли в Тобольск и Березов. Куракин подчеркивал, что торговые люди ездят в сибирские города мимо Тобольска и от этого происходит «умаление» таможенных сборов. Последнее обстоятельство, очевидно, сильно подействовало на начальников Казанского приказа, и поэтому во изменение своего ранее данного указа царь Михаил Федорович в 1619 г. направил Куракину новую наказную память, которую в феврале 1620 г. привез в Тобольск атаман Третьяк Юрлов. В новой своей грамоте царь согласился с доводами тобольского воеводы и окончательно запретил Мангазейский морской ход. Торговым и промышленным людям предлагалось ездить в Сибирь через Урал по рекам Усе, Соби на Березов, а из Березова в Мангазею.

Победу одержал князь Иван Куракин. Но из корыстных ли только побуждений действовал он? Не защищал ли он интересы страны, жертвуя Мангазейским морским ходом, не предотвратил ли проникновение иностранцев на

Обско-Енисейский Север? На эти вопросы мангазейский воевода Данила Наумов ответить, конечно, не смог.

В книгах, в статьях, в очерках высказано много предположений о том, что вызвало запрет 1619 г. Одни считают, что главной побудительной причиной царского решения явилось стремление оградить Сибирь от проникновения иностранцев. Но Казанский приказ и тобольский воевода знали уже о неудачах западноевропейских моряков и поэтому не могли серьезно поверить в реальную угрозу для Сибири со стороны одиночных и весьма неорганизованных экспедиций в полярные льды. Другие утверждают, что запрет плаваний поморов преследовал чисто таможенные интересы. Но никто не доказал, что имелось в виду в данном случае. Ведь таможенный сбор производился в Мангазее и Туруханске, и никому не удалось обойти таможи. Ведь и после запрета плавать по морю в Мангазею таможенный сбор осуществлялся в тех же пунктах. А вместе с тем осталось незамеченным наступление крепостного государства на позиции торгово-промышленного люда Сибири.

В «смутное время» Сибирь наполнилась беглыми крестьянами и холопами. Мангазейская дорога стала одним из важных путей, по которым передвигалась крестьянская вольница в далекие сибирские земли. После ликвидации смуты правительство царя Михаила Федоровича потребовало от воевод ликвидации сложившихся в предыдущий период порядков, укрепления налогового пресса и увеличения доходов в старых и новых уездах Сибири. Наступление крепостников на крестьян и городское население проходило по всей стране. Завершилось оно Соборным уложением 1649 г. В то же время ничем не стесненные поездки северных крестьян в Мангазею шли вразрез с новой крепостной политикой. Они являлись бельмом на глазу не только у сибирских воевод, но и у администрации северных областей, так как касались самих основ феодального государства. Сохранилась отписка 1623 г. мангазейских воевод Дмитрия Погожева и Ивана Танеева в связи с запрещением плавания из Поморья на Обь и Таз. Воеводы заявили, что «... в Мангазею же де приезжают, бегаючи с Мезени и Пустоозера, и с ними всякие люди (из других районов страны) от государевых податей, а иные от воровства и от своей братии от всяких долгов».

Мангазейский морской ход, запрещенный царем,— это

путь в Сибирь для тех, кто не располагал большими капиталами, не смог снарядить в Сибирь богатых экспедиций, это дорога бедных и средних крестьян-промышленников. И запрещение ее нанесло удар и им, и Мангазею. В год запрещения мангазейского мореплавания мангазейские воеводы Погожев и Танеев писали царскому двору. «В той нашей десятинной мяхкой рухляди недобор великой для того, что поморские промышленные люди поднимаютца из своих домов до Мангазеи морем своими невеликими ужинами, а сибирская дорога (через Урал) от поморских городов удалела... И впредь нашей десятинной мяхкой рухляди будет мало». И действительно, помор-крестьянин после запрета плавать в Мангазею потерял возможность появляться в Сибири в качестве промышленника-своеужинника. Он просто не имел на это средств. Отныне, чтобы попасть в Сибирь, он должен был по крайней мере вложить свой скудный капитал в строительство коча или лодьи, чтобы добраться до Печорского устья, или приобрести оленьи или собачьи упряжки, чтобы доехать до среднего течения Печоры, откуда начинался «Черезкаменный путь» по рекам Усе и Соби. Крестьянин должен был платить и за транспортировку своих грузов через Урал до Оби. В Березове его снова ждали расходы — наем морского судна. По Обской и Тазовской губам ходили большие дорогостоящие морские кочи, поднимавшие до 2 тысяч пудов груза, а не малые волоковые, которыми он пользовался, плавая из Поморья в Мангазею. Кроме того, в Березове с него брали деньги за работу вожа. Фактически средний, а тем более бедный крестьянин не мог позволить себе такой поездки. Поэтому количество своеужинников, плававших в Мангазею, после 1619 г. резко сократилось.

Мангазейское мореплавание конца XVI и начала XVII в. осталось в памяти народа как оваянная легендами яркая страница освоения морских путей.

В самом акте прекращения мангазейского мореплавания имелась еще и другая сторона. Тобольские воеводы смотрели косо на возможность передвижения больших масс людей из Сибири на Русь по самой северной дороге. Дело в том, что в 20-е годы XVII в. началось освоение южных сибирских путей от Тобольска на Маковский острог, Енисей, а затем и на реку Лену. Построить южную внутрисибирскую дорогу в тайге, на болотах и гатях силами пашенных крестьян, казаков и стрельцов оказалось весьма

трудно. Один из енисейских воевод писал царю: «От Маковского острожку через волок до Енисейского острожку ходу нартами восемь недель... волок велик, около двухсот верст. А на волоку болото и грязь, и колоды и заломы великие — и на себе всех запасов не перетащить». «И поэтому, — заключал воевода, — хуже Енисейска во всем твоём государстве Русской и Сибирской вотчине нет; служат, государь, служилые люди зимою на нарте, на шлее, а летом беспрестанно на весле и на шесте. А ходят твои государевы служилые люди беспрестани по новым землицам и великую нужу, и бедность, и голод терпят, и души свои сквернят.» Многие не выдерживали тяжести работы, бежали в тайгу и тундру, а оттуда на Русь. По донесениям мангазейских воевод, беглые работные люди уходили из Тобольского разряда, из Сургута, Березова, Томска, от «хлебных запасов». «Беглецы бегают скопясь многие», — сообщали воеводы.

Мангазея и в этом случае оказалась в центре событий. Путь «беглецов» чаще всего проходил по северным и труднодоступным районам. Так, в 1636 г. бежавшие в разные годы из Красноярска и Енисейска крестьяне «скопились» в Туруханском зимовье и оттуда двинулись в Мангазею. В город они не заходили, а, захватив два струга, проплыли ночью по Тазу к Обдорску, причем караульные стрельцы, заметившие беглецов, не приняли никаких мер. Этот факт серьезно обеспокоил царский двор, потребовавший срочной поимки работных людей, наказания их и возвращения назад.

И когда принималось решение о запрещении плавания поморов в Мангазею, царский двор предусмотрел подсказанную Иваном Куракиным постройку трех вооруженных застав — Киртасской, Собской и Ямальской. По мысли Казанского приказа и тобольских воевод, эти заставы должны были преградить пути прохода беглых крестьян в Сибирь и из Сибири. Один из этих путей являлся мангазейским, морским. Так как контролировать поездки по морю через Ямал оказалось непросто, то и решили тобольские воеводы добиться запрещения этого пути.

Показательна для иллюстрации бессилия таких попыток постройка Ямальской заставы.

В «запретительной» грамоте 1619 г. царь предписал Ивану Куракину направить 50 служилых тобольских людей вниз по реке Оби и Обской губе в устье реки Зеленой

и оттуда к волоку между этой рекой и рекой Мутной. Стрелецкому отряду надлежало поставить там заставу и даже срубить острог, «где пригоже», для того чтобы «немейские люди» не проникли в Мангазею. А русских промышленных и торговых людей «с моря и с поморских городов Кулоем и на Канин Нос и на Тресковую и на два острова, что у Варандеевских мелей, и на Моржовик остров малыми речками и большим морем на Югорский Шар и на Карскую губу и на Мутную и на Зеленую реку и в Мангазею, а из Мангазеи на те же места пропускать не велели». Плохо знали тогда в Казанском приказе географию северных областей страны, а особенно не понимали трудностей постройки Ямальской заставы, очевидно, полагали, что ее можно возвести так же легко, как южные, например Киртасскую или Собскую. Однако этого не произошло. В течение десяти лет тобольские и березовские казаки делали безуспешные попытки построить острог в междуречье Мутной и Зеленой.

Первый отряд для постройки Ямальской заставы по указу Ивана Куракина посылался из Мангазеи. Но о нем ничего неизвестно. Очевиднее всего, недовольные решениями Ивана Куракина мангазейские воеводы под каким-то предлогом отказались от отправки стрельцов.

Первая поездка в устье реки Зеленой состоялась в 1624 г. Командовал тобольским отрядом из 20 стрельцов сын боярский Яков Шульгин. Известно, что отряд вышел на Березов 7 июня, где к нему присоединилось двадцать тобольских казаков. Вероятнее всего, что кочи Шульгина не смогли дойти до цели. Счастливей оказался сын боярский Федор Игнатьев. Ему, кажется, удалось побывать на заставе и вернуться в Березов. В 1626 г. на заставу ходил атаман Иван Бабарыкин с 34 тобольскими и березовскими казаками. Казак Василий Пустозерев взялся довести служилых до реки Зеленой, но 20 сентября Бабарыкин, не достигнув цели, вернулся в Березов. По его рассказу, на коче они шли три недели до устья Оби при сильных встречных ветрах; затем на парусе «бежали» два дня до Русского Заворота, где Тазовская губа впадает в Обскую. Здесь их встретил дождь и сильный ветер. Коч выбросило на кошку, а палубные павозки разбило. Шесть недель ожидал Бабарыкин перемены ветра, находясь в трех днях плавания от устья Зеленой. Ветер так и не изменился, а осенью ударили сильные морозы, в Обскую

губу принесло с моря лед. В следующем году он взял с собой 23 человека и двух вожей и снова попытался пройти в устье реки Зеленой. Поход начался сразу после отступления льда из губы. Такое решение было правильным, и коч вошел в реку Зеленую. Плывая по этой извилистой реке, Бабарыкин перепутал волок и вынужден был ни с чем возвратиться в Березов. Того волока, по которому ходили раньше поморы, он так и не видел. В 1628 г. ездил на реку Зеленую тобольский сын боярский Данила Низовцев. 28 мая его коч вышел из Тобольска, а 30 августа прибыл на Зеленую. Наказной памятью Низовцева обязывали идти на те места, где раньше побывал Бабарыкин.

После семидневного путешествия стрельцы и казаки уже еле тащили на себе павозки вверх по Зеленой, и когда пришли к стоянке Бабарыкина, выяснилось, что Бабарыкин ходил «не тою дорогою, которою наперед сего хаживали торговые и промышленные люди с Руси в Мангазею и из Мангазеи на Русь, потому что вож обознался». На поход до волока между Мутной и Зеленой Низовцеву уже не хватало времени, и он возвратился назад. Бесцельность и неосуществимость затеи с организацией заставы на Ямале стала очевидной даже самим тобольским и березовским воеводам. Поэтому в 1630 г. тобольский воевода Андрей Хованский просил Казанский приказ снять с него выполнение этой обязанности, сославшись на то, что не сможет держать служилых людей на Ямале и что у него нет людей, знающих старую мангазейскую дорогу. Он писал, что на Ямале нет леса, в Обской губе бывают встречные ветры, которыми разбивает кочи, а «в те поры из кочей и хлебные запасы мечут в море», и что от всего этого «будет мешкота».

Хотя воеводам и не удалось построить вооруженную заставу на Мутной и Зеленой, они все же добились прекращения мангазейского мореплавания. Поморская вольная дорога, по которой прошли на свой страх и риск в глубинные районы Сибири сотни отчаянно смелых людей, перестала существовать. И прямая связь Поморья с Мангазеей оборвалась.

ПОСЛЕ ЗАПРЕТА

Как болезнь, переживала Мангазейская земля запрещение морских плаваний крестьян северных областей. Внешне в мангазейской торговле и промыслах изменений не произошло. Пока все оставалось на старом месте. Более того, в городской деятельности и промыслах наблюдалось оживление. В этом Данила Наумов убедился сам, когда просматривал сухие и скучные цифры таможенных книг Мангазейского уезда. В книге 1630 г. сбора таможенного головы Ивана Толстоухова имелось 2350 записей о предъявлении упромышленных соболей. Промышленники предъявили 78 989 шкурок ценного сибирского зверька. В годы воеводства Наумова этого уже не было: соболь по всей Сибири был выбит, а промыслы пришли в упадок. Вызывал восхищение перевод стоимости этих шкурок на деньги. Если считать, что каждая шкурка соболя стоила тогда на русском рынке не меньше 5 рублей, получалась громадная по тому времени сумма. В других таможенных книгах отыскиались и более крупные цифры добычи «соболиной казны». В таможенной книге 1636 г. показано 87 210 упромышленных соболей, что в пересчет на деньги

составляло сумму, близкую к полумиллиону рублей, т. е. сумму, равную всему годовому доходу царского двора в 70-х гг. XVII в. Всего по таможенным книгам за 1630—1637 гг. (7 лет) через мангазейские таможни прошло 477 469 соборей стоимостью 2 387 345 рублей.

Поразился мангазейский воевода и тому, как сравнительно небольшая артель, состоящая из двух-трех десятков покрученников, снаряженных на средства одного-двух торговцев, добывала огромное количество собориных шкурок. В таможенных делах Наумов отыскал, например, два таких случая. В 1637 г. в Мангазею прибыла артель Василия Дрягина, Ивана Пеунова и Девятого Черткова, состоявшая из 22 промышленников. Она предъявила таможе 9084 соболя. Другая артель — артель Василия Бухрякова из 113 человек зарегистрировала в мангазейской таможе 33 116 соборей. И что еще изумляло: требовался сравнительно небольшой вклад капиталов в промысел и торговлю, чтобы получить такую прибыль, совершенно немыслимую во времена Данилы Наумова. Он взял наугад первые попавшиеся ему цифры и подсчитал прибыль. В 1630 г. на реку Таз прибыло 928 человек, товары которых таможня оценила в 27 047 рублей 8 алтын и с которых собрала 674 рубля пошлины. Таким образом, в среднем на каждого промышленника приходилось на 30 рублей товаров. А соборей они могли добыть при таком удачном промысле, как в артели Василия Бухрякова, до 272 000 штук. Таким образом, если шкурка соболя в Сибири стоила 1 рубль, то каждый участник этой артели получал прибыль 970 рублей, что в 32 раза превышало израсходованные средства. И действительно, в таможенной книге этого же 1630 г. имелась запись: «441 промышленник предъявил таможе 32 872 соболя». Вот теперь Наумов понял, почему в Москве и по всей Руси ходила слава о Мангазее как «о златокипящей землице», почему, пренебрегая опасностями на море и в тайге, шли в Мангазею тысячи и тысячи людей.

Кто же снаряжал экспедиции в Мангазею после запрещенного морского хода? Были ли это те же самые крестьяне Поморья или другие люди? В архиве отыскалась переписка мангазейских торговцев, составленная в 1640 г. по случаю оценки «государевой собориной казны». К оценке привлекали самых крупных купцов, бывших тогда в Мангазее. Имелись ссылки на фамилии семи царских гостей — Надея Светешникова, Осипа Елизова, Василия Гусельникова,

Петра Унбина, Кирилла Босова, Исака Ревякина, Иохима Юсова. О многих из них Наумов слышал еще в Москве от их сыновей, внуков и племянников, живших в Замоскворечье. На средства их снаряжались в Мангазею караваны судов и артели промышленников, среди которых были и поморы, но они ехали в Сибирь не своеужинниками, а покрученниками, «наймитами», людьми подневольными. Теперь в Мангазею ходили и крестьяне средней полосы России, работавшие по найму в торговых артелях. Многие поморские крестьяне, отправившись в Сибирь, не доходили до Мангазеи. Для них запрещение Мангазейского хода означало еще большее закабаление и разорение. И в то же время это была победа русского, главным образом московского, купечества и той части помещиков, которые втянулись в торговлю и промыслы. В их руках оказались и пути в Мангазею. После 1620 г. ухудшилось экономическое положение восточных районов Холмогорского уезда. Повсеместно наблюдалось запустение ранее процветавших городов и слобод. Ижемская и Усть-Цилимская слободки, например, уже к 1638 г. почти наполовину пустовали: из 63 дворов оставалось всего лишь 39, потому что «жилицкие люди» «разбрелися кормитца в русские и сибирские города», — говорилось в одной из переписных книг того времени. Бежали от государевых поборов или уехали в Сибирь и многие жители Пустозерска. Их всегда можно было встретить на «Черезкаменном пути» на самой тяжелой работе. Это они перевозили «русские товары» на волоках, водили весной и осенью лодки и паузки по мелким уральским речкам. Правда, «Черезкаменный путь» осваивался издавна, но только поморы знали, как водить караваны более близкими и безопасными тропами.

«Черезкаменный путь» считался тяжелым и опасным. Со среднего течения Печоры он разветвлялся: одна ветвь шла по правому притоку Печоры — реке Усе к острогам Уральских гор и оттуда через Камень в реку Собь до Обдорского острожка; другая — правыми притоками Печоры — реками Илычем и Щугором подходила к Среднему Уралу и дальше вливалась в Северную Сосьву и шла на Березов (см. рис. на стр. 35). Общая протяженность второй ветви превышала 3 тысячи верст.

Уже в конце XVI в. «Печорою рекою» ходили «в судех с великими товарами» «многие люди» из Пустозера, с Пинеги, Мезени и Ваги. Этим путем ездили в Сибирь воеводы,

двигались войска, провозили «для поспешания» государеву соболиную казну. Но охотнее всего пользовались «Черезкаменным путем» в обратном направлении для перевозки мехов, так как транспортировка тяжелых грузов стоила очень дорого. К тому же проход по «Черезкаменному пути» был возможен только в летние месяцы, зимой им пользовались очень редко.

В представлении людей этот путь проходил через почти недоступные горные кряжи и вершины гор, и, как говорилось в одном дорожнике, этот Камень (Урал) в «облаках не видети, а коли ветренно, ино облака роздирает, а длина его (Камня) от моря и до моря», «место пустое», «жилицких людей на Камени нет». «Черезкаменный путь» — это «дорога прохожая, нежилая людьми».

Переходили реки и речки на мелких судах: набойных лодках или однодеревках. Через волоки их тащили на катках, перевозили на оленях или собаках. После запрещения Мангазейского морского хода все, кто направлялся в Мангазею или из Мангазеи на Русь, пользовались «Черезкаменным путем». Важными отправными и конечными точками его являлись Обдорский острог и Березов. В этом районе находились две уже упомянутые заставы. В 1638—1639 гг. через Обдорскую заставу проследовало на Русь 219 человек, а в 1641 г. — 639 человек.

Другой поток торгово-промышленного люда катился по «камской дороге» через Верхотурье в Тобольск. В начальных пунктах, где формировались мангазейские караваны, стояли плотбища и содержались группы опытных кормщиков, хорошо знавших условия плавания в Обской и Тазовской губах. Верхотурье, которое поставляло кочи для Мангазейского морского хода, славилось своими корабельщиками — людьми, умеющими строить большие морские суда. Березов также имел кочевое плотбище. В этом северном городе всегда бурлил смекалистый и оборотистый люд, готовый не только вести суда в Мангазею, но и срубить самое искусное судно с ледовыми обводами. По Обской и Тазовской губам плавали большие морские суда, в отличие от «малых кочей», которыми пользовались при передвижении по Карскому морю. Размеры этих судов достигали 19—20 метров в длину и 5—6 метров в ширину. На них помещалось 2000 пудов грузов и сравнительно небольшая команда, 10—12 человек. Строительство таких судов — сложное и тяжелое дело. За работу на Верхотур-

ской верфи платили немалые деньги. Особенно дорого ценились кочи. Если за постройку речных судов-дощаников и каюков платили по 25 рублей, то за коч на этой же верфи давали 40 рублей. Еще в 1603 г. по царскому решению под Верхотурьем создали постоянное поселение судовых плотников.

Плавание из Тобольска и Березова в Мангазею по-прежнему называлось Мангазейским морским ходом, хотя по существу таковым не являлось. Название «морской ход» сохранилось скорее по привычке и было связано с ошибочным представлением об Обской и Тазовской губах. Считалось, что это единое большое море, часть Северного Ледовитого океана. На старинных сибирских чертежах Мангазея и впадающая рядом с ней в реку Таз речка Мангазейка, или Осетровка, изображались на берегу моря, которое также называлось Мангазейским.

В Туруханском остроге сохранились и некоторые сведения о плавании мангазейщиков после 1620 г. Если плавание в Мангазею по Карскому морю через Ямальский волок и по Обской губе в летнее время совершались в благоприятных условиях, при отсутствии льдов и при попутных ветрах, то морские походы с юга на север по Обской губе проходили в иной обстановке. Тот же северный ветер, который нес поморское судно к цели, был иногда непреодолимой преградой для караванов, двигавшихся с юга, от Тобольска и Березова.

Трудность и сложность западных и южных путей в Мангазею впоследствии явились одной из причин их упадка. По существу почти пятидесятилетний период полуморских походов в Мангазею — это закат мореплавания в Обско-Тазовском районе.

Из Тобольска на Таз первые торговые и промышленные люди прошли с отрядами мангазейских воевод. Чаще всего торговцы присоединялись к стрельцам и казакам.

В 20 и 40-е годы развилось караванное торгово-промысловое передвижение на Мангазею. Иногда составлялись большие караваны — по 20, по 30 кочей, на которых находилось от 350 до 400 человек, перевозивших свои «промышленные заводы» и товары. Самыми тяжелыми грузами была мука ржаная и овсяная — «хлебные запасы». Мангазея всегда жила привозным хлебом. В 1626 г. из Тобольска на Таз с таможенным головой Гребневым ходили «на кочах многие торговые люди с хлебными запасы».

В 1628 г. этим же путем совершили плавание 136 торговцев и промышленников. Это были Яков Третьяков Важенин, Андрей Иванов, Савва Иванов Заборец, мезенец Кирилл Иванов Ружников, Матвей Щепеткин с Пинегы, ярославец Алексей Наумов и другие. Одновременно на Таз «хлебные запасы» привозила и казна, которая иногда продавала хлеб на мангазейском рынке. Но конкурировать с привозным хлебом торговцев она, конечно, не могла. Чаще же мангазейскому гарнизону не хватало своего хлеба. В 1626 г. мангазейский воевода купил у торговцев после распродажи 4120 пудов хлеба. Поражало количество хлебных запасов, завезенных на столь далекое расстояние. В 1627 г. из Тобольска в Мангазею было направлено 25 200 пудов минимум на 12 кочах. В конце концов царский двор отказался от казенной хлебной торговли и стал покупать хлеб на рынке. «В Мангазее хлеба много и стоит дешево», — показал Киприян Фоныков, приказчик гостя Надея Светешникова. Однако наплыв хлебных товаров на мангазейский рынок продолжался недолго, до тех пор, пока в Мангазее существовали богатые пушные промыслы. В дальнейшем, приблизительно с 40-х гг., тобольским воеводам вновь пришлось вернуться к организации поставок хлеба на казенный счет. Однако это оказалось сложным. Именно с этим периодом связаны наиболее трагические случаи. И понятно было, что дело не только в том, что в Сибири перевелись хорошие мореходы и стали строить плохие суда, но и в том, что в Обско-Тазовском районе в 40—60-е гг. XVII в. ветры «стали прижимные, свирепые», усилилась ледовитость, участились бури и ураганы. Ухудшение условий погоды наблюдалось не только в этом районе Арктики, но и повсюду на севере — от Гренландии до Чукотки. И несмотря на это, плавания в Мангазею продолжались. Можно восхищаться героизмом и мужеством тех людей, которые участвовали в них.

В документах наиболее ярко рассказано о трех походах из Тобольска в Мангазею. Три года подряд, в 1642, 1643 и 1644 гг., мореходы пытались пробиться к Мангазее, но терпели неудачи. Три года подряд Мангазея не получала хлеб из Тобольска и Березова из-за гибели судов. В городе после того, как съели весь хлеб, начался голод. Люди ели все, что казалось съедобным — шкурки зверей, кору, ремни и т. д.

Хлебный караван 1642 г. не дошел до города, потому

что кочи разбило где-то на правом берегу Обской губы, на участке между Надымом и Пуром. Мешки с мукой оказались в воде. Люди спасались на обломках судов. Оказавшись на берегу, они пытались собрать мешки, выброшенные на берег, но не тут-то было. «Те (мешки) де все водою рознесло, а иные песком занесло... а находили де те мешки не в одном месте — по кошкам на трех верстах, и те достальные мешки воровская юрацкая, и пуровская, и надымская самоядь себе розвозили», — писал в Тобольск служилый человек Василий Петров.

Самое большое кораблекрушение произошло в следующем году. Два коча с хлебом отправились из Тобольска очень поздно — 13 июля. Около 19 августа у Русского Заворота суда попали в бурю: «учало погодою кочи бить». Возглавлявший караван дьяк Григорий Теряев пытался уйти от ветра, встав за мысом на якоря. Однако волнение было столь сильным, что один из кочей не вынес напора воды и распался. Теряев нарисовал яркую картину кораблекрушения. Он писал, что мешки с хлебом разнесло по морю и по берегу, а люди «плыли и брели на берег на веслах и на досках и на карбасех». Самому Теряеву повезло: «государево судно» бурей выбросило на берег целым и невредимым, однако так замыло песком, что в течение долгого времени его пришлось откапывать и выводить на свободную воду. Торговые люди решили остаться на зимовку и продолжить плавание в следующую навигацию. Но дьяк так не мог поступить. Он знал, что Мангазея второй год живет без хлеба, на голодном пайке, и поэтому во что бы то ни стало хотел дойти туда. Но трагичным оказался путь. В отписке, которую прислали мангазейские воеводы в Тобольск, подробно рассказано о судьбе тех героев, которые шли с Теряевым. Всего на коче дьяка собралось человек 70, в том числе и семья Теряева. У Черных гор, в устье Столовой речки, судно снова попало в бурю и было выброшено на мель. Пытались стащить коч в губу, но напрасно потратили еще два месяца. Тогда Теряев принял роковое решение: отправиться к городу на нартах. Это случилось 10 ноября, а через восемь недель в отряде кончилось продовольствие. Очевидно, Теряев не рассчитал продукты на длительный переход. Положение создалось трагическое. В Мангазее Теряев послал гонца и просил помощи. В отписке он сообщал, что служилые и промышленные люди «стали... с голода помирать; померло человек

с 50», в числе их две его дочери и племянница. Похоронив умерших, отряд двинулся дальше и через десять дней группа пришла к Ледянкину Шару — промысловому зимовью в нижней части реки Таз. Отсюда Теряев хотел пройти дальше, но силы его оставили, и он и его жена вернулись в зимовье. Поход продолжала группа безумно смелых казаков во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым. Но и они дошли только до Сухарева зимовья. Немногие достигли бы Мангазеи, если бы оттуда им не пришла помощь. Отряд стрельцов во главе с сыном воеводы Ухтомского Федором нашел около Ледянкина Шара в тундре Теряева и с ним шесть человек в ужасном состоянии. Они съели все, что могли, — оленье кожи, собак и «людей мертвых ели». По дороге в город дьяк умер. 14 января в Мангазею прибыла лишь его жена и 20 человек служилых и промышленных людей, найденных в Сухаревом зимовье.

В 1644 г. кочи снова были задержаны в Обской губе сильными ветрами. С 40-х гг. походы из Тобольска и Березова на реку Таз осуществляла главным образом казна. Торгово-промысловые караваны снаряжались очень редко и двигались в одном направлении — от Мангазеи на Березов и уже оттуда по «Черезкаменному пути». Казенное же судоходство по-прежнему не удавалось. В 1663 г. в губах потерпели крушение пять кочей, а находившиеся на них 5260 пудов хлеба и 24 пуда соли погибли. Поэтому в 1666 г. мангазейские воеводы прекратили поставки хлеба и соли в Мангазею по водному пути. Отныне грузы стали перевозить на каюках и дощаниках из Енисейска в Туруханск. В 1669 г. тобольский воевода Петр Годунов запретил поездки в Мангазею по Обской губе. «Впредь, — писал он в Мангазею, — кочевого ходу не будет, а посылать через Енисейск.» И выходило, что он, Данила Наумов, совершил летом 1670 г. плавание по Мангазейскому морскому ходу в последний раз.

КОСКОДСКАА СМУТА

О сенью 1628 г. собрался в Мангазею Леонтий Плехан. Он уже знал о запрещении Мангазейского морского хода и о нарядах стрельцов на заставу между Мутной и Зеленой. Поэтому направился он по сибирской дороге к Верхотурью, куда к тому времени прибыли из Москвы новые воеводы: старший — Григорий Иванович Кокорев, выдававший себя за человека, близкого к царствующей династии, и младший — Андрей Федорович Палицын, происходивший из новгородской мелкопоместной дворянской семьи, один из послов к польскому королю Сигизмунду в годы смуты, человек начитанный.

Догнал их Леонтий по дороге в Тобольск. Передвигались воеводы большим караваном. С Кокоревым ехала вся его семья: жена Мария Семеновна, сын Иван, слуги, денщики, посыльные. С Палицыным, кроме его жены, ехали многочисленные родственники. И среди них особенно выделялись своим буйным характером племянники. Некоторые из них остались в Тобольске и только на следующий год прибыли в Мангазею. Уже в пути сказалась неприязнь воевод друг к другу. Прямой, грубый и царственный Кокорев невзлюбил обходительного и болезненного Палицына.

Правда, взаимная личная неприязнь имела серьезные основания. Известно было, что Григорий Кокорев своим доносом привел дядю Палицына, Силу Зеленого, «за измену царю» на плаху. Говорили, что, отправляясь из Москвы, Кокорев якобы сказал Андрею, что берет его прямо «от виселицы». Услышав о раздорах среди воевод, Леонтий хотел повернуть в сторону, но раздумал: на Таз он все равно не попадет раньше воевод, а с ними в пути все же спокойнее.

Собираясь в далекую поездку, потратил Леонтий все свои средства, скопленные от продажи «соболиной казны», и теперь рассчитывал заработать на мангазейских торгах. С собой он взял старшего сына Климентия и младшего Ивана, надеясь приучить их к большому торговому и промысловому делу. На Верхотурье он, как и другие торговые люди, заказал собственный коч. Воеводы приказали сделать два «государевых коча». Всего верхотурские плотники рубили 22 морских судна.

Собралось идти в Мангазею много народу, и все богатый люд. У каждого на судно приходилось «промышленных заводов» и русских товаров от 1000 до 1500 рублей. Леонтий не мог причислить себя к таким богачам — таможенный голова выписал ему проезжую грамоту на товары стоимостью 150 рублей.

В Верхотурье встретил он тех, с которыми ловил соболей при воеводах Мосальском и Пушкине. Среди «новичков» оказалось много неизвестных фамилий. Эти торговцы уже успели побывать на Лене, торговали в Енисейском остроге, ходили и в Мангазею. Вскоре он подружился с ними. Особенно нравились ему своей степенностью Спиридон Казанец и его закадычный друг Степан Канищев. В питейном доме они свели Леонтия с московскими купцами Андреем Калининым, Сафоном Агофоновым и Федором Фоминым, людьми серьезными и рассудительными.

В Тобольске, куда в мае пригнали кочи, воеводы повели себя задиристо. Отличался своей неукротимостью всегда подвыпивший Андрей Палицын. Жесток и самодур он был во хмелю, хотя в трезвом состоянии считался человеком мягким. Под иванов день пьяный Палицын приказал вести его купаться в Иртыш не иначе, как со знаменами, трубами и литаврами. А после этого слух пошел (видимо, не без участия Кокорева), что Палицын колдун, чернокнижник и еретик, раз нарушает христианские обы-

чаи. Выкидывал Палицын и пострашнее коленца. Однажды пришел он на берег, против которого стоял его коч. В пьяную голову пришла невеселая шутка: приказал своему племяннику Богдану схватить «свободного» человека Афоньку, свезти его на судно и с носа сбросить «до смерти» в реку. В холодной воде бедняга случайно не утонул; выбиваясь из сил, приплыл он на соседнее судно, где добрые люди переодели и обогрели его. В другой раз приказал воевода привести к себе служилого человека Семена Шахлина и, когда тот явился на воеводский двор, высыпал на стол сырые грибы и приказал их все съесть. За отказ от странного угощения велел надеть ему на горло веревку и волочить под коч. Не лучше вел себя и Кокорев: пил и буйствовал в питейных домах сибирской столицы.

В середине мая большой караван, в котором находились 50 тобольских стрельцов и казаков, воеводы и их семьи, а также 310 торговых и промышленных людей, отвалил от тобольской пристани и направился в Березов. Многие тобольчане вздохнули с облегчением, но подумали, что при таких воеводах не быть добру в Мангазее.

В Березове на воеводский прием Григорий Кокорев прибыл не в обычной своей парадной одежде, а разодетый по посольскому обычаю, как это делалось, когда Москва принимала великих послов. Позднее Андрей Палицын написал, что на Григории был кафтан с ожерельем, сверх того «охабень объяренный», «шапка горлатая лисья», «алмазы низаны и ожерелье пристяжное и отложное низано». Вел он себя на этом приеме важно, точно думный боярин или царский родственник. Подивились березовские воеводы Григорию Кокореву.

Лето 1629 г. выдалось хорошее и плавание по Обской губе прошло удачно. В июле кочи вошли в Обскую губу и только под Черными горами, где всегда мореходов встречал ветер, сделали остановку. Во время прогулки по берегу Кокорев обнаружил черный крест на могиле какого-то неизвестного морехода, погибшего в бурях Мангазейского моря. Очевидно, крест этот связывался с какими-то ритуальными обычаями, потому что Кокорев приказал священнику отпеть здесь молебен, а затем поставить икону «к кресту для утишения волн». На этот молебен он пригласил и Палицына, но тот с судна не сошел. А как только Кокорев удалился, он собрал стрельцов, подошел к кресту

и «учал с людьми своими скакать и бороться и из пищали стрелять».

Отправляясь в Сибирь, Данила Наумов читал в Сибирском приказе большое объемистое сыскное дело о мангазейских воеводах и еще тогда обратил внимание на пагубные последствия воеводской ссоры.

30 августа весь караван прибыл в Мангазею. По этому случаю звонили в колокола и стреляли из пищалей холостыми зарядами. У Спасских ворот Кокорева и Палицына встретили воеводы Тимофей Бабарыкин и Поликарп Полтев со священниками и стрельцами.

Леонтий Плехан завел свой коч, как и прежде, в реку Осетровку, сгрузил товары на берег, оставил сторожить сына Ивана, а с Климентием ушел в город. Не узнал Леонтий Мангазею. Расстроилась и похорошела она несказанно. Вместо старого острога, обнесенного тыном, стоял красивый пятибашенный кремль. К южной стене примыкал большой гостиный двор, на улицах гудел и шумел разбитной промышленный и ремесленный люд. Все было не так, но к лучшему. Отыскал Леонтий свою старую избу, оказавшуюся теперь на задворках, а вскоре и переехал туда жить. Через два дня он привез товары на гостиный двор, сложил их в амбары.

А по городу уже ходил слух о том, что новые воеводы рассорились. Вскоре этот слух подтвердился. Вражда зашла так далеко, что Палицын отказался жить под одной крышей с Кокоревым, съехал на посад и заставил торговых и промышленных людей рубить ему новое жилье неподалеку от церкви Успенья. Кокорев развернулся еще шире. Терема его сверкали великолепием — всюду бросалась в глаза роскошь. Решил он завести порядки московского царского двора. Поэтому все, кто обслуживал воеводу, стали называться не денщиками, как раньше, а дворецкими. «Холопей своих,— писал Палицын,— зовет иного дворецким, иных стольники, и то он и сын его говорили при всяких людях беззазорно; а велит дворецкому восходить с кушанием, а иных холопей называет стольники..., а сами те холопы, которые у него учинены в стольниках, друг друга кто кликал: «Стольники! Выходите с кушанием», а которые люди ходят с ним в мыльню называют мовники.» Во время шествия Кокорева в соборную Троицкую церковь перед ним, как перед царем, несли меч и шли его люди с пищалами и саблями. Не менее торжественно

обставлялся выход в баню. Тогда его сопровождали «мовники», а духовенство являлось на прием. В мыльне устраивались приемы всякого рода людей. Присутствующие били ему челом и провозглашали здравицу.

Не менее важно вела себя жена воеводы — Мария Семеновна, имевшая, как рассказывали очевидцы, громадную власть над своим мужем. Все, что злого сделал Григорий Кокорев в Мангазее, приписывали ей: «по наущению жены Марьи, и государевых людей велит побивать Григорию жена его Марья». Такая власть объяснялась в народе тем, что «приворожила» она к себе мужа каким-то «кореньем и веничным листьем, которым парятся в мыльне». Поп Степан Сосна сказал про воеводскую жену так: «что де захочет, то и делает, хотя от виселицы обоймет». По приезду в Мангазею приказала она построить светелку напротив съезжей избы, «окно в окно». Эту светелку и дорогу к ней хорошо знали женщины всего города. Стояли под окнами каждодневно матери и жены бедных людей, которым «от печалования заступнице дать нечего». Порядок был строгий: если женщина не приносила подарка Марье Семеновне, ее просто не пускали в светелку на прием. Стояли горемычные женщины часов пять в снегу и на морозе, но все равно приходилось мужьям их уплатить все, чем обложил воевода, или садиться в тюрьму. Мангазейские жители видели в ней жестокую и корыстную дворянку. Она не прочь была через подставных лиц торговать вином на городском базаре, часто сама избивала батогами непослушных. Свою половину в воеводском дворе Кокорева устроила тоже по образцу московского дворца. Все у нее ходили в «чинах», строго соблюдался церемониал. Когда она отправлялась в мыльню, «и в те поры всем мужним женам и вдовам велит с посаду приходиться перед мыльню челом ударить и здоровати». Любила она парадные приемы. Всенощные устраивались в ее горнице и туда приглашались именитые купцы, торговые головы и другие важные лица.

Совсем по-иному жил на посаде двор младшего воеводы. Здесь часто кутили торговые и посадские люди, а сам воевода, подвыпив, вел душещипательные разговоры. Несмотря на пьяную заносчивость, в трезвом состоянии держал себя Палицын с людьми просто, помнил, что он из мелкопоместной семьи. Знался с простыми людьми. В годы «смуты» он верховодил отрядом крестьян Новгород-

ского уезда. Легко находил общий язык и с посадскими, и с именитыми торговыми людьми. Не случайно на его стороне оказались затем и посадские и промышленные люди. Но был Палицын мнительным и по природе своей кляузником. Знавшие его свидетельствовали, что его подозрительность была безгранична. Он следил за каждым словом своего врага. Собирал факты, придавая им своеобразное освещение. Доводы приводил оригинальные, но не убедительные. Свое перо талантливого писателя и незаурядного публициста он посвятил в общем-то ложной идее. Он хотел доказать на основе отрывочных фраз и случайных выражений, исходивших главным образом от сторонников Кокорева, «измену» старшего воеводы царю. Он обвинял Кокорева в том, что тот хотел «завладеть Туруханом и всею Мангазейскою землею» и «воровским царем называтца и государеву казну выграбить и выпустошить», привести ее в «вечное запустение, а самому ему, Гришке, с его советники проиниматца на большое окян-море к немецким краем». Доказательств столь серьезных обвинений у Палицына совсем не было, если не считать того, что Кокорев действительно жил в Мангазее на широкую ногу. Мысль назвать Кокорева новым самозванцем, Гришкой Отрепьевым, возникла у Палицына, когда услышал он, как десятилетний сын Кокорева — Иван сказал однажды при людях, что его отец хотя «дворянин обышний», но «государю брат».

В Москву полетел донос, которому вряд ли поверили в Сибирском приказе. «Подозрение в грехопадении» Кокорева укрепилось у Палицына, когда за столом у старшего воеводы в присутствии торговых людей один подвыпивший сторонник Кокорева — мезенец Мотыка Кирилов, поспорив с другим торговым человеком, сказал, что «жалует де нас царь Григорий Иванович». Правда, никто не обратил внимания на пьяные речи, а Кокорев, услышав их, приказал выбросить пьяницу из-за стола, но Палицын принял это к сведению и снова настроил донос.

Любопытно, что среди многочисленных обвинений Палицына есть упоминание о Мангазейском морском ходе. Оно приведено в связи с тем, что Кокорев якобы этим «заповедным путем» собирался пройти в «немецкую землю». Но еще любопытнее то, что в этом же самом «грехе» в свою очередь Кокорев обвинил Палицына: «А буде он, Андрюшка Палицын, пойдет к Руси мимо Мангазейский

город, и вам то знать, что, своровав ему, Андрюшке, таким воровством идти без государеву указу к Руси нельзя, чаёт, что пойдет он, Андрюшка, Обским устьем в Большое море, потому что наперед того черкашенин (ссылный поляк) Олешка Шафран рассказывал мне многожды, что де Обским устьем пройти в Большое море и Большим морем в Литву и в немцы можно». В этих взаимных обвинениях легко угадывались воспоминания о Мангазейском морском ходе. Спустя два года, уже в Москве, Палицын снова донес на Кокорева и обвинил его в том, что на обратном пути из Мангазеи в Березов он хотел пройти по заповедной дороге, Мангазейским морем, за границу. Если верить Палицыну и тем, кто был опрошен в Казанском приказе по указанию царя и патриарха Филарета, Кокорев действительно в 1632 г. отклонился от обычного маршрута и направил свой коч в северную часть Обской губы. «И ходил де он, Григорей, по Мангазейскому морю, а водил его тот ево воровской называтель Мотька Кирилов неугожею дорогою, перебежал на другую сторону Мангазейского моря, ниже Зеленой реки был, и не пропустили де его, Григория, мели. И то, государи, знатно, что он, Григорий, по своему воровскому умыслу пробивался х Ниярземскому морю и х Карской губе, и х большой окиянской проливе.» Неудачу этого похода Палицын объяснил тем, что Матвей Кирилов «в такой безмерной широкой пучине не узнал свои воровские дороги». Примечательно, что в Москве на этот донос Палицына обратили внимание и учинили строгий допрос всем, кто возвращался с Кокоревым из Мангазеи в Березов. Опрошенные мореходы, в общем, подтвердили попытку Кокорева совершить плавание по Северному Ледовитому океану.

Ссора двух воевод вспыхнула осенью и переросла в открытую вражду в зимние месяцы 1629-30 г. В воеводской смуте принял участие весь мангазейский мир, все, кто был тогда в городе и в Туруханском зимовье. Она продолжалась в 1630 и в 1631 гг. В истории сибирских городов XVII в. это, пожалуй, единственный в своем роде случай, последствия которого сыграли роковую роль в судьбе целого города.

Поводом к открытому выступлению явилось незначительное по тому времени событие. У таможенного головы Тимофея Бармина во время ночного обыска было обнаружено привезенное из Тобольска вино, принадлежащее

Палицыну. Вообще-то казна запрещала брать в сибирские города вино и торговать им, но в любом из городов Сибири имелись питейные дома и вино продавалось направо и налево. К тому же Кокорев вел себя во время обыска грубо и поступил с Барминым, сторонником Палицына, жестоко: он стащил его с постели и избил дубиной, «на земле велел держати четверем человекам, изломал четыре остопа, руки и ноги обломал. И лежал я,— писал Бармин,— по всю зиму только жив». Расправа с близким ему человеком явилась причиной отказа Палицына исполнять свою должность. Он запретил подьячим писать свое имя и прикладывать свою печать к наказным памятям, выдаваемым приказчикам ясачных зимовий, и к проезжим грамотам. Стал вершить воеводский суд и расправу у себя во дворе. Он сказался больным (действительно, был он болезненным человеком, страдал припадками) и не желал ходить в съезжую избу. Кокорев жаловался, что Палицын и в те редкие часы, когда приходил в съезжую избу, ведомый под руки, всегда отговаривался, что «рука отнялась», «а повсегда, государь, пьян». Сам же Палицын писал, что «ныне брожу о двух посохах, только чуть жив, и на всякой месяц та же порча повторяется, подвожды лежу присмерти». Иногда младшего воеводу во время приступа выносили замертво со двора Кокорева. Недомогания сделали его раздражительным и мнительным, что еще более осложняло отношения с Кокоревым. Из-за вражды воевод расстроилось все делопроизводство мангазейской съезжей избы. Дела оставались нерешенными по месяцам. Все это заставило торговых и промышленных людей написать царю жалобу на воевод: «...твоих государевых дел в съезжей избе вместе при нас не дельвали, а промеж собою учинилась у них брань и великая вражда, и нам... они друг на друга являют твои государевы великие дела и называют друг друга изменниками». Осенью 1629 г. Мангазея разбилась на два лагеря. Гарнизон города перешел на сторону старшего воеводы как главного военачальника. От Кокорева к Палицыну переметнулись служившие в гарнизоне выходцы из Литвы и Польши, сосланные в Сибирь в разные годы. Им больше нравился Палицын, не только знавший польский язык, но и снисходительно относившийся к ссыльным иностранцам.

На сторону младшего воеводы перешли посадские, торговые и промышленные люди. Исключение составили не-

сколько крупных торговцев. Приказчики царских гостей занимали нейтральную позицию. Переход посада на сторону младшего воеводы можно объяснить желанием оказать сопротивление своеволию мангазейских воевод вообще. В лице Кокорева они видели типичного представителя этих воевод. Нельзя в то же время считать Палицына вождем низов, так как обращался он к посаду из чисто личных (враждебных Кокореву) побуждений. Его «бунт» против старшего воеводы не носил характера восстания против существующих порядков.

События разворачивались быстро. В июле из Мангазеи на Русь возвращался побывавший в Якутском уезде Самсон Навацкий. На его коче уходили также тобольские стрельцы и казаки, отслужившие свой срок. Этой оказией решил воспользоваться Палицын и отослать в Тобольск и Москву отписку об «измене» Григория Кокорева. В составлении ее большую роль играл поп Степан Борисов, духовник младшего воеводы. Палицын добился освобождения попа из тюрьмы, куда его посадил Кокорев за ложный донос. За одну ночь Борисов составил на Кокорева от имени всего мангазейского мира челобитную и взялся сам свезти ее в Москву. Тайно его переправили на судно Навацкого. Кокорев об этом узнал, когда коч ушел из Мангазеи. Сначала Кокорев растерялся, но затем решил отомстить младшему воеводе, тем более что к этому представился случай. 22 августа 1630 г. из Тобольска прибыл новый мангазейский караван из 28 кочей. Кстати, в караване было 345 торговых и промышленных людей. Из Тобольска приехали племянник Палицына Лев Неелов и двоюродный брат Игнатий Палицын. Подозревая, что они здесь не с пустыми руками, Кокорев лично прибыл на «государев коч» и приказал осмотреть его под предлогом поисков «заповедных товаров». Однако Игнатий Палицын отказал старшему воеводе в обыске и силой пытался удалить стрельцов. На коче, а затем и на пристани возникла вооруженная стычка, в результате которой имелись раненные с обеих сторон. В конце концов Кокореву удалось захватить коч, «рассечь палубы» и извлечь из трюмов запрещенное вино. Узнав об этом, младший воевода приступил к вооружению посада. По городу он ходил не иначе, как с отрядом наемников из числа гулящих людей. Кокорев в свою очередь приказал запереть городские ворота и не пускать Палицына даже в церковь на богослужение. Намеревался

он угрожать посадку и со стороны реки. Для этого он установил на «государевых кочах» затинные пушки и «хотел,— писал Палицын,— пойти вверх по Тазу выше посадку и стать на якорях и хочет по посадку с кочей стрелять».

Зимой 1630-31 г. вражда еще больше обострилась. 27 декабря Палицын собрал в Успенской церкви сходку Мангазейской общины и при всем народе объявил Григория Кокорева государевым изменником. Пока шла сходка, Кокореву донесли об этом, и он приказал занять Успенскую башню, чтобы расстрелять бунтовщиков.

Открытое выступление Палицына с обвинением Кокорева в измене подлило масла в огонь. Посадские и промышленные люди, в их числе был и Леонтий Плехан, только что вернувшийся с Енисея, куда он ездил на соболиную охоту, поднялись против старшего воеводы, действиями которого они давно были недовольны. Гнев прорвался наружу. «Мир» решил восстановить порядок в городе и покончить с воеводской распрей. От лица всех была составлена челобитная царю с перечислением «измен» Кокорева и с просьбой передать управление Мангазеей в руки Палицына, немедленно заявившего о своем согласии исполнить желание посада. В ответ на это дерзкое решение «мира» Кокорев привел к присяге гарнизон, верных ему торговых и промышленных людей и сел в осаду. В городских крепостных башнях и в стенах были вырублены дополнительные бойницы и поставлены пушки, а Спасские ворота закрыты, они охранялись усиленным нарядом стрельцов. Однако Кокорев скоро и сам понял, что хватил через край и что следовало поискать выхода. Поэтому 27 февраля он созвал на посаде на гостином дворе всех жителей Мангазеи с намерением договориться обо всем. Однако вышел он из крепости, окруженный стрельцами, и на гостиный двор идти не захотел, а стал перед городской стеной. Известно, дал ли кто команду открыть пальбу с городских башен по посадку, но выстрелы последовали. Это вызвало немедленную реакцию противной стороны. Промышленные и посадские люди, руководимые племянниками Палицына, бросились на штурм крепости, но взять ее, конечно, не смогли. Зато они окружили город со всех сторон и держали его в осаде несколько месяцев. Под городскими стенами выросли «остроги», стояли караулы, все дороги к городу были «перехвачены». Таким образом, гарнизон, насчитывавший сто человек, оказался в полной

изоляции. В город не пропускали продукты, не позволяли возить дрова. От недоедания и отсутствия свежей пищи в осажденном лагере началась цинга, унесшая 10 жизней. Однако и посад пострадал. Почти ежедневно его обстреливали из крепостных пушек и половину домов разрушили. Не помогли и подкрепления, прибывшие из Туруханского зимовья во главе с поляком Павлом Хмелевским. К маю у осаждающих иссякли порох и свинец. Они уже не могли отвечать на артиллерийский огонь и вылазки из крепости. Тогда Палицын приказал отступить на Енисейский волок, где к этому времени поставил службы взамен мангазейских — таможенную, съезжую избу. Он даже снаряжал отряды служилых людей в ясачные зимовья и собирал ясак. По существу, в эти месяцы Мангазея перестала быть центром уезда, переместившимся на Енисейский волок.

После ссоры и разгрома посада в городе едва теплилась жизнь, хотя потери были незначительные: убито 12 человек, ранено 4 стрельца.

Сведения о мангазейской смуте поступили в Тобольск летом 1631 г. Там решили, что во всем виноват Андрей Палицын: он зачинщик «мужицкого воровства». Поэтому в Мангазею послали небольшой отряд стрельцов с приказом схватить и доставить Палицына в Тобольск. Младший воевода, однако, отвел обвинения и не послушался, продолжая сидеть на Енисейском волоке, и только после окончания сбора ясака двинулся в Тобольск. Шел он в караване торговых людей. Рассказывали, что на коче, кроме соболиной казны, вез Палицын как доказательства ядра от крепостных пушек, которыми Кокорев стрелял по посаду. В июле его коч прошел мимо Мангазеи, никем не остановленный. Как ни странно, в Тобольске Палицына также не решились задержать. А в Москве отделался он непродолжительным домашним арестом. Во время ареста, употребив все свое красноречие и недюжинные дипломатические способности, добился нового назначения на воеводство. Умер Палицын в начале 40-х гг. уже в преклонном возрасте.

Кокорев продолжал управлять Мангазеей еще целый год, ожидая прибытия новых воевод. О его плавании по Обской губе упоминалось. Он также не подвергся наказанию. Царский двор довольно легко убедился в том, что наветы Палицына в сущности являлись плодом его домыслов, что Кокорев не мог выступить против царского дома,

и если он хотел действительно уйти из Мангазеи по морю-океану, то не по злему умыслу, а «из боязни царского гнева». Вскоре его назначили воеводой в город Чугуев.

Для самой Мангазеи воеводская смута значила очень много. Она вскрыла отрицательные стороны порядков, установившихся с приходом на Таз первых воевод. Эти порядки были неприемлемы потому, что тормозили развитие жизненно важных для северных районов Сибири торговых и пушных промыслов. Когда-то притягивавшая к себе толпы промышленного люда Мангазея после воеводской смуты стала клониться к упадку, долгое время оставаясь транзитным пунктом, который к тому же при удобном случае обходили, пользуясь южными путями — дорогой от Тобольска на Маковский острог и дальше на Енисей. Показательным в этом отношении является запустение мангазейского посада, который так и не отстроился вновь после воеводской смуты.

Сами мангазейские власти вынуждены были засвидетельствовать через 10 лет, что в городе наступило полное затишье в торговле и что «как был бой меж воевод... только на том гостином дворе от их воеводского пустошения осталось четыре лавченка, да и те, государь, иссечены и стоят оне пусты, а торговые и промышленные люди с своими рускими товары и с хлебными запасы стоят по онбарам и по избам у мангазейских стрельцов».

Вместе с тем нельзя сказать, что Мангазея совсем перестала играть какую-нибудь роль на торговых путях Сибири, она по-прежнему снаряжала походы в «новые земли».

Принявший сторону Палицына, Леонтий Плехан после осады, в которой принял участие и был ранен, уехал в Туруханское зимовье, решив перевести свои торги поближе к реке Нижней Тунгуске — главной промышленной артерии Мангазейского уезда. Через три года он в последний раз посетил Мангазею и на коче благополучно прибыл в Березов. Поздней осенью он через Камень перебрался в Усть-Цильму и оттуда прибыл в свою родную Усть-Пинегу. Мангазейское, точнее, туруханское дело, которому он отдал тридцать с лишним лет, продолжали его сыновья — Климентий и Иван Плехановы.

ТАРАКАНЫ ПОЛЗУТ ИЗ ГОРОДА

Однажды, в вечерние часы, когда воевода Данила Наумов вышел на осмотр строящейся башни Туруханского города, встретил его подьячий съезжей избы и передал связку архивных дел. Он сказал, что в них есть интересные сведения об истории Мангазеи. Поэтому сразу по возвращении домой Наумов принялся за чтение.

Вначале в свитке нового ничего не оказалось. Документы мангазейской таможни и съезжей избы подтверждали то, в чем он убедился и раньше. Уходила жизнь из Мангазеи, и, как ни препятствовали тому царские власти, увядала Мангазея год от года. Но дальше встретились важные сообщения, имевшие прямое отношение к истории города.

В знойное лето 1642 г. в Мангазее разразился грандиозный пожар. За десять верст видно было, как горел город. Выгорел он почти весь. Сгорели воеводский двор, государев амбар, съезжая изба, часть крепостной стены. Многие полуобгоревшие, но не до конца погашенные постройки пришлось разломать из опасения новой вспышки

пожара. Сибирский приказ требовал от мангазейских воевод восстановления города, не понимая, что сделать это уже невозможно. Люди постепенно покидали Мангазею. В челобитной, которую послали мангазейские служилые люди царю, говорилось почти о бедственном их положении.

«Нам, холопям, твоим,— писали они,— порченных, разломанных и разрытых мест Мангазейского города и острог ставить на горелом месте, съезжую избу, воеводский двор и государевы амбары делать нечем: да в Мангазее служилых людишек всего 94 человека, да из них 70 человек посылаются на государевы годовые, двухгодовые и трехгодовые службы по ясачным зимовьям и с ясаком в Москву, 10 человек сидят в тюрьме и остается в Мангазее для береженья государевой казны 14 человек... На... службы поднимались, должая великими долгами, дети и жены наши, живучи в Мангазейском городе, терпят голод, а теперь и должаться не у кого, потому что город запустел...»

Ослабление мангазейского гарнизона было вызвано, во-первых, исчезновением соболя в бассейне реки Таз, в старых промысловых районах, что вынуждало стрельцов и казаков пускаться в далекие и долгие походы на поиски «новых земель» — на Таймыр и в верховья Нижней Тунгуски; во-вторых, выступлениями самоедских и тунгусских племен против служилых отрядов, что заставило усилить гарнизоны в старых зимовьях. Так или иначе Мангазея как крепость ослабла и, естественно, это делало ее весьма уязвимой. В таких условиях и произошел пожар 1642 г.

Тазовское население из уст в уста передавало рассказ о нападении местных племен на крепость. Согласно этому рассказу выходило, что в первые годы после построения Мангазейского города местные племена жили с русскими в дружбе; исправно платили ясак, а казаки их не трогали. Но затем год от года царские воеводы повышали налоги, а соболя становилось все меньше и меньше. Стрельцы стали отбирать оленей или занимались грабежами юрт кетов, юраков, хандаяров и самоедов. Вот тогда и созрел план нападения на Мангазею. Главой восстания стал кетский богатырь по имени Черемуховое Дерево. Собрав сходку, он якобы сказал так: «Вы теперь к себе поезжайте, людям своим скажите, пусть они железо и медь покупают,

стрелы, ножи, пальмы¹ пусть делают. Все кузнецы пусть оружие делают. Весна настанет, тогда соберемся». Весной снова собрались старейшины, и Черемуховое Дерево сказал им: «Тепло как станет, все в Мангазею поедем, когда там торг будет. Жаркий день как случится, несколько человек тогда в город поедут, будто тиски² и ветлипы³ продавать. Как знак подадим, так они и город зажгут».

В назначенный срок собрались племена вокруг города, что, очевидно, не вызвало подозрения, так как являлось обычным делом. Никто из стрельцов не обратил внимания также и на то, как от юрт отделилась и вошла в город большая группа самоедов и юраков. Они появились на гостинном дворе, в крепости, на посаде, разложили как бы на продажу свои товары — полотнища из бересты, мягкие таловые стружки и другие горючие материалы и стали ждать. Знак к поджогу был подан посланной из-за города стрелой. Пожар охватил город сразу с нескольких сторон, что затрудняло борьбу с ним. Тем временем в город ворвались вооруженные отряды самоедов и юраков, сотни стрел полетели в сторону тушивших пожар. В городе началась паника.

Ничего необычного не находил в этой легенде Данила Наумов. Более того, она показалась ему вполне правдоподобной. Узнал он также от старых промышленных людей, живших в Туруханске, что, когда горела Мангазея, из города в тундру ползли полчища тараканов, спасаясь от огня. Он не поверил бы этому, если бы собственными глазами не прочитал отписку Матвея Бахтиярова царю Михаилу Федоровичу о пожаре города. Бахтияров писал: «Волею божею, государь, половина города выгорела до тла, а из остальной половины ползут тараканы в поле. И видно быть и на той половине гневу божию, и долго ль коротко ли и той половине горети, что и от старых людей примечено».

После пожара 1642 г. Мангазея никогда больше не отстраивалась в своем прежнем виде. Ее великолепие, ее красота не вернулись в ее стены, на ее улицы, в храмы,

---

¹ Пальма — тяжелое однолезное оружие.

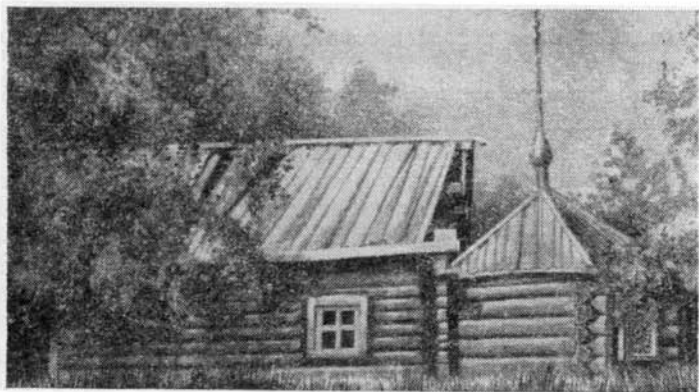
² Тиска — полотнище из двух-трех слоев очищенной и проваренной для эластичности бересты.

³ Ветлип — тонкие сухие таловые стружки, употребляемые на Севере в качестве полотенец, для вытирания посуды и т. п.

терема. Мангазея осталась такой, какой ее увидел Данила Наумов.

Старшие воеводы Сибири сделали, кажется, все, чтобы спасти престиж города. К проведению этих «спасательных» мер было привлечено местное духовенство. По мысли «духовных отцов» Сибири и прежде всего архиепископа тобольского Симеона, Мангазея должна была иметь своего святого, покровителя и заступника звероловов-промышленников. Это могло бы, по их убеждению, поднять славу Мангазеи как «прочностоятельного» города. Такой святой действительно вскоре появился, конечно, с помощью искусно подстроенного чуда — явления чудотворца Василия (Убиенного) Мангазейского. Василий-чудотворец стал местным церковным патроном. История церковного чуда читалась с интересом и имела прямое отношение к последствиям пожара 1642 г.

Рассказывали, что однажды, вскоре после пожара, «в месте топком и грязном», через которое издавна проходили по доске, соединявшей съезжую избу и соборную церковь Троицы, «вышел гроб из земли... и тое де доску гробом переломило». В начале 50-х гг. по распоряжению воеводы Игнатия Корсакова торчащий из земли гроб, к тому же бывший на виду у всех, обнесли оградой, чтобы «да не приближатся к ней зверие и скоты». С того времени стали распространяться слухи, что в гробу захоронены мощи мангазейского чудотворца. Эти слухи проникли в самые глухие уголки Сибири, и на поклон к новому святому стали стекаться всякого рода увечные и больные люди в надежде на исцеление. Вокруг «святого» создавался религиозный культ. Десятки промышленников, возвращавшихся через Мангазею с Лены и с других отдаленных мест, шли жертвовать чудотворцу соболей и немалые суммы денег, которых оказалось достаточно, чтобы соорудить над гробом часовню, поставить в ней иконы и нанять священника. Год от года разыгрывалась благочестивая фантазия. Наконец в дело вмешался тобольский архиепископ Симеон, который своей властью решил канонизировать «святого», и с этой целью он послал в Мангазею попа Ивана Семенова. В присутствии последнего гроб вскрыли. В нем оказались кости юноши лет 15—16, одетого в простую одежду и обувь. Установить его имя и происхождение было нетрудно. Через год десятки людей рассказывали «точную» историю мученичества чудотворца.

Часовня Василия Мангазейского на реке Таз (фото И. Н. Шухова. 1915 г.).

Большинство все же сходилось на том, что это был простолюдин, работный человек одного мангазейского богача. Он служил в его лавке, и хозяин мучил его жестоко. Во время одного из приступов бешенства хозяин ударил юношу связкой ключей в висок и убил. Случилось это в годы воеводства князя Мосальского и Савлука Пушкина. Называли и имя юноши — Василий Федоров. Неизвестно, существовал ли Василий Федоров в действительности и произошел ли с ним подобный роковой случай, но это было неважно. Важно было другое: легенду о мученике и чудотворце официально признала церковь. С этого времени Мангазея «приобрела» своего «святого» — Василия Мангазейского. Но и он не спас город от запустения.

Отцам церкви пришлось отступить от затеи укрепить славу и могущество Мангазеи с помощью подстроенного чуда. А мощи Василия Убиенного перенесли в другое, более модное место, в Троицкий Туруханский монастырь, основанный в 1660 г. На это решился черный поп Тихон, библиотекой которого пользовался Данила Наумов. «В Мангазее дерзновением своим,— писали впоследствии об этом,— и не отписався к нему, митрополиту, гроб ночью порою в часовне вскрыл и мощи, которые называют Мангазейского чудотворца, смотрел и в новый гроб переложил и в Мангазее в соборную церковь из часовни со звоном перенес и молебствовал и из Мангазеи перевез на

Турухан в Троицкий монастырь и поставил в церкви в монастыре, где он, Тихон, служит, по правую сторону царских дверей.» Характерно, что события эти разыгрались незадолго до того, как Мангазея была покинута жителями.

Не дало желаемых результатов и укрепление Мангазеи как административного центра воеводства. На протяжении 30—60-х гг. XVII в. тобольские и центральные власти, вопреки здравому смыслу, продолжали сосредоточивать в городе управление всеми зимовьями, большая часть которых находилась к востоку от Енисея. Удобнее и полезнее было бы расположить его если не в Туруханском остроге, то поблизости от него, так как основной торговый и промышленный люд направлялся в эти годы по Нижней Тунгуске на реку Лену. В старых же районах Мангазейского уезда соболь был выбит, пушные промыслы передвинулись на восток. Об этом писали в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу промышленные люди Мангазеи еще в 1627 г. Они сообщали, что около Мангазейского города, Туруханского зимовья, вверх по Енисею и по Нижней Тунгуске соболи и бобры «опромышлялись». Через семь лет они повторили свою жалобу, заявив, что во всех старых «землицах» «живет беспромыслица».

О переводе управления Мангазейским уездом в Туруханское зимовье первый написал воевода Григорий Орлов. В 1634 г. он вынужден был даже оставить на время город и поселиться на Турухане, откуда ему удобнее было руководить всеми делами. Просьбу переместить резиденцию воеводы в Туруханское зимовье посылал в Москву в 1640 г. и воевода Никита Борятинский. Воевода Петр Ухтомский также «сидел» в Туруханске, а в Мангазею приехал после «ярманки». В 60-х гг. в управлении Мангазей наступил кризис. Сибирскому приказу пришлось собрать в Москве бывших ранее в Мангазее воевод и спросить их мнение — нужно ли оставлять в городе «государевы службы». Ответ был единодушный: Мангазею следует покинуть, а воевод перевести на Енисей. Но и на это Сибирский приказ должным образом не отреагировал. Тогда мангазейский воевода Родион Павлов в 1668 г. своей властью приказал из-за «хлебной скудости» перевести на «вечное жилье» часть мангазейских казаков и стрельцов в Туруханское зимовье.

Свидетелем дальнейших событий в городе и уезде Наумов был сам. После отъезда Павлова послал новый воевода отписку в Сибирский приказ и просил разрешения «срубить» новый город. На этот раз ответ не задержался: царь разрешил оставить старую Мангазею и построить новую.

В связи с этим пришлось снова ехать в Мангазею. Редкое население, все еще остававшееся в городе, уже слышало о царском указе и приготовилось к отъезду. Случилось это в июльский, не по северу жаркий день 1672 г. С утра, забрав немудреный скарб, «жилецкие люди» — кузнецы, сапожники, скорняки, шорники, калачники, пивовары и другие ремесленных дел мастера — в паузках отплыли на Турухан. В городе остались заколоченные наглухо ставни некогда оживленных государевых служб, забитые двери торговых амбаров, покосившиеся избы, разбросанные по улицам остатки ненужной домашней утвари. С двумя стрельцами из города выехал и Наумов. Издали видел он над Мангазеей стаи встревоженных птиц, поднявшихся над колокольнями и куполами церквей, над полуобгоревшими крепостными башнями и притихшей рекой. И снова подумалось и помечталось: нет не умрет Мангазея в веках, многое, очень многое связано с этим городом у русского народа. Всегда останется жить она в народной памяти величественной и гордой, высоко вознесшейся «над Тазом рекой», а затем погибшей, как легендарный град Китеж.

Окончательный итог своих «исторических занятий» Данила подвел, вернувшись из поездки в Мангазею. В истории ее он отметил несколько этапов. За семьдесят два года она знала расцвет и падение. В ней сталкивались противоборствующие силы, от нее исходило насилие над массой обложенного ясаком местного населения и угнетение русских промышленников. Но вместе с тем рождалась в Мангазее и смелые планы открытия новых «землиц», новых путей в «море-окияне».

Расцвет торговли и промыслов, подъем самой Мангазеи как города, построенного руками умельцев, сопровождался бурным развитием народного мореплавания через Ямальский волок.

Именно об этом времени было написано: «В прошлые годы ходили в Мангазею из поморских городов многие кочи».

Второй этап приходится на первые десять лет после за-
прещения Мангазейского морского хода. Это подъем про-
мыслов и торговли за пределами тазовских районов — на
Нижней Тунгуске и в верховьях Енисея. Это и господство
на пушных рынках и промыслы именитых царских гостей
при участии крупных торговцев и «капиталистских» поме-
щиков.

Воеводская смута положила начало закату Мангазеи
как торгово-промышленного центра на севере Сибири, а по-
жар 1642 г. открыл собою целую полосу ее увядания.

НОВАЯ МАНГАЗЕЯ

Вход населения из города Мангазеи не означал, что история Мангазейского уезда кончилась. Именно Даниле Наумову, изучившему ее по документам, принадлежит заслуга строительства нового города — Новой Мангазеи. В 1670 г., явившись в Туруханское зимовье и добившись перевода туда воеводского управления, он понял, что превращение зимовья в город неизбежно. Созданное еще воеводами Жеребцовым и Давыдовым Туруханское зимовье, а не старая Мангазея, в его время играло главную роль в освоении севера Енисейского края. Да и само зимовье по существу превратилось в острог. Укреплено оно было тыном, деревянными надолбами, по углам тына стояли башни. В 20-х гг. там имелись съезжая изба, церковь Николы, посад, собиралась крупная ярмарка. С наплывом торгово-промышленного люда в конце 20-х гг., когда начался новый этап продвижения «встречь солнцу» в направлении бассейна реки Лены, Туруханское зимовье стало признанным торговым центром на Енисее. Вместе с Мангазеей оно все чаще и чаще снаряжало экспедиции на Таймыр и в междуречье Енисея и Лены. Именно

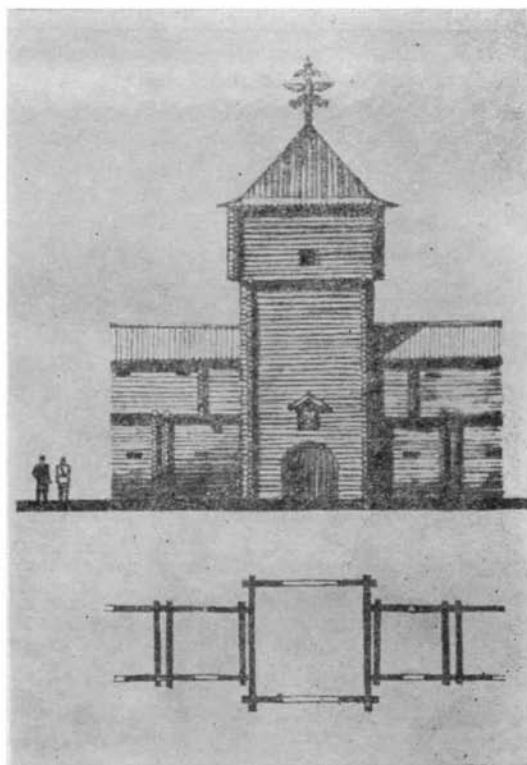

с Туруханского зимовья летом 1613 г. началось продвижение служилого люда в низовья Енисея и на его правые притоки. Казаки побывали на реке Курейке, а затем с ее верховьев через горы перебрались на реку Котуй, где обьясачили род Котой. К 1615 г. казаки продвинулись так далеко на Таймыр, что решили срубить ясачное зимовье в районе Пясинского (Тидирисского) озера. Трудно было пробираться речными путями на Пясино, поэтому решили установить морскую связь между реками Енисей и Пясино. Плавание по этому пути было осуществлено в 1610 г. двинскими мореходами Кондратием Курочкиным и Осипом Шепуновым. Но еще до них в Москве кто-то составил карту Обско-Енисейского Севера, которую в 1609 г. опубликовал в Амстердаме Исаак Масса. На этой карте четко показаны Енисейский залив и устье Пясины. К северу от них нарисован большой остров, открытый русскими мореходами до Курочкина и Шепунова, так как в «распросных речах», составленных при тобольском воеводе Иване Куракине, некий Пятко Максимов с товарищами при возвращении из Пясины видел этот остров. Мореходы заявили, что лежит остров от побережья «верстах петинадцати, а проехати к тому острову, выехав от Енисейского устья, коль живет полуденный ветер, мочно». Но не Пятко Максимов открыл остров (по всей вероятности, Диксон), потому что до него туда приезжали русские люди и видели на острове самоедов «нярьземского рода».

Судя по карте Исаака Массы, первое плавание на Пясино было совершено раньше Курочкина и Шепунова. В 1610 г. Курочкин и Шепунов на Пясино шли от Туруханского зимовья. Когда они вышли в низовья, то увидели, что устье Енисея «занесло из моря льдом, а лед давной, не о котором пору не изводитца». Пришлось в течение пяти недель ожидать изменения погоды. Когда задули южные ветры, «лед от устья в море... отнесло ветром однем днем». Плавание осуществлялось вдоль правого берега. Пясинского устья мореходы достигли за два дня.

В 20 и 30-х гг. началось освоение внутренних частей Таймырского полуострова. Отрывочные сведения свидетельствуют о большом наплыве торгово-промышленного и служилого люда в «Пясиду», как называлось в XVII в. огромное пространство в средней части Таймырского полуострова. Иногда в Пясинское зимовье прибывало до полуторы сотни всякого рода людей. В 1626 г. казаки

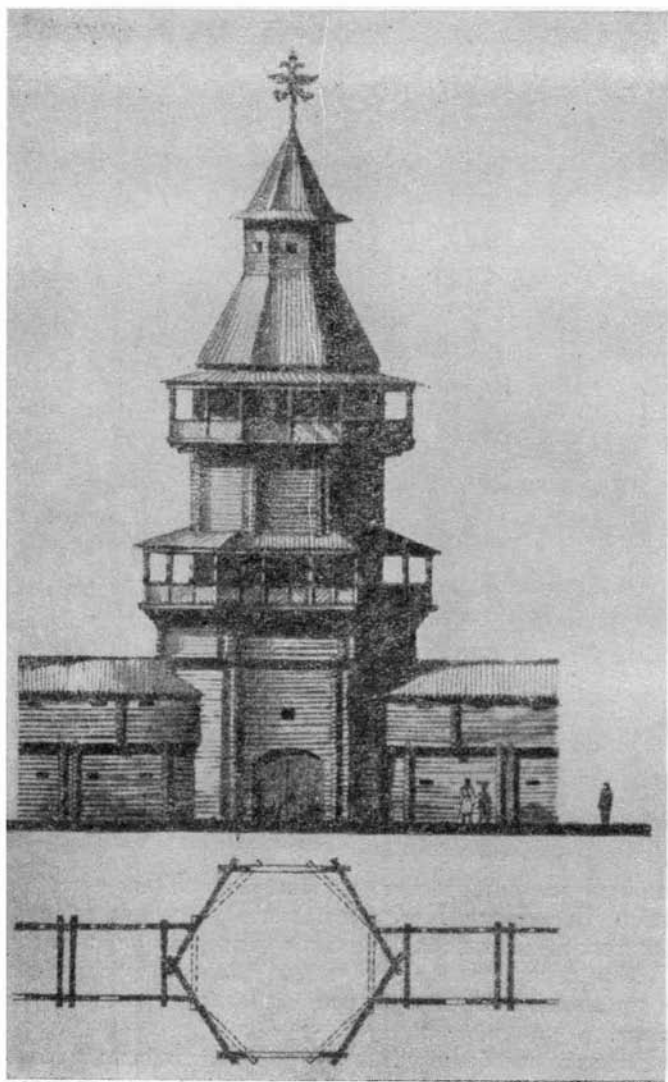

Башня Новой Мангазеи.

Чертеж макета В. И. Кочеданова. Публикуется с разрешения автора.

появились на северных притоках реки Хеты — на реках Новой и Волочанке. Позднее платить дань они принудили племя тавгов (нганасан), кочевья которого простирались до Таймырского озера. И таким образом русские впервые проникли во внутренние районы огромного полуострова.

И все же наиболее успешно русские отряды продвигались к востоку от реки Хеты. От Хатангского залива они шли двумя путями: один путь вел к озеру Ессей, где было построено зимовье и подчинены тунгусские роды, другой — на реку Анабар. В 1643 г. из Туруханского зимовья на Анабар направилась экспедиция во главе со

Башня Новой Мангазеи.

Чертеж макета В. И. Кочеданова. Публикуется с разрешения автора.

стрелецким сотником Василием Сычевым. Частично по рекам, а частично по морю Сычев добрался до устья Анабара, где срубил ясачное зимовье и собрал первый ясак. На смену ему в 1647 г. поехал Якунька Семенов, который в конце мая — начале июня на коче перешел через Хатангский залив. Таким образом, русские отряды, опираясь на Туруханское зимовье, совершили географическое открытие и Хатангско-Анабарского района. И как знать, возможно, плавали по реке Таймыре вплоть до моря.

В 20-х гг. начались частые походы торговых, промышленных и служилых людей из Туруханска по Нижней Тунгуске. Они дошли до ее истоков и затем, перевалив через горы, появились на реке Лене. Именно к этому времени относится поход мангазейского промышленника Никифора Пянды на среднее течение реки Лены. С Нижней Тунгуски русские перешли на якутские реки — Вилюй и Алдан. Скупые цифры туруханских таможенных дел свидетельствуют о росте притока торгово-промышленного люда в Туруханское зимовье. В 1626 г. отсюда отправились на соболиный промысел 501 человек, а в следующем году — 700. В 1634 г. в Туруханское зимовье пришли с промысла 683 человека. Количество людей, посещавших зимовье, продолжало увеличиваться и в следующие годы.

Все эти цифры и факты первый новомангазейский воевода сообщил Сибирскому приказу, ожидая решения о постройке нового города.

По мысли Наумова, новая Мангазея не только должна была заменить старую в части управления уездом, но и во многом походить на нее внешне. Одно время он хотел подыскать для нее место где-нибудь поближе к реке Енисей, так как Туруханское зимовье, расположенное в 28 верстах от нее, на берегу Никольской протоки реки Турухан, не отвечало всем требованиям. Протока эта подолгу не освобождалась ото льда, и начало навигации задерживалось. Однако вскоре выяснилось, что есть противники такого решения — посадские люди, не желавшие бросать насаженных мест. Пришлось согласиться с ними, так как именно с их помощью надеялся он создать новый город. И действительно, когда начались строительные работы, воевода выделил посадским людям участки, где возводились самые ответственные части крепости — башни и стены. Руководили всем строительством также посадские люди — Федор Осташев, Никола Савин и Борис Иванов.

12 июля 1672 г. в присутствии всех, кто был в это время в Туруханском зимовье, заложили город. По этому случаю служили молебен и звонили в колокола.

К осени городские стены длиной 150 саженей и угловые башни высотой 7 саженей были готовы. Пятая, проезжая башня, считавшаяся главной, создавалась позднее и по высоте превосходила остальные. Умелые руки народных мастеров создали в XVII в. великолепное произведение русского деревянного зодчества. На шестигранном основании главной башни высотой 12 саженей возвышались два яруса с обходными галереями. Последний ярус оканчивался смотровой надстройкой, над ней в свою очередь господствовало конусоугольное сооружение. На вершине башни было прикреплено изображение орла. В двойных городских стенах разместили амбары для хранения муки и соли. Внутри города находились воеводский двор, съезжая изба и другие постройки.

Строительство нового города стало главным занятием первого новомангазейского воеводы. Каждый год он укреплял его башни, строил новые службы, расширял гостинный двор. В условиях, когда соболиный промысел падал, он сделал все, чтобы поднять значение Мангазейского уезда. Шесть лет провел Данила Наумов в Туруханском крае, ему часто писали из Москвы. Узнал он, что умер отец, при смерти мать. Но царь Алексей Михайлович не желал возвращать в Москву способного дворянина, показавшего себя с наилучшей стороны.

Однако всему приходит конец. При новом царе Федоре Алексеевиче вспомнили о деятельном и толковом воеводе. В Новую Мангазею прибыл воевода Михаил Беклемишев, а Наумов вместе с семьей через Енисейск и Тобольск, старой сибирской дорогой, вернулся в Москву, где стал служить начальником стола Сибирского приказа.

ПО ЗАПРЕТНОМУ ПУТИ

В истории Сибири есть событие, о котором до сих пор спорят ученые. Одно бесспорно, что оно относится к Мангазее и связано с ее судьбой, со всем ходом географических открытий на арктическом побережье.

В 1940 г. в глухом таймырском заливе Симса и на небольшом галечном острове Фаддея советские гидрографы, производившие описание северо-восточного побережья Таймырского полуострова, нашли необычные вещи — медные котлы, возле которых лежали топор, ножницы, сковородки, колокольчик, медная гребенка и несколько голубых бусин. Отсутствие консервных банок, обычно характеризующих современную стоянку людей, насторожило гидрографов, и они начали поиски на значительной площади. Были обнаружены сгнившие меха, кусок выделанной кожи и другие предметы. В 1944 г. при вторичном посещении острова нашли несколько русских монет времен царствования Бориса Годунова и Михаила Романова, а также медные кресты, пуговицы, свинцовые пули, бусы синего стекла и кольца-перстни с выгравированными символами. О находках на острове Фаддея гидрографы сообщили

в Арктический институт. В 1945 г. Институт направил туда историко-археологическую экспедицию А. П. Окладникова, которая описала найденные вещи.

Еще в 1941 г. на восточном берегу залива Симса топографы и каюры заметили развалины избушки, сделанной из плавника; недалеко от нее обнаружили медные котлы, такие же, как на острове Фаддея. Во время осмотра избушки были найдены серебряные монеты времен Ивана III и Ивана Грозного, бусы, кресты, перстни, колокольчик, компасы — солнечные часы, огниво с кремнем и трутом и прочие предметы. На острове лежали обломки лодки для недалеких поездок вдоль берега, судовые снасти, блок, тесло, долото, лучковое сверло, цепь. Здесь же находились остатки нарты и ее снаряжение, наконечники стрел, защитные щитки для стрельбы из лука, древко рогатины, рыболовные сети, топоры, ножи, ковш, ложка, пуговицы, огниво, иглы, бронзовое зеркало, обувь, кости позвоночных животных и др. В избушке, очевидно, промысловом зимовье, гидрографы обнаружили кости трех человек: двух мужчин и одной женщины.

Уже в ходе раскопок стало ясно, что на острове Фаддея и в заливе Симса когда-то разыгралась трагедия, причины которой предстояло раскрыть ученым. Большинство вещей ныне хранится в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде. Все найденные вещи подверглись специальной обработке и анализу. В этом увлекательном исследовании участвовали географы, нумизматы, биологи, инженеры, оружейники, медики, искусствоведы и этнографы. Фаддеевские находки стали предметом тщательного изучения. Главное внимание было сосредоточено на монетном кладе, состоящем из 3324 монет, и на надписях на рукоятках ножей (одна из надписей была прочтена палеографами как «Аккакий Муромев»), а также на извлеченном из ножен «кортика» кусочке документа, бывшего, по всей вероятности, проезжей грамотой.

Нумизматы сделали следующие выводы: денежная казна с острова Фаддея и с залива Симса сложилась далеко от места находки, в областях Московского государства, для которых характерна интенсивная хозяйственная жизнь, а не на далеких окраинах, куда деньги приходили волнами; наличие крупной суммы денег на судне говорит об очень далеко шедших целях организаторов экспедиции, отправлявшейся в рискованное плавание вдоль берегов

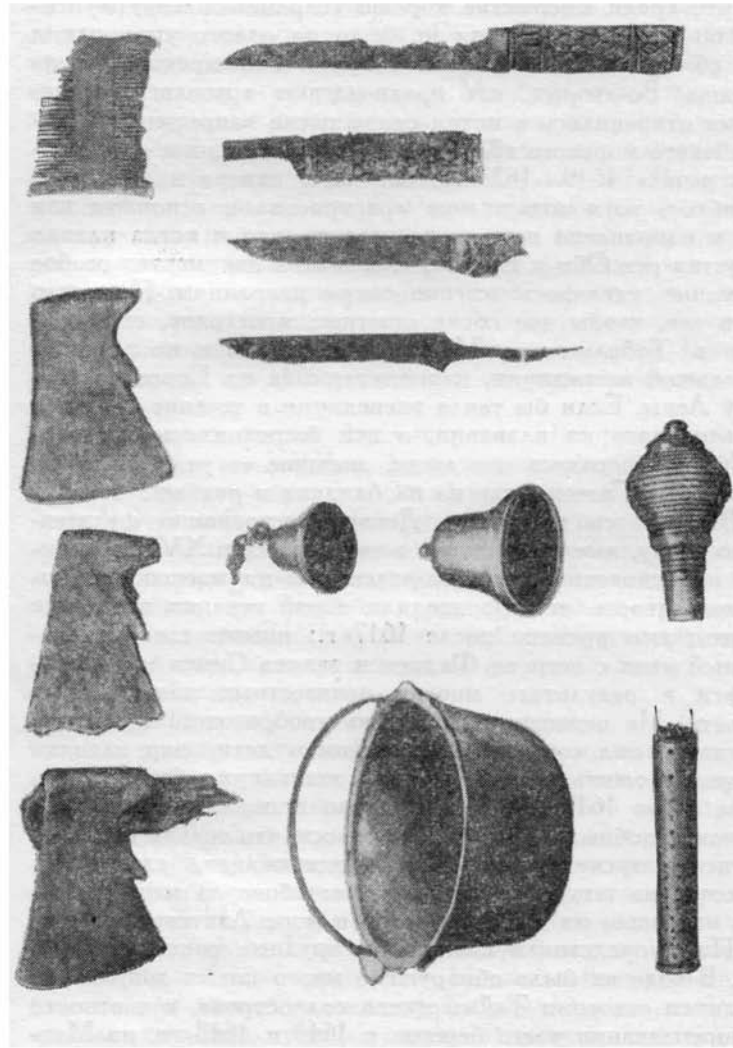
Сибири, конечная цель путешествия лежала где-то далеко на востоке, и то, что путь судна прервался вблизи острова Фаддея, было лишь трагической случайностью. Нумизматическая часть находки, как полагаем, открывает большие возможности для точной датировки события. Добавим, что в дальнейшем на основе монетногоклада было определено время совершения плавания безвестной экспедицией у берегов Таймыра.

В итоге кропотливого анализа ученые заключили: 1) экспедиция, следы которой обнаружены на острове Фаддея и в заливе Симса, несомненно, снаряжена русскими торговыми и промышленными людьми; 2) вокруг Таймыра она пыталась пройти с запада на восток (предположительно из Енисея, Туруханского зимовья или Мангазеи) по морю: это, несомненно, морская экспедиция; 3) экспедиция была снаряжена сразу после 1619 г., после запрещения Мангазейского морского хода, о чем свидетельствуют монеты — нет ни одной монеты чеканки псковского и новгородского монетных дворов от 1617 г., которые были весьма распространены на севере. Монет времени Михаила Романова (1613—1645 гг.) вообще оказалось мало. Люди с залива Симса, несомненно, опытные мореходы-промышленники, о чем говорят и бывшие в их распоряжении компасы — солнечные часы, известные еще в XVI в. под названием «матка». Не удивила и находка шахмат. Как выяснилось, шахматы — широко распространенная игра на Руси XVII в. Известен такой случай. Один из священников Подмосковья обратился с жалобой на своих прихожан за то, что они по воскресеньям отказывались посещать церковь из-за «бесовской игры» в шахматы. Пришлось принять меры «уверования». В коллекции предметов, найденных на острове Фаддея, также имеются шахматные фигурки, и нет сомнения, что в русской промысловой экспедиции XVII в. шахматная игра занимала досуг людей, надолго оторванных от дома.

Мореходные инструменты, промысловое оснащение, предметы торговли свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры русских промышленников вообще и мореходной в частности.

Исторический памятник русского арктического мореплавания с острова Фаддея и залива Симса — это исключительное явление даже среди волнующих находок следов полярных трагедий. Поэтому он обратил на себя внима-

Личные вещи и предметы снаряжения русской промысловой экспедиции XVII в. Из коллекции археологических находок на острове Фаддея и в заливе Симса.

ние документалистов — специалистов по истории русских географических открытий и освоения Сибири прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, казалось странным то, что среди множества хорошо сохранившихся документов по освоению Сибири не было ни одного упоминания ни об одной экспедиции вокруг Таймырского полуострова. Во-вторых, как предполагают археологи, экспедиция отправилась в поход сразу после запрещения Мангазейского морского хода, т. е. после 1619 г., а в «распросных речах» 1619—1623 гг. нет даже намека на что-либо подобное, хотя содержание «распросов» в основном как раз и направлено на выяснение того, кто и когда плывал из устья рек Оби и Енисея, т. е. в этих документах особое внимание уделялось именно таким плаваниям. Не могло быть так, чтобы две сотни опытных мореходов, опрошенных в Тобольске и Мангазее, не знали и не помнили о большой экспедиции, направлявшейся из Енисея в сторону Лены. Если бы такая экспедиция в течение 4—5 лет не вернулась из плавания, о ней беспокоились бы, ведь в Сибири остались же люди, знавшие ее участников, и, может быть, кто-нибудь из их близких и родных.

Выяснилось и другое. Деньги, составившие фаддеевскую казну, имели хождение в течение всего XVII в., причем ни псковский, ни новгородский и ни московский монетные дворы не производили новой чеканки в течение длительного времени после 1617 г.; иными словами, монетный клад с острова Фаддея и залива Симса мог составить в результате многих неизвестных нам обстоятельств. На основании всех этих соображений пришлось поставить под сомнение правильность датировки находки и предположить, что безвестная экспедиция была снаряжена после 1617—1619 гг. Однако и позднее неизвестны случаи подобных плаваний. Считалось, что только в 1878 г. шведская экспедиция А. Э. Норденшёльда, следуя от Диксона на шхуне «Вега», впервые обогнула мыс Челюскин и прошла из Карского моря в море Лаптевых.

Итак, предстояли сложные и трудные поиски в архивах. В ходе их было обнаружено много новых документов о раннем освоении Таймырского полуострова, в частности о мореплавании у его берегов в 1643 и 1648 гг. из Мангазеи на реку Анабар.

Собранные материалы хотя прямо не разъяснили фаддеевскую находку, но уточнили тот исторический фон, на

котором разворачивались события, связанные с ней. Они облегчили датировку. Привлекло внимание одно событие, оставшееся неизвестным историкам. Речь идет о запрещении морских походов с востока в устье реки Анабар и на лежащий против него остров. Само по себе это событие интересно тем, что ассоциируется с аналогичным государственным актом — запрещением Мангазейского морского хода. Инициатива запрещения морских плаваний между Леной и Хатангским заливом, на участке протяженностью свыше 500 км, на этот раз исходила от властей Якутского воеводства. Воевода Петр Головин, прославившийся своими крутыми мерами против казаков и промышленников, под предлогом установления контроля за перевозом пушных товаров и «заморного зуба» своей властью запретил поездки с реки Оленек на реку Анабар, в частности на остров, который ныне носит название Большой Бегичев и который в XVII в. славился залежками «заморного зуба».

Поездки на остров «против устья Набары реки» начались в 40-е гг. XVII в. Всякий проходящий проливом не мог не видеть этого острова и, естественно, не зайти на него. В XX в. Никифор Бегичев побывал на этом острове и нашел там старое зимовье-избушку. Время постройки зимовья определить оказалось несложным делом, так как, кроме шахмат, Бегичев обнаружил под полом стрелецкую секиру — оружие XVII в. А так как в Якутске стрельцы никогда не служили, то секира могла принадлежать только мангазейскому стрельцу.

Но раньше чем это зимовье построили, из Якутска пришел приказ воеводы Петра Головина прекратить всякие поездки на остров «с заморным зубом». Сначала, правда, воевода решил хорошенько разузнать об острове, а поэтому в 1642 г. он поручил едущему на Оленек известному полярному мореходу Ивану Реброву узнать «про Набару реку и промышленный остров с заморным зубом... сколь долече Набара река, и какие в ней люди, и сколько их, и долече ли от Набара реки остров морской с заморным зубом и какой к нему ход». Из дальнейшего явствует, что Ребров выполнил задание Головина, а тот, получив точные сведения, распорядился запретить поездки на морской остров и реку Анабар.

Оленекскому целовальнику Ивану Шелковнику воевода приказал: «смотреть и беречь накрепко и о том им,

служивым людям, заказ учинить крепкий всем торговым и промышленным, чтоб никто на море к острову, где скаывают заморный зуб, не ходили и дорогу туда б не прокладывали». Уже много позже того, как на Анабаре возникло мангазейское ясачное зимовье, когда бассейн этой реки вошел в состав мангазейских территорий, якутские воеводы продолжали требовать от своих ясачных сборщиков и целовальников, чтобы они никого не пускали на Анабар и морской остров. Вскоре район, на который распространялось запрещение, заметно расширился. В 50-е и 70-е гг. не разрешалось переходить не только с Анабара и морского острова на Оленек, но и на северо-восточные реки — Яну, Индигирку, Колыму и Анадырь. Запрет распространился и на неустановленную никем сухопутную границу между Якутским и Мангазейским уездами. В 1652 г. верхневилуйский целовальник Лазарь Никитин должен был «заказ учинить крепкой всем торговым и промышленным людям, по всем зимовьям, чтоб никто из них с Вилюя и с Лены на Нижнюю Тунгуску через Вилюйский хребет в Мангазейский уезд отнюдь не ходил». Ослушников было приказано ловить и под охраной препровождать в Якутск.

Продолжавшиеся напоминания о запрете ходить «заповедным путем» лишний раз говорят, что нарушения его все же имели место и что какое-то количество людей переходило через «границы» уездов, несмотря на строгий указ. Просачивание через кордоны становилось тем настоящим, чем быстрее исчезал соболь в старинных промысловых районах Сибири. Именно Мангазейский уезд в последней четверти XVII в. представлял наглядное тому доказательство. Но не лучше обстояло дело и во многих районах Ленского воеводства, где из-за хищнического истребления пушного зверя промыслы резко упали, а это привело к новой серии походов в «новые землицы». Промышленные люди проникли в «Коряцкую Землю», а затем и на Камчатку, последний «пушной Клондайк» Сибири. Слухи о «Коряцкой» и «Камчатской» землях распространились довольно быстро.

Именно в обстановке 80-х гг. XVII в. всего вероятнее возник дерзкий план обхода по морю недоступного Таймырского полуострова — последней преграды на пути из Мангазеи в северо-восточные земли, манившие многих своими богатствами.

В этой связи стали накапливаться новые материалы и документы, которые позволили историкам приоткрыть завесу над тайной фаддеевской трагедии. В 1949 г. В. Ю. Визе опубликовал в «Летописи Севера» очень интересные выдержки из сочинения голландского этнографа и географа XVII в. Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» (Амстердам, 1690 г.). Известно, что голландец с помощью своих русских корреспондентов внимательно следил за событиями в Сибири. Его особенно привлекали сведения о плаваниях вдоль Евразийского побережья и на наиболее трудных его участках — вокруг Таймырского и Чукотского полуостровов. Немало этих сведений Витсен получил позднее, когда в Голландию в 1697 г. прибыло «Великое посольство» во главе с Ф. А. Головиным, сыном тобольского воеводы Алексея Петровича Головина.

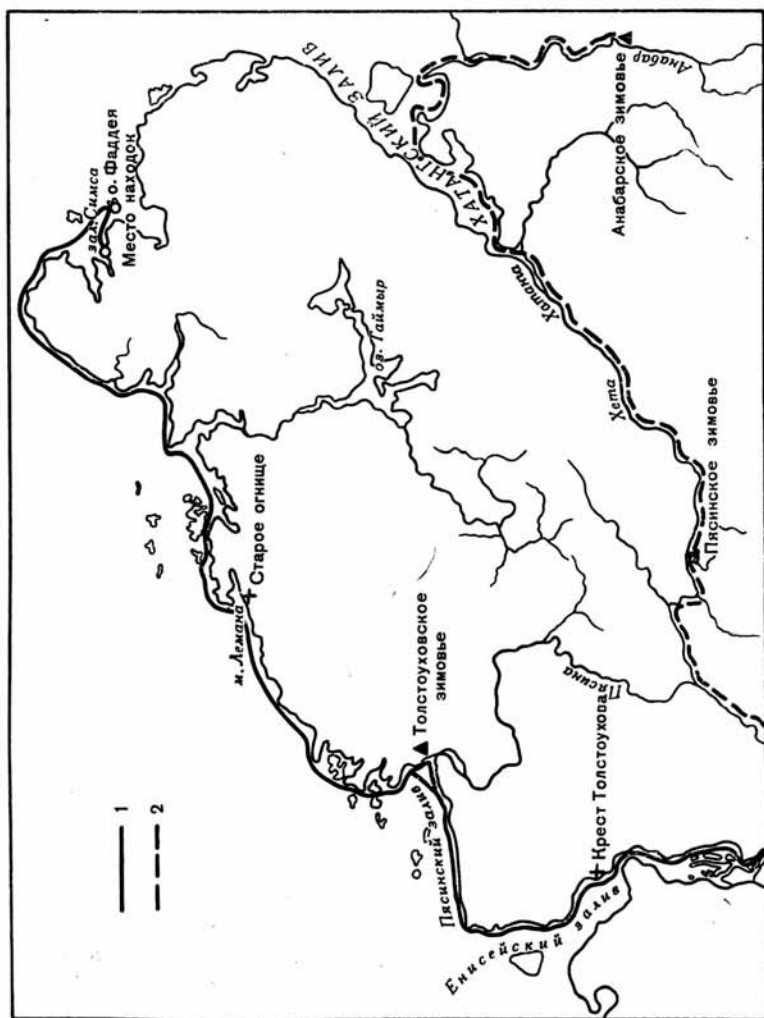
«Как говорят,— писал Н. Витсен,— высокочтимый господин Головин, когда он был тобольским наместником, отправил по Енисею в море 60 человек, чтобы попытаться проехать оттуда к Лене и обогнуть Ледяной мыс, но никто из них не вернулся, так что морской берег там неизвестен. Я подозреваю, не является ли это плавание тождественным с тем, о котором речь была выше.» А выше Витсен рассказал о плавании Ивана Толстоухова: «Иван Толстоухов, у которого прозвище Толстое Ухо, сын видного русского дворянина поплыл в 1686 году, по приказу, по Енисею на трех кочах, чтобы обогнуть с севера морские берега. Однако он не вернулся, и можно думать, что он погиб со всей своей командой». Эти данные Н. Витсен получил от тобольского воеводы Головина, и, таким образом, его сообщение приобретает характер документальный. Однако полного доверия сообщению голландца не было, так как в русских источниках подтверждения ему не нашлось. Просматривая в Военно-морском архиве рукописи Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.), автор этих строк встретил важное упоминание об экспедиции Толстоухова, причем в такой форме, которая не вызывала сомнений. В судовом журнале за 1738 г. бота «Оби-Почтalion», которым командовал штурман Федор Минин, есть запись одного очень важного события: во время остановки в Енисейском заливе у Крестового зимовья туруханские посадские люди Сергей Соболев и Григорий Кибалин, бывшие с Минниным, указали ему на место, где стоял старинный крест с надписью. Минина это очень

заинтересовало, и он отправил офицера Паренаго с группой матросов, приказав им осмотреть крест и прочесть надпись. В судовом журнале сказано: «Паренаго репортовал: написано на кресте 7195 год ставил оный крест мангазейский человек Иван Толстоухов». Находка Минина самым убедительным образом подтвердила сообщение Н. Витсена по двум важным пунктам: во-первых, экспедиция, отправившись в 1686 г. из Новой Мангазеи, зимовала в 1687 г. недалеко от зимовья Крестового; во-вторых, эту экспедицию возглавлял мангазейский человек Иван Толстоухов. В материалах плавания Федора Минина отыскалось и другое свидетельство о походе Толстоухова. На карте Ф. Минина 1740 г. имеется указание на вторую зимовку Толстоухова. Она произошла в районе Пясинского залива, где Толстоухов и его товарищи срубили зимовье, которое Минин назвал «зимовье Толстоухова». Следовательно, экспедиция смогла продвинуться на значительное расстояние и оставила след на западном берегу Таймыра. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Витсен считает, что все участвовавшие в ней 60 человек погибли.

Но совсем недавно, в 1968 г., в журнале за 1740 г. описи Таймыра, который вел участник Великой Северной экспедиции — штурман Семен Челюскин, гидрограф В. А. Троицкий нашел упоминание о находке «старого огнища» недалеко от мыса Лемана в глухом заливе Миддендорфа, впервые посещенном Челюскиным. В этом заливе у мыса Лемана в 1961 г. гидрографы Диксоновской базы нашли кости человека — череп, поросший мхом, т. е. очень старый. Налицо следы трагедии и пребывания людей («старое огнище» для человека XVIII в. — для Челюскина, по крайней мере могло быть «огнищем» предыдущего века) на западном побережье Таймырского полуострова. Не является ли это «старое огнище» следом толстоуховской экспедиции? В руках историков-документалистов сейчас есть неоспоримое свидетельство о русской торгово-промысловой экспедиции 1686—1687 гг. вокруг Таймыра, которую возглавлял Иван Толстоухов. Это свидетельство коренным образом может повлиять на пересмотр датировки фаддеевской находки.

Кто же был Иван Толстоухов? Толстоуховы — хорошо известные торговые люди Поморья; они одни из первых проникли за Урал и основали там свои промыслы. Есть сведения, что родоначальник этого торгового дома

Пути освоения русскими Таймырского полуострова в XVII в.

1 — предположительный маршрут экспедиции Толстоунова, 2 — речной и морской путь с Енисея на Анабар.

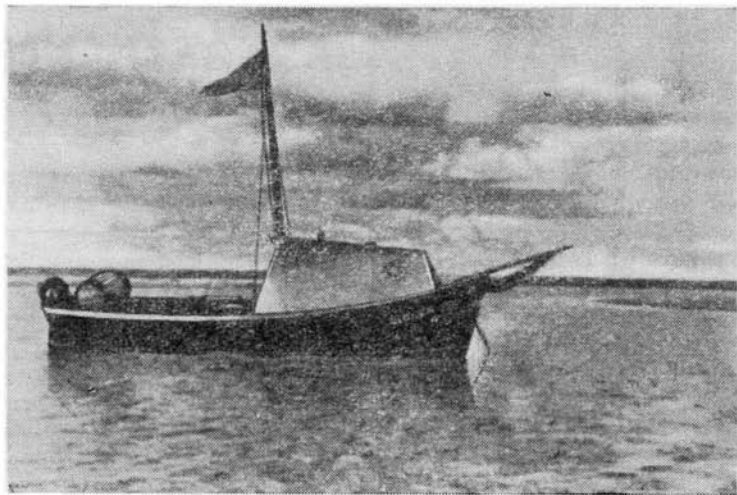
Леонтий Толстоухов еще в конце XVI в. побывал на Енисее, задолго до прихода туда царских войск. В таможенных делах Усть-Сысольского яма имеется запись от 1596 г. о проезде великоустюжского торгового человека Леонтия Толстоухова в Сибирь на 17 лошадях. Рядом с этой записью отмечен проезд Федора Петрова, предъявившего таможе «енисейских соболей». Леонтий Толстоухов через 34 года торговал в Мангазее и участвовал в распре воевод на стороне Григория Кокорева. В 1635 г. Леонтий прибыл на двух кочах из Тобольска в Мангазею, причем местная таможня оценила его товары в 903 рубля. С ним прибыли в Тазовский город его сыновья Аргун и Елизар, а также Иван Иванов Толстоухов, который доставил в Мангазею товары, оцененные в 657 рублей. Очевидно, мангазейские промыслы вскоре сделали Ивана Толстоухова богатым человеком. Он разбогател, стал видным торговцем и в 1641 г. был избран таможенным головой Туруханского зимовья. Что касается Леонтия Толстоухова, то он в 1642 г. на реке Лене возглавлял артель, состоящую из 17 покрученников. Кроме того, на Енисее в торгах участвовал Ждан Толстоухов, титулованный торговец, член гостиной сотни. Следовательно, торговый дом Толстоуховых в течение долгого времени был связан с мангазейским мореплаванием и торговыми и промышленными делами на Енисее и в Якутском воеводстве. И поэтому нет ничего необычного в том, что один из представителей этого дома, Иван Толстоухов, в 80-х гг. XVII в. предпринял неудавшуюся и окончившуюся трагически попытку проложить новый морской путь из Енисея к реке Лене. Он шел по «заповедному пути». Всего вероятнее, что остатки его экспедиции и найдены на острове Фаддея и в заливе Симса.

МАНГАЗЕЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Современный интерес к Мангазее, к необычной судьбе первого русского города за Полярным кругом возник в связи с таким же необычным для нашего времени морским походом Дмитрия Буторина и Михаила Скороходова, совершенным летом 1967 г. на карбасе «Щелья» по пути древних поморов. Внимание общественности к Мангазее, к героическому прошлому русского мореплавания, к славным страницам истории Сибири не прошло бесследно. Оно уже вылилось в организацию Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Мангазейской историко-географической экспедиции, о которой речь впереди.

Еще в 1900 г. городище Мангазеи посетил русский путешественник В. О. Маркграф, совершавший поездку по Енисею, Оби и Уралу. Он первый обнаружил точное местоположение старого городища. В Географическое общество, снарядившее его экспедицию, он писал с дороги: «На месте, где значится «часовня», из высокого берега, подмываемого рекою, обнажаются бревна подвальных построек некогда бывшего здесь города Мангазеи. У подош-

Карбас «Щелья» (фото 1967 г.).

вы берега жители находят изредка металлические предметы». Попытку проникнуть в тайну Мангазеи предпринял в 1914 г. томский биолог И. Н. Шухов. В начале августа, путешествуя по реке Таз для пополнения зоологических коллекций, он посетил городище и даже пытался произвести раскопки. «В настоящее время,— писал он,— от города Мангазеи остались лишь одни развалины. По берегу торчат бревна построек, нижние оклады зданий, тянувшихся вдоль высокого обвалившегося берега до ручья. Сохранилось едва только одно строение — судя по архитектуре, башня. Сохранилось три стены. В одной есть бойницы, архитектура аналогичная с башнями в Юильском городке на реке Казыме. Место, где была Мангазея, кочковатое, поросшее сорной травой и кустарниками. Берег обваливается и остаются мелкие предметы, как стрелы и ножи (металлические части). Я нашел наконечник стрелы и деревянный крестик древнерусского стиля. Пытался произвести раскопки, но грунт оттаял на $\frac{3}{4}$ аршина, несмотря на конец лета. При раскопке сперва шел наносный грунт, потом обгоревшие кусочки дерева и угли, дальше шла мерзлота, которую без помощи лома не было возможности копать. На развалинах Мангазеи в настоящее время находится часовня, называемая на картах часовней Василия Убиенного.»

В 1927 г. Географическое общество снарядило на реку Таз экспедицию для топографической съемки. Экспедицию возглавил Р. Е. Кольс, который рассказал о посещении городища Мангазеи на страницах своей книги. В августе экспедиция прибыла к высокому берегу реки Таз, где нашла остатки стен и жилых построек древнего города. Р. Е. Кольс отмечает, что «на берегу от оврага к ручью, постепенно понижающемуся, торчат бревна построек. По расположению этих бревен можно заключить, что это остатки стен, обращенных к матерiku, стены же выходявшие к реке, уничтожались обвалами, подмывом рекой и уносились половодьем. По берегу оврага тянется ряд бревен, забитых стоймя, как сваи, плотно друг к другу, очевидно, какая-то стена, возможно, крепостная. Проследить ее удалось шагов на 20, а дальше она тянется под землей. Из других построек сохранился какой-то сруб, стоящий от берега шагов на 100—150».

Первая попытка произвести археологические раскопки на городище Мангазеи относится к осени 1946 г., когда Арктический научно-исследовательский институт направил в низовье Оби и Таза специальную археологическую экспедицию в составе четырех человек под руководством археолога В. Н. Чернецова. К сожалению, на городище Мангазеи В. Н. Чернецов прибыл в середине сентября, когда летний сезон закончился. Раскопки произвести не удалось. И все же В. Н. Чернецов выполнил полезную работу, расчистил небольшую прибрежную площадь, около 300 квадратных метров, в районе от устья Осетровки до Ратиловского ложка, собрал образцы керамики, обломки отдельных предметов, залежавших в песке и среди камней. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская (другие два участника экспедиции остались в Тазовском) детально ознакомились с рельефом городища и составили его план.

Раскопок на городище В. Н. Чернецов не производил. В числе его находок были кости домашних животных (коровы и свиньи), керамика, вещи, сделанные из железа (ножи, гвозди, сапожные подковы, петли от котла, часть двери, засовы). Были найдены: фрагментарный оловянный бокал, обломок китайского фарфорового сосуда, разных расцветок стекло, фаянс, монеты времен Ивана IV, Михаила и Алексея Романовых, нюрнбергские монеты, свинцовые пули и предметы одежды. Все эти вещи были доставлены в Ленинград — в Музей Арктики.

Находки на посаде дали основание В. Н. Чернецову сделать вывод о том, что Мангазея не являлась лишь военным форпостом. «Это было прочно обжитое место,— писал он,— где русские стремились создать привычный для них уклад хозяйства. Мангазея жила не только привозными товарами, хотя основной удельный вес в Мангазее имела все же торговля с поразительно широким для своего времени и места размахом.»

Приходится пожалеть, что работы на городище Мангазеи вскоре пришлось прервать из-за наступивших морозов.

И вот в сезон 1968 г. старое городище Мангазеи посетила комплексная экспедиция, в задачу которой входило как историко-археологическое изучение Мангазеи, так и физико-географические исследования ее района. Ко времени выхода этой книги археологи (в раскопках принял участие сотрудник Института археологии АН СССР О. В. Овсянников) и географы (отрядом географов руководила Р. И. Юнак) вернулись в Ленинград, доставив в Музей Арктики и Антарктики свыше тысячи предметов, характеризующих жизнь древнего города, его материальную культуру, в том числе мореплавательную (крупные детали кочей, бортовые доски, положенные в основание интерьеров — полов, потолков, внутренних переборок), ремесла и торговлю.

На схемах (стр. 53, 56) показаны некоторые результаты раскопок 1968 г. Изучению подверглась значительная площадь — около 3 тысяч квадратных метров, что составляет $\frac{1}{10}$ современного городища. Положены на точные планы (1:20) раскопанные постройки в крепости-кремле: воеводский двор, располагавшийся на площадке свыше 800 квадратных метров (он имел два крыла — западное и восточное, развернутых в сторону реки Таз, где проживало разом два воеводы с семьями и челядью); съезжая изба, построенная, как и воеводский двор, в 1601 г. (данные дендрохронологического анализа, по кольцам определяющего не только возраст дерева, но и время его порубки); соборная церковь Троицы, под алтарным полом которой обнаружены детские захоронения, в их числе трапециевидный, обернутый в бересту гроб с останками девочки лет 14 (сохранились, кроме костяка, саван и мумифицированные мышцы, каштановые волосы); остатки трех из пяти башен — Спасской, Успенской и Ратиловской;

бревна крепостных стен: острожные, срубленные в 1604 г., и городовые, возведенные, по данным дендрохронолога С. Г. Шиятова, в 1607 г. К сожалению, башни Давыдовская, Зубцовская и южная стена между ними ушли под 12-метровый обрыв в реку Таз. Они нанесены на план условно.

На поросшей высокими березами 56-метровой полосе отчуждения, расположенной между крепостью и посадом, обнаружили жалкие остатки часовни Василия Мангазейского. Это типичный для культовых построек сруб, в нем найдены керамическая лампадка и костяные конечности «мощей», обернутых в малицу и уложенных в сооружение в виде гроба, прикрытого сверху кочевыми досками.

На посаде, вдоль обрывистого берега, найдены развалины каких-то важных сооружений, возможно, комплекса гостиного двора, датируемого 1601 г. Во всяком случае, здесь стояли торговые, ремесленные, а также жилые дома и среди них жилище городского ювелира (об этом можно судить по льялам, необработанным драгоценным камням, серебряным перстенькам, кольцам); мастерская сапожника (обнаружен сапожный нож с длинной кожаной рукояткой и срезанным под острым углом коротким лезвием, куча кожаных обрезков. Кстати, кожаная обувь была широко распространена в Мангазее: найдены массивные стрелецкие сапоги с вставными деревянными втулками в закаблучье и с подкованными каблуками, детские и женские сапожки. Под обрывом напротив построек находили серебряные монеты времен Ивана III, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Михаила Романова, медные деньги времени Алексея Михайловича, агат, зерна изумруда, сердолик, серебряные и другие изделия.

В центре посада на возвышении был обнаружен литейный и жилой комплексы построек. Среди находок есть медеплавильные печи, шлак, тигли, деревянные и железные детали воздуходувных устройств, остатки плавления (по предварительным данным анализ плавки, произведенный в Институте геологии Арктики под руководством Н. Н. Урванцева — открывателя медно-никелевых руд в районе Норильска, показал, что в них содержится большой процент никелевых руд, вообще характерных для оруденения Таймыра).

Раскопки Мангазеи будут продолжены в 1969 г. Задача новой экспедиции — продолжить раскопки в главной части

города, на посаде. И хотя в основном решен весьма дискуссионный вопрос о том, была ли Мангазея преимущественно городом-крепостью, или она являлась обычным средневековым поселением городского типа с постоянным, пусть и небольшим, по понятиям нашего времени, числом жителей, еще предстоит много работы. Не выяснена планировка города, не изучены здания ремесленного и жилого комплексов.

И когда раскопки будут завершены, а результаты их обнародованы, в руках ученых окажется первоклассный материал. На основании этого материала можно будет составить представление о характере и особенностях не только первого русского города за полярным кругом, что само по себе интересно и важно, но и вообще о русских городах Сибири XVI—XVII вв., о городах, являвшихся форпостами продвижения и освоения бескрайних пространств тайги и тундры, центрами высокой культуры, ремесленного производства, развитой торговли. Такие материалы помогут составить более верное представление о торговых и культурных связях с далекими странами Востока и Запада. Мангазея, в отличие от других старых русских городов Сибири незаселенная сегодня, может быть превращена в археологическую модель феодального города Сибири и Севера России. И тогда будет сделан шаг в направлении ее реконструкции, т. е. тогда силою воображения архитектора-художника на месте современной березовой рощи вновь возникнет удивительное сооружение народного градостроительного гения — город с башнями и крепостными стенами, храмами и гостиным двором, таможнями и «государевыми» амбарами, литейными мастерскими и домами ремесленников, под крышами которых, увенчанными кровлями и коньками, жили в далекую старину трудолюбивые и смекалистые, на все готовые и все умевшие, оборотистые и ко всяким ремеслам «свычные» русские люди из вечно живого и неистребимого племени первопроходцев — наши предки.

Таковы планы, надежды и мечты ученых. Удастся ли их осуществить в полной мере, покажет недалекое будущее. Во всяком случае, продолжение археологического изучения Мангазеи — дело стоящее, нужное, польза его для науки несомненна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Мечта и действительность

Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII века. СПб, 1902.

Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1954.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964.

Полярные мореходы

Царская жалованная грамота Пенежским промышленным людям о дозволении им промышлять в Мангазее (Январь 1600 г.). Акты исторические, т. II, СПб, 1841.

Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник из истории древнего поморского мореплавания. Труды отдела древнерусской литературы, т. IV, Л., 1958.

Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб, 1888.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. I, М., 1956.

Отписки тобольских воевод о путях сообщения из Мангазеи на Русь. Русская историческая библиотека, т. II, № 254, СПб, 1875.

Указ Бориса Годунова

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I. Приложения № 29, 36, 43, 45. М.—Л., 1937.

Сб. док. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии». Раздел «К истории Мангазейского морского хода». Сост. Н. С. Орлова. М., 1951.

Копии документов Туруханской воеводской канцелярии, снятые Г. Ф. Миллером. Архив Академии наук (далее — ААН), ф. 21, оп. 4, д. 21.

Наказы мангазейским воеводам, РИБ, т. II, № 188.

Мангазейский морской ход

Рассказы Леонтия Иванова Шубина Плехана и Фомы Борисова Пинежанина о плавании в Мангазее. РИБ, т. II, стр. 1087—1092.

И срубилша град Мангазею

Росписной список города Мангазен. Русская историческая библиотека, т. II, № 135.

Ответы на запрос Сената Мангазейской воеводской канцелярии в связи с составлением Российского Атласа Академии наук (1761 г.). ААН, ф. 3, оп. 1-а, д. 193.

Наказные памяти мангазейским воеводам Жеребцову и Давыдову, Ивану Неледенскому и Степану Забелину, Воину Новокрещенову и Ивану Биркину. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21.

Мирская община

Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, М., 1955.

Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645). Харьков, 1893.

Конец поморской вольницы

Отписки тобольских воевод о путях сообщения из Мангазеи на Русь. Русская историческая библиотека, т. II, № 254.

Сб.: «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии». Раздел «К истории Мангазейского морского хода». Сост. Н. С. Орлова. М., 1951.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю. В. Готье. М., 1937.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

После запрета

Бахрушин С. В. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, М., 1955.

Таможенные дела Мангазен. Центральный государственный архив древних актов. Сибирский приказ, ст. 20 (1628 г.), кн. 45 (1632—1633 гг.), кн. 22 (1630 г.), кн. 19 (1629 г.), кн. 34 (1632 г.).

Воеводская смута

Розыскные дела Мангазейские Г. И. Кокорева да Андрея Федоровича Палицына. Центральный государственный архив древних актов, фонд: Приказные дела старых лет (1629—1631 гг.), № 28, 45, 71 (части 1 и 2).

Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, М., 1955.

Его же. Андрей Федорович Палицын. Там же.

Тараканы ползут из города

Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, М., 1955.

Анучин Д. Город Мангазея и Мунгазейский уезд. Ж. «Землеведение», т. X, кн. IV, СПб, 1903.

Житков Б. Город Мангазея и торговый путь через Ямал. Естествознание и география, № 5, 1903.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край), М., 1964.

Новая Мангазея

Экстракт ясачной книги Мангазеи. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21.

Белов М. И. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова. Сб.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.», Л.—М., 1951.

Ответы на запрос Сената Мангазейской воеводской канцелярии в связи с составлением Российского Атласа Академии наук (1761 г.). ААН, ф. 3, оп. 1-а, д. 193.

По запретному пути

Окладников А. П. Русские мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1957.

Устимович П. М. Остров Бегичева, его открытие и описание. Труды Полярной комиссии Академии наук СССР, вып. 11, Л., 1932.

Witsen N. K. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1705.

Спасский И. Г. Денежная казна. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса». Л.—М., 1951.

Мангазейское городище

Берг Л. С. Географическое общество за 100 лет. Л.—М., 1946.

Шухов И. Н. Общий обзор бассейна реки Таза. Ачинск, 1915.

Кольс Р. Е. Река Таз. Л., 1930.

Чернецов В. Н. Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазею. Научные фонды Арктического и антарктического института.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Мечта и действительность	5
Полярные мореходы	13
Указ Бориса Годунова	30
Мангазейский морской ход	39
И срубиша град Мангазею	45
Мирская община	53
Конец поморской вольницы	60
После запрета	72
Воеводская смута	80
Тараканы ползут из города	92
Новая Мангазея	100
По запретному пути	107
Мангазейское городище	129
Источники и литература	125

Белов Михаил Иванович

МАНГАЗЕЯ

Редактор *Л. П. Жданова*

Технический редактор *Г. С. Николаева*

Корректоры *В. С. Игнатова* и *Т. Н. Черненко*

Сдано в набор 30/1 1969 г. Подписано к печати 23/VI 1969 г. Бумага тип. № 1.
84×108¹/₃₂. Бум. л. 2. Прив. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 4,8. М-28100. Индекс ПЛ-87.
Тираж 37 000 экз. Заказ 1550. Цена 25 коп.

Гидрометеорологическое издательство. Ленинград, В-53, 2-я линия, 23

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного Комитета Совета Министров БССР
по печати.
Минск, Красная, 23.